This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

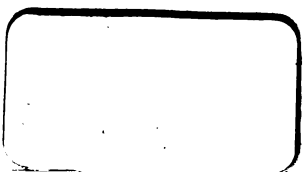
Slav. 1628.16

HARVARD COLLEGE LIBRARY

BOUGHT WITH THE INCOME

OF THE

BAYARD L. KILGOUR JR. SLAVIC FUND



0159279
Мко
14037/74

24599.

NOVIKOV

„SBORNIK STATEI"

30(08)
Н-73

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

320
А73с

1899—1900 гг.

АЛЕКСАНДРА НОВИКОВА

Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

Slav 1628.16

Kilgour Gift

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY NOV 10 1975

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Статьи о деревнѣ.

	стран.
Что нужно деревнѣ	1
О необходимости закона для деревни	8
Продовольственное дѣло и земство	13
Преобразованіе продовольственнаго дѣла	22
Отрицаніе голода	26
Сельское хозяйство и Министерство земледѣлія	29
О вмѣшательствѣ губернскаго земства въ уѣздныя дѣла	37
Къ конверсіи выкупныхъ платежей	45
Административная ссылка	49

Статьи о крестьянскихъ заработкахъ.

Заработки въ черноземной полосѣ въ голодный годъ	53
Вызовъ г. Дм. Бодиско	58
Г-ну Бодиско	60
Еще о лѣтнихъ и зимнихъ заработкахъ	61
Еще о наемкѣ впередъ	66
Дѣло съ г. Бодиско	71
Неожиданный конецъ дѣла съ г. Бодиско	73
О Чернскомъ уѣздѣ	76
Сытыя цѣны	80

Статьи о дворянствѣ.

Неужели это правда?	86
Отвѣтъ и новые вопросы г. Кожину	89
Еще о липецкой рудѣ	96

СТРАН.
Какіе вопросы выдвигаются липецкимъ дѣломъ 98
Законъ и государственные интересы 102
Почему я писалъ о липецкомъ дѣлѣ 106
Новые дворянскіе пансіоны 112
Роль дворянства въ Россіи 116
Открытое письмо кн. В. П. Мещерскому 121
Еще открытое письмо кн. В. П. Мещерскому 123
Послѣднее слово о кн. В. П. Мещерскомъ 124

Статьи о народномъ образованіи.

Народная школа и ея будущность 127
Россія и школа 135
Письмо С. Ѳ. Шарапову 140
Нужно ли въ Тифлисѣ высшее учебное заведеніе 142

Статьи по вопросамъ политики.

Христіанство и язычество 155
Что препятствуетъ идеѣ мира 161
Патріотизмъ и шовинизмъ 167
Объ идеалахъ въ политикѣ 178

Статьи о дуэляхъ.

Не убій 198
Наука объ убійствѣ 204

Статьи о русскомъ языкѣ.

Замѣтка о русскомъ языкѣ 217
Къ вопросу о чистотѣ русскаго языка 219

Статья по разнымъ вопросамъ.

Нѣсколько фактовъ изъ практики коронныхъ судей 226
Три новыхъ магистрали 239
Цензура редакцій 244
Геній и шовинизмъ 247
Маленькіе люди 251

СТАТЬИ О ДЕРЕВНѢ.

Что нужно деревнѣ.

Тридцать восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне стали жить по-человѣчески. Между тѣмъ положеніе ихъ все ухудшается, бѣдность растетъ со дня на день, голодъ, страшно сказать, становится чуть не хроническою болѣзнію. Постоянно этотъ фактъ констатируется и въ печати, и въ офиціальныхъ сферахъ. Причинъ тому указываютъ много: и покровительственную систему, и желѣзнодорожные тарифы, и непосильныя подати, и пьянство, и лѣнь, и многое другое. Соотвѣтственно прописываются и рецепты: отмѣна пошлинъ на желѣзо и машины; перевозка хлѣба желѣзными дорогами въ убытокъ, замѣна налоговъ поземельныхъ и акцизныхъ подоходными; наконецъ—крѣпкая власть, опека надъ мужикомъ, и проч.

Съ другой стороны, если поговорить съ мужиками, то услышите иное. Конечно, прежде всего идутъ жалобы на плохіе года, на то, что земли мало, что скотина не водится. Но если разговоръ продолжить и глубже вникнуть въ его жизнь, то многое раскроется, чего самъ мужикъ не сознаетъ или, по крайней мѣрѣ, не сумѣетъ формулировать.

0159279
МКО
14037/74

24599.

закономъ. Въ крайнемъ случаѣ можетъ быть рѣчь о четвертномъ обычаѣ, но права нѣтъ. Тутъ мы имѣемъ разрядъ дѣлъ, рѣшаемыхъ по обычаю.

Конечно, мѣстный обычай есть одно изъ основаній гражданскаго права, но не таковымъ онъ является, когда въ концѣ каждаго гражданскаго дѣла волостной писарь пишетъ: «А посему волостной судъ по мѣстному обычаю опредѣлилъ и т. д.» Обычай, какъ основаніе права, долженъ быть опредѣленъ, извѣстенъ всѣмъ, какъ тяжущимся, такъ и судьямъ всѣхъ инстанцій, а потому и изложенъ письменно и утвержденъ къ примѣненію. Тогда это обычай, возведенный въ законъ. Это прекрасно. Но мною приведенная формула вовсе не доказываетъ, что волостной судъ держится мѣстнаго обычая. Велѣно судить по обычаю, вотъ и пишутъ: «по обычаю». А въ дѣйствительности судятъ по произволу. Такъ и дѣла, касающіяся четвертного владѣнія, рѣшаются (и притомъ во всѣхъ инстанціяхъ) по произволу, а потому и различно въ разныхъ судахъ. Думаю, что останавливаться долго на неумѣстности землевладѣнія, не основаннаго на писанномъ законѣ, не стоитъ.

Приведу третій примѣръ отсутствія закона. Кто въ семьѣ старшій домохозяинъ и какія его отношенія къ остальнымъ членамъ семьи? Обязанности и права домохозяина извѣстны: ходить на сходы, участвовать въ сдѣлкахъ съ разными лицами, распоряжаться общимъ имуществомъ. Не всегда старшимъ домохозяиномъ является глава семьи; иногда онъ бразды правленія передаетъ сыну, часто не старшему. На этомъ часто играютъ, чтобы не платить долговъ. Займетъ денегъ сынъ, а отецъ отказывается платить, говоря, что сынъ деньги занималъ не для семьи, а на пропой. Возникаетъ вопросъ: долженъ ли старшій платить долги младшихъ? Есть сенатское рѣшеніе, что стар-

шій домохозяинъ платитъ по долгамъ младшихъ членовъ: судъ присуждаетъ съ сына, а старшина при исполненіи взыскиваетъ съ отца. Бываетъ, что сынъ гуляетъ и дѣйствительно занималъ на вино да на карты — отецъ основательно не хочетъ платить. Тутъ есть рѣшеніе Сената, что по долгамъ неотдѣленныхъ членовъ семьи съ имущества семьи взыскивается только тогда, если деньги пошли въ семью: по рѣшенію суда, старшина можетъ и не взыскивать съ отца. Оказывается, что приведенныя два рѣшенія Сената противорѣчатъ одно другому. Суду рѣшить невозможно, куда пошли деньги, занятыя сыномъ: онъ присуждаетъ ихъ съ сына же, а старшина воленъ взыскивать, если симпатизируетъ истцу, и не взыскивать, если ему милѣе отвѣтчикъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ будетъ правъ. Это ли не богатое поле для произвола и связанныхъ съ нимъ злоупотребленій?

Примѣровъ шаткости и отсутствія законовъ можно привести сколько угодно. Отношенія отдѣльныхъ лицъ къ общинѣ, крестьянъ между собой, членовъ семьи къ домохозяину и между собой—все это не опредѣлено закономъ. Вотъ почему руки отваливаются у мужика пріобрѣсти болѣе того, что семьѣ нужно, чтобы годъ не умереть съ голода; вотъ почему мужикъ вѣчно жалуется на начальство, на сосѣда; вотъ почему онъ убѣжденно говоритъ: «Да что законъ? вы все можете». И онъ правъ: дѣйствительно, все можно, потому что нѣтъ закона. Работа по составленію закона для крестьянъ до того громадна, что къ ней и не приступается. Но даже и существующія положенія требуютъ большой кодификаціонной работы. Весь законъ 1889 года, какъ общее положеніе, трактуетъ о давно прошедшихъ мировыхъ посредникахъ. Приходится рыться то въ одномъ изданіи, то въ другомъ. Не найдешь, какое сенатское изданіе обязательно, какое не-

обязательно. Естественно, что многіе махаютъ на все это рукой и рѣшаютъ какъ Богъ на сердце положитъ. Этотъ произволъ родитъ несправедливость, несправедливость родитъ ропотъ, уныніе, сутяжничество и въ концѣ концовъ массовое разореніе. У насъ все говорятъ про экономическія и финансовыя мѣры. Возможны ли онѣ, когда съ одной стороны темнота народная лишаетъ его всякой инициативы, съ другой — когда никто не можетъ сказать, что на это я имѣю право, а на это нѣтъ?

Вспоминается мнѣ, какъ Катковъ началъ разъ передовую статью словами: «Правительство идетъ». Слышимъ мы въ судѣ ежедневно судебнаго пристава, провозглашающаго: «Встаньте, господа, судъ идетъ». Скоро ли можно будетъ сказать мужику: «Встань, голубчикъ, перекрестись, законъ идетъ»?...

О необходимости закона для деревни.

Нѣсколько времени тому назадъ я написалъ статью о необходимости нормировать закономъ отношенія крестьянъ между собой и замѣнить нашъ мѣстный судъ, основанный на псевдо-обычномъ правѣ, судомъ по писанному закону. На это появилось въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» возраженіе г. Дмитріева. Хотя статья его еще не окончена, но такъ какъ со времени появленія ея начала прошло уже дней десять и такъ какъ въ появившейся части уже помѣщено опроверженіе моихъ доводовъ, то не лишнимъ считаю пояснить свою мысль. Очевидно, я не ясно выразился, потому что большинство возраженій г. Дмитріева происходитъ отъ невѣрнаго пониманія мною высказанныхъ положеній. Какъ обыкновенно въ нашей газетной полемикѣ, въ статьѣ г. Дмитріева не обошлось безъ

намековъ на мои личныя свойства, напр. на узкость моей точки зрѣнія бывшаго земскаго начальника. Оставляю эти сужденія о моей личности въ сторонѣ.

Статья моя была озаглавлена «Что нужно деревнѣ» и доказывалъ я, что прежде всего деревнѣ нуженъ законъ. Вѣроятно, заглавіе было слишкомъ обще, и вотъ г. Дмитріевъ выводитъ заключеніе, что будто я хотѣлъ сказать, что деревнѣ нуженъ только законъ и что, по моему, по написаніи закона, я считаю возможнымъ сложить руки на полномъ желудкѣ и ждать экономическаго подъема деревни. Ничего подобнаго я, конечно, не говорилъ и не думалъ. Очевидно, деревнѣ нуженъ не только законъ, но и многое другое. Я говорилъ, что безъ закона обойтись наша деревня не можетъ, всего же остального не касался. Утверждать же, что законъ необходимъ и что въ этомъ начало спасенія деревни, можно, какъ можно утверждать, что для постройки дома необходимъ фундаментъ, что безъ фундамента ни стѣны, ни крыша, ни прочее не сдѣлаютъ домъ обитаемымъ. Сложеніе же рукъ на желудкѣ я не менѣе г. Дмитріева считаю вреднымъ и для деревни нашей, и для города, и для Россіи, и для всего міра. Какъ можно говорить о сложеніи рукъ при теперешней борьбѣ культуръ, всѣхъ обуявшей?

Съ другой стороны, не понимаю, какъ можно отрицать необходимость закона. Первое условіе для дѣятельности, чтобы всякій зналъ, что мое — мое, а что твое — твое. Какой бы ни былъ государственный строй, отъ самаго строго капиталистическаго до соціалистическаго, законъ необходимъ. Только одна система отвергаетъ законъ, потому что все разрушаетъ, не созидая ничего—это анархія. При ней никакой прогрессъ невозможенъ. Поэтому естественно законъ считать фундаментомъ всего государственнаго строительства. Это азбука государственнаго права,

понятная каждому мужику. Каждое прошеніе мужикъ оканчиваетъ словами: «а съ такимъ-то человѣкомъ или съ такимъ-то имуществомъ прошу поступить по закону». Г. Дмитріевъ приводитъ поговорку: «Судъ да дѣло—собака съѣла»; объясняетъ онъ ее тѣмъ, что мужикъ не нуждается особенно въ законѣ, потому что онъ избѣгаетъ суда. Понять отношеніе мужика къ закону, суду, начальству не такъ легко, какъ кажется. Мужикъ постоянно ищетъ закона, онъ всегда вамъ повѣритъ, если убѣдится, что вы дѣйствуете не по произволу, а по закону. Западный рабочій къ закону меньше питаетъ уваженія, чѣмъ нашъ. Онъ говоритъ о законѣ свободно, часто ругаетъ законъ, по его мнѣнію, нехорошій; нашъ крестьянинъ всегда подчинится закону, если убѣдится, что распоряженіе дѣйствительно основано на Царскомъ законѣ. Возьмемъ военный законъ: ужъ на что онъ тяжелъ для населенія, но никакого ропота не слышно, потому что народъ знаетъ и убѣдился, что этотъ законъ Царскій и въ этой сферѣ злоупотребленій народъ не боится. Собака же съѣла не законъ, а судъ и дѣло — потому что въ судѣ онъ рѣдко видитъ законъ: Ивану разрѣшено то, за что Петра выпороли; Алексѣй протягалъ то, что вытягалъ Василій. Вотъ онъ, несчастный, и ходитъ по судамъ въ поискахъ за закономъ, часто не существующимъ, часто не исполняемымъ, или, если уже вовсе не надѣется найти законъ, то сидитъ дома, утѣшаясь мыслью, что дѣло съѣдено собакою. Именно эта-то поговорка и подтверждаетъ необходимость судъ и распоряженія многочисленныхъ крестьянскихъ начальниковъ подчинить закону.

Г. Дмитріевъ говоритъ, что если въ нашемъ гражданскомъ законѣ и есть неясности, то вѣдь въ каждомъ дѣлѣ двѣ стороны, и что то, что теряетъ одна сторона, выигрываетъ другая, сумма же богатствъ остается постоянной.

Врядъ ли это такъ. Если собственность не обезпечена, то теряютъ обѣ стороны, и сумма богатствъ постепенно уменьшается. Вѣдь это тоже азбука, что пріобрѣтаетъ охотно человѣкъ, когда убѣжденъ, что пріобрѣтеніе его прочно и у него не отнимется. Если и можетъ человѣкъ, благодаря отсутствію закона и законности, обогатиться на счетъ сосѣда, то не можетъ же онъ не чувствовать, что завтра очередь быть разореннымъ можетъ придти и за нимъ. Поэтому видѣть въ отсутствіи нормировки закономъ гражданскихъ отношеній между крестьянами только возможность перемѣщенія, иногда неправильнаго, богатствъ изъ одного кармана въ другой — недостаточно; въ этомъ корень гораздо большаго зла.

Вообще г. Дмитріевъ не вѣритъ въ созидательную силу закона. Доказываетъ онъ это двумя примѣрами: судьбою новаго устава Государственнаго банка и великими законами Александра II о крестьянскомъ самоуправленіи. Въ томъ-то и дѣло, что мало написать законъ и сложить руки. Написавъ законъ, надо стремиться провести его въ жизнь, наблюдать за его исполненіемъ, видѣть на практикѣ его результаты и постоянно его пополнять, совершенствовать. Возьмемъ общее Положеніе о крестьянахъ. Неужели же тѣ неурядицы, которыя мы видимъ, доказываютъ его непригодность? Основы этого Положенія до сихъ поръ незыблемы, и таковыми останутся, что бы кто ни говорилъ; но вмѣсто дальнѣйшаго развитія принциповъ самоуправленія—мы присутствовали въ теченіе многихъ лѣтъ при попыткахъ поколебать самыя основы Положенія. Съ другой стороны, одновременно съ введеніемъ крестьянскаго самоуправленія признано было нужнымъ заботиться о народномъ просвѣщеніи. Что же мы видимъ? Прошло сорокъ лѣтъ, и до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано такъ мало, что народъ попрежнему остается дикаремъ. Для

него и мечтать-то нельзя о большемъ, чѣмъ о простой грамотности, причемъ и грамотность насаждается какъ будто не какъ насущная потребность, а какъ уступка духу времени. Можно ли изъ всего этого вывести заключеніе объ отсутствіи созидательной силы закона?

Въ другой газетѣ было мнѣ возраженіе, что Россія такъ велика, что написать одинъ общій законъ невозможно. Законъ только тогда хорошъ, когда онъ является результатомъ вѣкового обычая. Да я и не говорилъ, что на всю Россію нужно написать одинъ законъ, который бы всѣхъ удовлетворилъ. Такая задача неисполнима. Я говорилъ только о необходимости закона, а исполненія этого я не касался. Наоборотъ, я тоже вполнѣ убѣжденъ, что общій законъ долженъ быть очень кратокъ. Система мѣстныхъ Положеній одна мыслима, потому что часто обычай различенъ въ сосѣднихъ селахъ. Судъ по обычаю былъ бы очень хорошъ, если бы дѣйствительно этотъ мѣстный обычай былъ извѣстенъ, опредѣленъ и письменно изложенъ. Я убѣжденъ, что такое мѣстное Положеніе Петербургомъ выработано быть не можетъ. Мѣстное Положеніе должно быть выработано мѣстными людьми, т. е. земствами. Очень возможно, что разработка подробностей должна производиться по изученіи этого обычая въ селахъ на сходахъ. Конечно, все это должно быть провѣрено, прочищено компетентными людьми, т. е. юристами, знающими дѣло. Законъ, основанный на мѣстномъ обычаѣ, лучше привьется къ мужику, чѣмъ измышленіе петербургскихъ канцелярій; мѣстные, земскіе люди болѣе проникнуты духомъ деревенской жизни, чѣмъ чиновники; мѣстная работа живѣе, практичнѣе, плодотворнѣе бюрократической.

Все, что я здѣсь говорилъ, кажется мнѣ слишкомъ избитымъ, чтобы повторять это. Утѣшаюсь гдѣ-то читаннымъ изреченіемъ Гете, что правду надо повторять какъ

можно чаще, потому что кривду слышишь еще чаще. Все это азбука. Недаромъ же многіе проповѣдуютъ, что Россіи грамотность нужна. Не надо пренебрегать и азбукой.

Продовольственное дѣло и земство.

Деревня въ послѣдніе годы приковала къ себѣ всеобщее вниманіе. Администрація, пресса, ученыя общества—все обратило взоры на деревню, которую одно время ужъ очень забросили. Правда, чтобы приковать къ себѣ это вниманіе, ей надо было подвергнуться страшному бѣдствію голода, четыре раза повторившагося въ теченіе восьми лѣтъ. Къ сожалѣнію, эти разговоры далеко не лишены той страстности, которая такъ вредна во всякомъ дѣлѣ, а въ особенности въ дѣлѣ законодательномъ. Дѣло продовольственное, между прочимъ, такъ плохо поставлено, какъ сознается всѣми, что требуется его переработка основательная, требуется измѣненіе всей системы, а не одной или другой статьи закона. Но не это будетъ темой настоящей статьи. Мнѣ хочется поговорить только объ участіи земства въ этомъ дѣлѣ первостепенной важности.

Послѣднее время земству не везетъ. Послѣ уменьшенія его правъ введеніемъ новаго устава 1890 г., каждый день возникаютъ все новые и новые слухи о преобразованіяхъ въ земскомъ дѣлѣ. То мы слышимъ, что предположено изъять изъ его вѣдѣнія школы; то читаемъ извѣстіе, будто съ него вовсе будетъ сложена забота о продовольствіи населенія; то, наконецъ, поднимается вопросъ объ окончательномъ уничтоженіи земства. Одними овладѣлъ страхъ за дорогое дѣло, другіе встрѣчаютъ эти извѣстія съ нескрываемымъ злорадствомъ. Но должнаго спокойствія нѣтъ, а между тѣмъ только при полномъ спо-

койствіи можно всесторонне разсмотрѣть дѣло и придти къ выводамъ не случайнымъ, а твердо обоснованнымъ.

Наиболѣе страстности проявляется въ обсужденіи дѣятельности земства по народному образованію и по продовольствію.

Черезъ два года послѣ начала существованія земствъ, въ 1867 г., неурожай постигъ 12 губерній сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ; повидимому, картина была похожа на то, что мы видимъ послѣдніе годы въ центрѣ: хватились слишкомъ поздно, про голодъ заговорили въ январѣ 1868 г., и тогда суматоха была очень похожа на тѣ, которыя бываютъ теперь въ подобныхъ случаяхъ. Виноваты тутъ были, какъ и теперь, правительственные органы, земства, пожалуй даже пресса и само общество. Скорѣе всего виноватъ самъ продовольственный уставъ и вообще наша медлительность. Но интересно то, что тогда противники земства главнымъ образомъ обрушились на него. Одинъ органъ печати дошелъ даже до того, что обвинилъ земство въ непринятіи мѣръ не противъ послѣдствій неурожая, а противъ самого неурожая. Басня о волкѣ и ягненкѣ невольно могла придти на умъ.

То же самое мы видимъ теперь. Чего грѣха таить?—дѣло идетъ плохо. Борьба съ неурожаями и ихъ послѣдствіями идетъ далеко не такъ, какъ слѣдуетъ. Причинъ тому двѣ: плохой продовольственный уставъ, плохой въ самыхъ основаніяхъ своихъ, и хроническая болѣзнь деревни—отсутствіе людей. Враги же земства всѣ неудачи, конечно, сваливаютъ на одно земство. Не касаясь на этотъ разъ продовольственнаго устава, постараемся разобраться въ винѣ земства. Борьба съ голодомъ слагается изъ слѣдующихъ моментовъ: 1) опредѣленія размѣровъ бѣдствія и потребной помощи; 2) заготовки хлѣба; 3) распредѣленія продовольственной помощи. Всѣ эти три работы такъ

сложны, что средства земства далеко не достаточны для успѣшнаго выполненія задачи. Это естественно, и поэтому при появленіи бѣдствія борьба съ нимъ вовсе не сосредоточивается въ рукахъ земства, какъ то положено по закону, а довольно равномѣрно возлагается особыми распоряженіями какъ на земство, такъ и на различные органы правительства и даже на добровольцевъ изъ общества, конечно, не иначе какъ съ одобренія подлежащихъ властей.

Опредѣленіе не только размѣровъ бѣдствія, но даже наличности его, какъ я уже говорилъ, у насъ почти всегда опаздываетъ. Причина тому та, что бѣдствіе признается у насъ бѣдствіемъ только тогда, когда въ этомъ убѣдится Петербургъ, а отъ деревни до Петербурга, черезъ земство ли, черезъ губернатора ли, иногда очень далеко, несмотря на наличность желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Объяснить это могутъ, конечно, только люди, близко знакомые со всѣмъ сложнымъ механизмомъ административной машины, мы же въ деревнѣ можемъ это только чувствовать. Чувствуетъ же это всякій деревенскій житель. Въ опаздываніи этомъ виновато земство, но не менѣе неправы и правительственные агенты, слѣдящіе за деревенскою жизнью и собирающіе извѣстія; агенты эти различные: и земскіе начальники, и полиція, и податные инспектора, и корреспонденты изъ обывателей. Констатировавъ фактъ неурожая, приступаютъ къ опредѣленію его размѣровъ, выражающемся въ цифрахъ самъ-два, самъ-три и т. д. Это производится частнымъ образомъ волостными правленіями, какъ и всякія другія статистическія изслѣдованія. Черезъ волостныя правленія свѣдѣнія собираютъ и земскія управы, къ стыду ихъ членовъ. Свѣдѣнія объ урожаѣ волостныя правленія собираютъ, какъ и всякія свѣдѣнія, всегда быстро, а насчетъ правильности— какъ придется.

Гораздо сложнѣе вопросъ объ опредѣленіи цифры потребной помощи. Помощь опредѣляется высшимъ правительствомъ, причемъ, кромѣ представленій земствъ, принимаются, конечно, въ разсчетъ донесенія правительственныхъ агентовъ. Надо признаться, что и тутъ земства работаютъ далеко неудовлетворительно. Я былъ свидѣтелемъ, какъ свѣдѣнія доставлялись въ губернскія земскія собранія. Въ однихъ уѣздахъ были экстренныя собранія, предъявившія свои ходатайства, причемъ основанія этихъ ходатайствъ были почти у всѣхъ различны; изъ другихъ уѣздовъ, гдѣ экстренныхъ собраній не было, требованія были предъявлены управами, причемъ они еще болѣе зависѣли не отъ интенсивности бѣдствія, а отъ темперамента и точки зрѣнія этихъ управъ. Наконецъ, представители нѣкоторыхъ уѣздовъ, гдѣ предсѣдатели управъ, а гдѣ и простые гласные, нуждаемость уѣзда не потрудились даже изложить письменно, а представили на словахъ. Изъ всего этого составленъ былъ винигретъ, и вотъ вамъ готово ходатайство объ отпускѣ милліоновъ. Не можетъ же правительство безусловно довѣрять такимъ требованіямъ. Съ другой стороны я знаю такой случай. Администраціей была сдѣлана ариѳметическая ошибка, обездолившая два уѣзда. Сдѣлавшіе эту ошибку признали ее, но исправить ее было нельзя. Нельзя же признаться въ ошибкѣ. Къ этой далеко не совершенной, чтобы не сказать болѣе, работѣ какъ земствъ, такъ и администраціи надо еще прибавить различіе взглядовъ различныхъ лицъ и различныхъ учрежденій на одно и то же явленіе. Одни будутъ считать голодомъ то, что другимъ покажется неполнымъ урожаемъ; одни будутъ считать помощь крестьянамъ долгомъ правительства, основаннымъ на самомъ элементарномъ христіанскомъ чувствѣ; другіе, наоборотъ, признаютъ, что всякая помощь мужику его развращаетъ болѣе

и болѣе. Понятно изо всего этого, что вы не найдете двухъ земскихъ участковъ, двухъ уѣздовъ и подавно двухъ губерній, гдѣ бы на одно и то же положеніе смотрѣли одними и тѣми же глазами и гдѣ помощь давалась бы на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ.

Перейдемъ ко второй части продовольственной задачи—заготовкѣ и развозкѣ хлѣба на мѣста; тутъ тоже на помощь земству явилось правительство. Часть хлѣба, пріобрѣтаемаго на счетъ имперскаго капитала, закупалась не земствомъ, а правительственными агентами. Точныхъ данныхъ о земскихъ и правительственныхъ покупкахъ я не имѣю, и потому предпочитаю о нихъ не говорить. Конечно, были отдѣльные случаи покупокъ дорогихъ, неудачныхъ, иногда даже и негоднаго хлѣба, но это все исключенія. Операція покупки, производившаяся оптомъ, не была особенно затруднительна и неудачной названа быть не можетъ. Кто выгоднѣе покупалъ, я не знаю, но во всякомъ случаѣ разница была ужъ не такъ велика ни въ ту, ни въ другую сторону. Что касается развозки хлѣба на мѣста, то эта работа часто оказывалась не совсѣмъ своевременной, въ особенности по отношенію къ сѣменамъ. Виноватыхъ тутъ очень много: и земство, недостаточно торопившееся, и административныя инстанціи, запаздывавшія разрѣшеніемъ, и желѣзныя дороги, неуспѣвавшія доставлять грузы, и проселочныя дороги, часто непроѣздныя, и земскіе начальники, недоставлявшіе вовремя списки нуждающихся. Кто больше былъ виноватъ, сказать трудно, но въ общемъ дѣло это дѣлалось, и промахи были далеко не такъ существенны и не такъ многочисленны, какъ въ первой работѣ—опредѣленіи нуждаемости губерній и уѣздовъ. Еще хуже производилась третья часть продовольственнаго дѣла: раздача пособій отдѣльнымъ лицамъ. Главный виновникъ тутъ — законъ. Впрочемъ, на

этомъ стоитъ остановиться, чтобы не терять изъ виду главную цѣль этой статьи — опредѣленіе долп участія земствъ въ работѣ по продовольствію.

По закону требуется опредѣлить, сколько пудовъ необходимо каждому, чтобы дотянуть до нови безъ крайняго истощенія. Нужно, слѣдовательно, по губерніи изслѣдовать поименно состояніе каждаго, т. е. тысячъ трехсотъ домохозяевъ. Эта работа, очевидно, не подъ силу какимъ нибудь тридцати членамъ уѣздныхъ управъ. Земскія собранія на основаніи закона привлекаютъ къ этому еще землевладѣльцевъ по выбору собранія. Но этого опять мало. Къ работѣ привлекаются, уже не по продовольственному уставу, земскіе начальники. Понемногу продовольственный уставъ начинаетъ измѣняться на практикѣ. Изъ рукъ земствъ дѣло переходитъ въ руки губернскихъ и уѣздныхъ продовольственныхъ комитетовъ и комиссій. Работа становится спѣшною, но далеко неудовлетворительною. Каждый работающій вноситъ въ свою работу свои личныя воззрѣнія, смотря потому, какіе у него нервы, какой темпераментъ, какія отношенія къ мужику. Но и этого мало. Результаты работы являются несвоевременно, списки разнородны. Потушить острыя проявленія голода нельзя. Тогда допускаются работники-добровольцы, которые черезъ Красный Крестъ и непосредственно изслѣдуютъ нужду на мѣстахъ и борются съ ней; эти добровольцы иногда получаютъ доступъ въ уѣздные, а то и въ губернскіе комитеты. Сначала ихъ контролируютъ, какъ будто ихъ опасаясь, требуются разныя справки и разныя формальности. Но мало-по-малу необходимость заставляетъ эти формальности отбросить, общество допускается болѣе широкой волной содѣйствовать земству и администраціи. Бываетъ какъ при пожарахъ: пожарные работаютъ, но иногда вызываются и войска, и рабочіе съ сосѣдней фабрики, и всѣ

прохожіе. Но какъ ни работай, все-таки людей не хватаетъ, да думаю, что еслибъ и люди были, то все-таки дѣло не пошло бы удовлетворительно какъ по страшной трудности самаго дѣла, такъ и по запутанности, вводимой въ борьбу съ неурожаемъ неудовлетворительно составленнымъ продовольственнымъ уставомъ.

Я вкратцѣ изложилъ ходъ дѣла, для того чтобы указать роль какъ земства, такъ и администраціи и общества въ этой общей работѣ. Законъ обязанности по продовольствію населенія возложилъ на земство. Дѣло, надо сознаться, идетъ плохо. Земство и отвѣчаетъ за него. Такъ разсуждаютъ противники земства, или скорѣе дѣлаютъ видъ, что такъ понимаютъ вопросъ. Я вовсе не оправдываю земства въ томъ, въ чемъ оно виновато, тѣмъ болѣе, что и виновато-то оно часто потому, что руки связаны. Напримѣръ, можно ли по губерніи требовать однообразной работы уѣздныхъ земствъ, когда губернская управа лишена возможности собрать предсѣдателей уѣздныхъ управъ? Но вопросъ заключается въ томъ, пошло ли бы лучше дѣло, идущее плохо, будучи поручено земству, если бы изъять его изъ вѣдѣнія земства. На это не колеблясь можно отвѣтить: нѣтъ, не только не пошло бы лучше, но ещо хуже.

Мы видѣли, что въ неурожайные годы въ деревню привлекаются всѣ силы, способныя работать: и земства, и администрація, и частные люди. Когда администрація вторгается въ сферу дѣятельности земства въ обыкновенное время, то это вноситъ разстройство въ нормально текущую жизнь, но тутъ администрація не только можетъ, но и должна работать сообща съ земствомъ, какъ и войско должно помогать пожарнымъ, когда ихъ силъ не хватаетъ. Ея вмѣшательство тѣмъ болѣе естественно, что расходуется-то въ эти года продовольственный капиталъ не

земскій, а имперскій. Да притомъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ есть земства, которыя очень враждебно относятся къ самой мысли о помощи. Если бы земство вовсе устранить, то это лишило бы губерніи половины дѣятелей и притомъ мѣстныхъ, близкихъ къ населенію, и даже иногда и въ наше время работающихъ изъ-за идеи, а не изъ-за жалованья только. Благоразумно ли это бы было, когда всѣ силы нужны?

При настоящей организаціи есть еще соображеніе громадной важности. Съ самаго начала бѣдствія мы видѣли, что насъ губитъ неизвѣстность. Неужели кто-нибудь будетъ утверждать, что истинное положеніе въ губерніи лучше и скорѣе будетъ извѣстно, если закрыть ротъ земству? При сложности работы собиранія свѣдѣній, при обычной пестротѣ неурожая, какъ теперь выражаются, всякое указаніе на бѣду дорого, поэтому дорого заявленіе гласнаго, живущаго въ мѣстѣ недорода. Естественно ожидать отъ гласнаго, что онъ заявитъ объ этомъ скорѣе, чѣмъ чиновникъ, котораго интересы часто не связаны такъ непосредственно съ вопросомъ объ урожаѣ, какъ интересы гласнаго. Съ другой стороны, земское собраніе съ публичными своими засѣданіями болѣе вѣрный путь для деревни довести до свѣдѣнія правительства о своихъ нуждахъ, чѣмъ путь административный, такъ какъ часто индивидуальныя особенности могутъ заставить одно лицо придать или не придать этому голосу деревни то значеніе, котораго онъ заслуживаетъ.

Но въ распознаваніи бѣдствія гласность еще далеко не такъ нужна, какъ послѣ окончанія продовольственной операціи, когда приходится подводить ей итоги. Голосъ печати, голоса отдѣльныхъ лицъ при неурожаѣ могутъ дойти до правящихъ сферъ, но ничто не замѣнитъ гласности въ дѣлѣ провѣрки всѣхъ операцій по покупкѣ и

продажѣ хлѣба, какъ по отношенію выгодности и невыгодности покупокъ, такъ и качества доставляемаго хлѣба. Это не подлежитъ сомнѣнію. Къ дѣйствію управъ, какъ органовъ, отчасти отъ насъ зависящихъ, мы привыкли относиться критически: не одинъ, такъ другой гласный непремѣнно заявитъ собранію, если что не такъ; совсѣмъ иначе долженъ относиться обыватель къ неправильностямъ, которыя онъ можетъ замѣтить при дѣятельности агентовъ правительственныхъ. Наконецъ, нельзя же забывать, что млогомилліонныя покупки и раздачи нуждаются въ контролѣ не только бумажномъ, но и фактическомъ. Прошедши черезъ ревизіонныя комиссіи земствъ, эти отчеты будутъ представлять болѣе гарантій вѣрности фактической, чѣмъ безъ этого фильтра.

Наконецъ есть третій работникъ въ неурожайный годъ—это общество. Привлечь какъ можно больше общественныхъ дѣятелей земство можетъ, думаю, легче, чѣмъ администрація, по большему между ними сродству. Общество привлекается и къ пожертвованіямъ, и къ жертвамъ трудомъ, что еще дороже,—печатью и земствомъ. Врядъ ли полезно для дѣла пренебрегать такими факторами.

Опять для полной безпристрастности слѣдуетъ повторить, что земство работаетъ далеко неудовлетворительно какъ по тѣмъ рамкамъ, въ которыя оно поставлено, такъ и по сравнительной малокультурности того общества, которое оно представляетъ. Но тѣмъ не менѣе его работа принесла уже прекрасные результаты въ разныхъ отрасляхъ общественной жизни, въ томъ числѣ и въ дѣлѣ прокормленія голодныхъ. По своему свойству земство не только не преграждаетъ никакимъ дѣятелямъ доступа къ нуждающимся, въ томъ числѣ, конечно, и дѣятелямъ администраціи, но и привлекаетъ многихъ добровольныхъ работниковъ. Если же земство, не дай Богъ, будетъ устра-

нено, то, очевидно, для населенія надо считать потерянным большинство тѣхъ работниковъ, которыхъ можно считать наиболѣе безкорыстными.

Преобразованіе продовольственнаго дѣла.

Нѣсколько времени тому назадъ (іюнь 1899 г.) появилось въ «Гражданинѣ» извѣстіе о томъ, что выработанъ новый проектъ продовольственнаго устава. Это извѣстіе теперь подтверждается всѣми газетами. Извѣстно о проектѣ весьма немногое, и это немногое, къ сожалѣнію, сводится къ одному, что отъ продовольственнаго дѣла земство устраняется. Теперь, впрочемъ, только и слышно: отъ земства отнимается продовольственное дѣло, у земства предположено отнять (horribile dictu!) школу, заговорили даже вовсе объ упраздненіи земства. Намъ, деревенскимъ жителямъ, съ нашего гражданскаго совершеннолѣтія привыкшимъ жить земскою жизнью, работать въ земствѣ, вѣровать въ земскую плодотворную работу — это не можетъ не быть больно. Да, если продовольствіе и школа отнимаются у насъ, то чего же намъ тамъ дѣлать? Земство упразднится само собою, потому что у него пропадетъ всякая охота работать. Шутка сказать — отнять у земства школу, надъ которой мы работали, въ которой видѣли спасеніе наше, а главное—крестьянъ, хотя бы въ далекомъ будущемъ. Дѣлать намъ въ деревнѣ уже нечего будетъ. Потянемся и мы—кто въ столичныя канцеляріи, кто въ акціонерныя компаніи...

Всѣ эти грустныя мысли приходятъ невольно на умъ по поводу извѣстія о новомъ продовольственномъ уставѣ. Съ 1891 г. несостоятельность устава проявилась въ такомъ блескѣ, что трудно было даже предположить, чтобы онъ неизмѣнно просуществовалъ еще восемь лѣтъ. Несо-

стоятельно въ немъ все: и собираніе хлѣба натурой, какъ теперь, и храненіе хлѣба въ сельскихъ магазинахъ, и раздача не тѣмъ, съ кого собирали, и опредѣленіе нужды. Несостоятельнымъ въ этомъ дѣлѣ оказалось и земство, которое не только не могло хорошо провести въ жизнь плохой уставъ, но которое въ предѣлахъ возможности не было на высотѣ положенія. Изъ этого можно сдѣлать два вывода: продовольственный уставъ надо измѣнить въ его основаніяхъ, выработавъ новый, болѣе удобопримѣнимый, и земство надо передѣлать, чтобы оно лучше исполняло свои обязанности, т. е. привлечь къ нему лучшія силы. Повидимому, предвидится иное: уставъ въ основаніяхъ остается тотъ же (по крайней мѣрѣ, ни изъ чего не видно, чтобы онъ былъ радикально измѣненъ), а съ земства вся работа о продовольствіи населенія складывается. Слѣдовательно, все ограничивается тѣмъ, что изъ одного вѣдомства дѣло перейдетъ въ другое, или, скорѣе, всякая общественная работа упраздняется и учреждается работа исключительно бюрократическая. Врядъ ли меньше будетъ цынги и тифа при этомъ новомъ порядкѣ. Впрочемъ, это все догадки, основанныя на коротенькихъ газетныхъ замѣткахъ. Можетъ быть проектъ иной, а можетъ быть и проекта-то нѣтъ никакого. Объ этомъ я и хотѣлъ поговорить.

Въ теченіе 8 лѣтъ мы перенесли четыре неурожая; каждый изъ нихъ повлекъ за собою народныя бѣдствія. Теперь бѣдствіе страшнѣе всего, чего можно было ожидать: милліоны голодныхъ, раздѣтыхъ, холодныхъ, умирающихъ отъ цынги и отъ тифа! Хотя нѣсколько поздно, но вся Россія содрогнулась. Если пожертвованій мало, несмотря на щедрый Царскій примѣръ, то потому, что не тамъ сильнѣе бьется русское сердце, гдѣ богатство пріучаетъ быть эгоистами. Рвутся на помощь страданію мон-

гіе, а удается попасть нѣкоторымъ. Недавно слышалъ разсказъ очевидца: «Безъ слезъ нельзя говорить, нельзя и слушать...».

Много причинъ, почему неурожай доводитъ нашихъ бѣдныхъ крестьянъ до такого положенія. Какія эти причины, разобраться не легко: невѣжество, непомѣрные платежи, можетъ быть еще что—но фактъ на лицо: бѣдствіе ужасное. Надо бороться съ хроническою болѣзнію разоренія, надо бороться и съ острой нуждой. Борьба съ разореніемъ трудна, всетаки давно пора къ ней приступить; но во всякомъ случаѣ и леченіе понадобится долгое. Скорѣе, очевидно, нужна борьба съ перемежающимся явленіемъ голода. Тутъ дорогъ каждый годъ! Чѣмъ же бороться съ голодомъ, какъ не хорошимъ продовольственнымъ уставомъ, хорошо проведеннымъ въ жизнь.

Неужели къ этой работѣ не будетъ привлечено общество во всѣхъ его видахъ: и земство, и ученыя общества, и сельскохозяйственныя, и печать? Положимъ, Петербургъ получаетъ всевозможныя донесенія съ мѣста, но всегда ли донесеніе вѣрно изображаетъ дѣйствительность?

Всегда ли исполненная смѣта соотвѣтствуетъ бывшей потребности? Врядъ ли. Очевидно, что уставъ, написанный единственно на основаніи этихъ донесеній и этихъ смѣтъ, не удовлетворитъ потребности. Дѣло продовольственное—громадное. Когда гдѣ-нибудь голодъ, всѣ занимаются продовольствіемъ: и губернаторъ, и земство, и съѣзды съ земскими начальниками, и добровольцы изъ общества, и священники, и волостное и сельское начальства—всѣ очередныя дѣла, терпящія отлагательства, откладываютъ и дѣлаютъ одно великое дѣло спасанія голодающихъ. Какихъ-какихъ сценъ мы не видали! Какихъ разговоровъ не вели съ крестьянами! Какихъ не было споровъ между собою, споровъ, разъяснявшихъ намъ дѣло!

И неужели насъ, здоровье на этомъ терявшихъ, смягчавшихъ шероховатости, измышлявшихъ достигнуть добра и при теперешнемъ законѣ и достигавшихъ его—неужели насъ не спросятъ? Неужели, земства, неудачно, но все-таки болѣе 30 лѣтъ работавшія на этомъ поприщѣ, вышвырнутъ съ этого поприща, не спросивъ даже ихъ мнѣнія о законѣ, который они примѣняли? Мало того. Если земства спрашивать не стоитъ, то неужели нашъ голосъ не повліяетъ такъ или иначе на рѣшеніе дѣла хоть путемъ печати? Или дѣйствительно все ограничится краткимъ газетнымъ извѣстіемъ, что такой-то законопроектъ внесенъ въ Государственный совѣтъ, и вторымъ извѣстіемъ, что онъ утвержденъ? Не хочется вѣрить!

Опытъ петербургскихъ канцелярій не можетъ сравниться съ нашимъ опытомъ. Всѣ отчеты, вмѣстѣ взятые, не дадутъ той картины, которую дадимъ мы, посѣдѣвшіе въ этой работѣ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ опубликованъ и разосланъ къ исполненію новый больничный уставъ. Земство даже не подозрѣвало, что таковой предполагается. Онъ оказался неудобоисполнимымъ. Всѣ земства Россіи представили ходатайства, мотивированныя доказательствами, что вводить новый уставъ немыслимо. Исполненіе устава пришлось пріостановить и взяться за разработку новаго. Не лучше ли было прежде дать обсудить его земствамъ?

Съ продовольственнымъ уставомъ и этого быть не можетъ: дѣло это, повидимому, вовсе изъемлется изъ вѣдѣнія земства. Земству не придется даже высказать свое мнѣніе послѣ совершившагося факта. Администрація возражать не будетъ. Печать тоже не всегда можетъ высказаться. Обращеніе къ земствамъ и распубликованіе проекта для обсужденія его въ печати тѣмъ болѣе возможно, что это вопросъ чисто экономическій, ничего общаго съ по-

литикой не имѣющій. Вѣдь сообщало для всеобщаго обсужденія свои проекты министерство финансовъ. Читались различные рефераты въ ученыхъ обществахъ, причемъ представители министерства находили нужнымъ и передъ публикой защищать министерскіе проекты. Это послужило къ разъясненію вопроса и повело къ большему довѣрію къ новому закону. То же предполагается теперь съ судебными уставами министерства юстиціи. Такъ и въ дѣлѣ продовольствія—неужели повредило бы обсужденіе проекта въ ученыхъ обществахъ, разныхъ собраніяхъ? Не мало принесла бы пользы и печать, давъ высказаться всѣмъ тѣмъ, у которыхъ охъ! какъ много накопилось разныхъ мыслей и соображеній на мѣстѣ въ борьбѣ съ голодомъ.

Отрицаніе голода.

Когда у насъ гдѣ-нибудь неурожай, послѣдствія его нетрудно предугадать. Между тѣмъ дѣйствительныя мѣры всегда опаздываютъ,—частью потому, что не выясняются размѣры неурожая, частью потому, что кое-когда истина скрывается. Теперь фактъ голода удостовѣренъ тысячами частныхъ писемъ людей всякаго положенія, всей—за малыми исключеніями — печатью, земствомъ, испросившимъ ссуды, правительствомъ, ихъ разрѣшившимъ, Краснымъ Крестомъ, посылающимъ суммы, собранныя обществомъ, санитарные отряды и уполномоченныхъ, Обществомъ домовъ трудолюбія, пославшимъ уполномоченныхъ, и самимъ Государемъ Императоромъ, лично пожертвовавшимъ сперва полмилліона, затѣмъ милліонъ и, наконецъ, полтора милліона.

Впервые голодъ начали называть голодомъ откровенно. Нельзя же называть иначе состояніе нашихъ несчастныхъ

восточныхъ губерній съ десятками тысячъ тифозныхъ и цынготныхъ больныхъ? Фактъ на лицо. Заволновалось даже общество... Между тѣмъ кое-гдѣ иногда слышатся голоса, попрежнему стремящіеся смутить общество въ его благородномъ порывѣ.

Такъ, въ одной московской газетѣ появилась на-дняхъ (май 1899 г.) выдержка изъ частнаго письма, безъ подписи, весьма оригинальная. Начинается выдержка съ заявленія о томъ, что авторъ письма ѣздилъ по уѣздамъ (голодающимъ?), но голода отыскать не могъ. Въ другихъ уѣздахъ, дѣйствительно, кажется, голодаютъ (почему же туда не поѣхать, или тогда не писать въ газетахъ?). Но, впрочемъ, голода быть не можетъ, ибо земская ссуда и Красный Крестъ съ избыткомъ (!!) удовлетворяютъ нуждѣ. Цынга происходитъ не отъ голода (?), а отъ отсутствія овощей (!) и отъ гнилого лошадинаго мяса у татаръ (!?) Затѣмъ идетъ діатриба противъ развращенія народа даровымъ кормленіемъ,—причемъ татары сложили не руки, а «лапки». Когда голодныхъ кормятъ, то корреспондента охватываетъ не чувство умиленія, а горькое чувство угрызенія совѣсти за страшное преступленіе (!!?), котораго онъ становится сообщникомъ. Далѣе слѣдуетъ совѣтъ пожертвованія посылать исключительно Красному Кресту, раціонально помогающему, благодаря уполномоченнымъ, но Боже сохрани (!!) посылать частнымъ лицамъ: половина уйдетъ не на истинно нуждающихся... Кончается письмо тѣмъ, что существуетъ страшное бѣдствіе — не голодъ, а поголовное разореніе крестьянъ. Причины разоренія: круговая порука, малоземелье, помощь отъ земства и правительства, громадное зло прощенія долговъ (Всемилостивѣйшіе манифесты?), слишкомъ позднее учрежденіе должности земскихъ начальниковъ и многое другое...

Много говорится и пишется дурного,—но до такихъ

геркулесовыхъ столбовъ человѣконенавистничества, кажется, никто еще не доходилъ. Отрицаніе голода, всѣмъ міромъ признаннаго, — цынга, происходящая не отъ голода,—страшное преступленіе русскаго общества съ Царемъ во главѣ, кормящихъ и тѣмъ развращающихъ народъ,—нѣсколько уполномоченныхъ Краснаго Креста, въ семи губерніяхъ, отдѣляющихъ истинно нуждающихся отъ неистинно нуждающихся, громадное зло Всемилостивѣйшихъ манифестовъ, — все это перлы, съ которыми рѣдко, къ счастью, приходится встрѣчаться въ литературѣ.

Вредъ такой статьи громадный. Конечно, немногихъ жертвователей убѣжденныхъ она оттолкнетъ, но большинство жертвуютъ не съ радостью, а совѣсти ради и довольны, когда найдутъ, за что прицѣпиться, чтобы не пожертвовать. Вотъ эти-то, прочитавъ статью, и обрадуются случаю сохранить свои рубли или копѣйки!

Но какъ бы ни было велико преступленіе написавшаго это письмо, на немъ не стоило бы останавливаться, если бы это не было однимъ изъ проявленій цѣлой системы, представители которой стараются каждый неурожайный годъ осуществить ее на дѣлѣ. Окончательно добиться своей цѣли они не могутъ,—но затормозить дѣло, насколько возможно, имъ удается. Оттого и является наше вѣчное запаздываніе въ дѣлѣ помощи, часто не достаточная помощь; тутъ, можетъ быть, кроется и причина холодности общества, поражающая меня каждый голодный годъ; эта-то система и дѣлаетъ, что часто актъ простого христіанскаго милосердія и вмѣстѣ съ тѣмъ государственной мудрости выставляется чуть ли не политическимъ преступленіемъ.

Всякое бѣдствіе можетъ быть предотвращено только при условіи, чтобы ему смотрѣть прямо въ глаза. Ни умалять его значенія, ни преувеличивать не надо. Только при

этомъ условіи борьба съ бѣдствіемъ будетъ цѣлесообразна и вмѣстѣ съ тѣмъ обойдется возможно дешево. Положимъ, голодъ возможно предвидѣть съ іюня (а это всегда возможно) и положимъ, что по тѣмъ или другимъ мотивамъ о немъ становится извѣстно въ сентябрѣ. Результатъ этого будетъ вдвойнѣ вреденъ: во-первыхъ, помощь будетъ менѣе совершенна, во-вторыхъ—дороже. Стремленіе же вовсе скрывать или умалять народное бѣдствіе передъ всѣми, кому особенно дороги интересы отечества, есть преступленіе.

Сельское хозяйство и министерство земледѣлія.

По прошествіи пяти лѣтъ послѣ основанія министерства земледѣлія стоитъ оглянуться назадъ и сравнить тѣ надежды, которыя на него возлагались, съ тѣми результатами, которыхъ оно достигло. Дѣйствительно, при унынiи, овладѣвшемъ всѣми послѣ злосчастныхъ 1891 и 1892 гг., самый фактъ учрежденія новаго министерства не могъ не подѣйствовать самымъ ободряющимъ образомъ на насъ всѣхъ, деревенскихъ жителей. Задачей министерства объявлено поднятіе техники русскаго сельскаго хозяйства.

Кто близокъ къ сельскому хозяйству, тотъ не можетъ не придти къ заключенію, что мы въ этомъ отношеніи давно стояли на точкѣ замерзанія. Крестьянское хозяйство не только не совершенствовалось, но постепенно падало, такъ какъ крестьяне отъ своихъ домашнихъ неурядицъ бѣднѣли; плохо обрабатываемая земля постепенно выпахивалась; отъ сокращенія скотоводства сокращалось и количество ежегодно вывозимаго навоза, тѣмъ болѣе, что навозъ болѣе и болѣе приходилось употреблять на топку;

та же соха ковыряла крестьянскую землю, что и пятьдесятъ лѣтъ назадъ... Немногимъ лучше было и помѣщичье хозяйство. Плугъ далеко еще не вошелъ во всеобщее употребленіе: на двадцать сохъ хозяинъ, чтобъ не показаться отсталымъ, держалъ одинъ или два плуга. Тощія коровенки и простыя русскія съ взъерошенной шерстью лошади держались въ ограниченномъ количествѣ и впроголодь, почти единственно, чтобы не остаться семейному безъ молока, а полямъ — безъ обработки. Урожаи помѣщичьи все-таки были лучше крестьянскихъ, потому что пахалось лишній разъ, да притомъ во-время. Таково было хозяйство громаднаго большинства черноземныхъ имѣній. Были и исключенія: въ большихъ, старинныхъ хозяйствахъ богатыхъ помѣщиковъ можно было видѣть и хорошо удобренныя поля, и жирный скотъ, и хорошія постройки, но все это или при винокуренномъ, или свеклосахарномъ заводѣ. Тутъ поле приносило доходъ не непосредственно, а продавая по дорогой цѣнѣ свои продукты заводу. Были и имѣнія безъ заводовъ съ управляющими-иностранцами, конными заводами, многополями, машинами и проч. Нашъ покойный предводитель, человѣкъ очень умный, услышавъ про какого-нибудь богатаго помѣщика, доказывавшаго выгоду сноповязалокъ, потомъ говаривалъ: «С. разориться хочетъ, сноповязалки заводитъ».

Кто изъ насъ не пытался идти по этой дорогѣ? Разскажу про себя, потому что тѣмъ самымъ я опишу исторію многихъ и многихъ хозяйствъ. Когда мнѣ пришлося хозяйничать въ хорошемъ, хотя запущенномъ имѣніи, я съ презрѣніемъ отнесся къ допотопнымъ пріемамъ старика управляющаго, дававшаго хотя небольшой сравнительно, но постоянный доходъ. Впрочемъ, онъ и себя не забывалъ. Я его расчелъ и взялъ, конечно, нѣмца, наглово-

ривш аго мнѣ турусы на колесахъ и наобѣщавшаго золотыя горы. Параллельно съ этимъ я сталъ самъ учиться хозяйству. Накупилъ тьму книжекъ, и нѣмецкихъ и русскихъ, и подписался на земледѣльческую газету. Нѣмецкія книги давали точныя данныя, русскія оказались, главнымъ образомъ, списанными съ нѣмецкихъ. Земледѣльческая газета давала всевозможные противорѣчивые совѣты, приводила различные опыты.

Началъ я съ своимъ нѣмцемъ ломать хозяйство: 100 десятинъ отвелъ подъ восьми-польное хозяйство, 250 подъ 12-ти-польное, сѣялъ травы, корнеплоды, покупалъ машины, выписывалъ дорогихъ производителей и дорогія сѣмена. Травы не родились, корнеплоды не находили сбыта; машины ломались и не окупали работы, не то что себя; отъ дорогихъ свиней получался чахлый приплодъ, заморскія сѣмена давали ничтожные урожаи. Контора велась превосходно, а доходы все опускались. Сначала я утѣшался мыслію, что я вкладываю въ землю и что современемъ все вернется съ процентами. Нѣсколько спустя я сталъ жаловаться на кризисъ, потомъ на рабочихъ, лѣнтяевъ и неловкихъ, прогналъ управляющаго... и опять вернулся къ трехполью, забросивъ сноповязалки. Я такъ долго говорилъ про свое хозяйство потому, что такого рода эволюція замѣчается въ громадномъ числѣ нашихъ имѣній.

Посмотримъ теперь, кто же въ этомъ виноватъ? Неужели въ Россіи (я говорю про черноземный центръ) съ выгодой культивироваться можетъ только рожь да овесъ, и то при самой экстенсивной трехпольной системѣ? Неужели въ Россіи скотоводство можетъ быть только дешевое, чахлое? Неужели сноповязалки, рядовыя сѣялки хороши вездѣ: и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и въ Австраліи,—только у насъ не годятся? Очевидно, все это не такъ.

Причина другая. Мы что ли ужъ очень глупы, такъ что и читать не умѣемъ? Рабочіе ли, какъ нѣкоторые утверждаютъ, всѣ поголовно лодыри и пьяницы? Опять нѣтъ. И мы не дураки, и читать умѣемъ, и рабочіе трудолюбивы, даже очень трудолюбивы, когда накормятъ ихъ хорошо, и даже очень понятливы. Такъ вѣдь не книжка же виновата? Вѣдь это — наука? Да, именно книжка. И не потому, что она плохо составлена, нѣтъ, она составлена прекрасно, а потому, что она — нѣмецкая. Она хороша для Германіи, а для Россіи никуда не годится. Никуда не годится для насъ и русская книжка, составленная по нѣмецкой. Земледѣльческая же газета и журналы никуда не годятся вообще, потому что составлены ненаучно.

Послѣ десятилѣтняго совершенствованія своего хозяйства, унесшаго многія тысячи, я понялъ, что совершенствовать хозяйство русское по нѣмецкимъ книжкамъ все равно, что по віолончельнымъ нотамъ хотѣть играть на скрипкѣ. Лечить же упадающее хозяйство безъ науки — это сельскохозяйственное знахарство, а не медицина. Вѣдь я и до сихъ поръ не знаю, какая у меня почва: тяжелая ли или средняя, низкая или высокая, чистый ли у меня черноземъ или суглинокъ, есть ли въ немъ мергель или нѣтъ? Всѣ мои многочисленные опыты никуда не годятся, потому я никогда не могу въ нихъ отдѣлить случайнаго фактора отъ постояннаго. Горе мое, что я не научно образованный сельскій хозяинъ, потому что и науки этой въ Россіи нѣтъ. Плохъ поэтому и нѣмецъ-управляющій, который является насъ учить. Къ тому же являются управлять нашими имѣніями разные кузнецы, мельники, старосты. Вотъ они и сидятъ въ кузницѣ, заводятъ мельницы, въ лучшемъ случаѣ стараются передѣлать нашихъ рабочихъ на нѣмецкій ладъ. То же можно сказать и о рабочихъ. До тридцати лѣтъ онъ, кромѣ сохи, ничего въ

Для отзыва
въ редакцію.

рукахъ не держалъ, а ему даютъ рядовую сѣялку. Въ первый же день она возвращается сломанною. Виноватъ-то не онъ, а виноваты мы, давшіе ему орудіе, на которомъ онъ работать не умѣетъ, или не приготовившіе для этого орудія землю, какъ нужно.

При этомъ-то положеніи нашего хозяйства, пять лѣтъ тому назадъ открыто было министерство земледѣлія. Понятно, что на него возлагалось много надеждъ. Каковъ былъ бы естественный ходъ дѣла? Цѣлью министерства было поднятіе сельско-хозяйственной техники. Какъ это сдѣлать? Очевидно, воспитать техниковъ, а для этого разработать русскую сельскохозяйственную науку. Нельзя же удовольствоваться Новой Александріей и Петровскимъ институтомъ. Во-первыхъ, этого мало; во-вторыхъ, они находятся внѣ черноземнаго района; въ-третьихъ (не говоря про Новую Александрію, съ которой незнакомъ вовсе), надъ Петровскимъ институтомъ тяготѣетъ какой-то злой рокъ. Онъ закрывался на четыре года, и теперь нѣтъ тамъ и тѣхъ людей науки, которые могли что-нибудь сдѣлать, какъ Стебутъ, Линдеманъ, Кулешовъ; въ-четвертыхъ, Россіи нужно не два института, а нужна цѣлая сѣть сельскохозяйственныхъ заведеній и учрежденій. Кстати, смѣшно сказать, что оба института выпускаютъ въ годъ человѣкъ сто, и это все на шестую часть свѣта!

Какъ стоитъ дѣло въ Германіи? Въ Германіи въ 1897 г. было 37 высшихъ заведеній для сельскихъ хозяевъ, считая въ томъ числѣ и сельскохозяйственные факультеты. Требованія при поступленіи самыя различныя: въ иныхъ требуется общее среднее образованіе, въ иныхъ—дипломъ доктора философіи, т. е. объ окончаніи курса естественныхъ наукъ, въ иныхъ—аттестатъ средней сельскохозяйственной школы. При этихъ 37 высшихъ заведеніяхъ—сѣть среднихъ земледѣльческихъ школъ съ опытными по-

лями и образцовыми хозяйствами, метеорологическими станціями и всевозможными спеціальностями, какъ-то: скотоводство, молочное дѣло и проч. Тутъ десятилѣтіями вырабатывалась наука и готовились сельскіе хозяева, управляющіе, старосты, рабочіе. Наука теперь уже выработала непреложныя данныя, сельскохозяйственная книга понятна для всякаго хозяина. А мы все споримъ про то, нужно ломать овесъ или нѣтъ, а читая книги, сами не знаемъ, что такое бѣлокъ, протеинъ, крахмалъ. Франція Данія, Финляндія — всѣ поняли значеніе науки, всѣ сознали, что нельзя заниматься хозяйствомъ, не изучивъ сельскохозяйственной науки, такъ же какъ нельзя сшить сапогъ, не изучивъ этого дѣла. У всѣхъ хозяйство процвѣтаетъ и съ каждымъ годомъ мы читаемъ, что число пудовъ зерна съ десятины возрастаетъ, чуть не удвоившись кое-гдѣ за 30 лѣтъ.

У насъ ничего и похожаго на это нѣтъ. Урожаи съ десятины не увеличиваются, а уменьшаются, съ постепеннымъ выпахиваніемъ земли. Наука не создается, практика не улучшается. Хуже того: постоянный самообманъ заставляетъ насъ закрывать глаза на все это. Такъ, теперь вездѣ услышишь, что крестьянское хозяйство улучшается; доказываютъ это тѣмъ, что земства начали продавать орудія и сѣмена крестьянамъ. Проѣзжайте по Тамбовской, Воронежской, Орловской губерніямъ: склады земскіе торгуютъ, но гдѣ отдѣлены крестьянскія покупки отъ помѣщичьихъ? Да и крестьяне крестьянамъ рознь: покупаетъ богачъ, арендаторъ, а обыкновенный все плетется за сохой, да сѣетъ вмѣсто овса чуть не мякину. А если помѣщики покупаютъ у земства орудія (въ томъ числѣ и пожарныя трубы, и кровельное желѣзо), то это доказываетъ только, что земства взялись за эту торговлю и, не ища барышей, торгуютъ дешевле кущовъ. Не улучши-

лось и крестьянское хозяйство съ тѣхъ поръ, какъ косы стали покупать въ земствахъ. Всякій самообманъ, всякое самообольщеніе очень вредны, потому что закрываютъ глаза на дѣйствительное зло и оттягиваетъ леченіе, въ которомъ мы нуждаемся.

Когда учреждено было министерство земледѣлія, надо было послушать, что говорилось въ провинціи. Конца не было надеждамъ помѣщиковъ. Послушать ихъ—и хлѣбъ-то стали бы перевозить по желѣзнымъ дорогамъ даромъ, и кредитъ-то бы завелся чуть не безъ процентовъ и безъ отдачи, и производителей-то всѣхъ отраслей скотоводства тоже роздали бы намъ, конечно, даромъ. Люди менѣе сангвиническіе думали и надѣялись, что обратятъ вниманіе на главное зло, т. е. на отсутствіе сельскохозяйственной науки и сельскохозяйственнаго образованія. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи, вѣроятно по недостатку средствъ, не сдѣлано ничего. Обидно и горько вспомнить, что заглохъ вопросъ объ институтѣ въ черноземной полосѣ. Заговорила было печать, заволновались земства, Ворнежъ спорилъ съ Саратовомъ, предложено было пожертвованіе на это дѣло прекраснаго имѣнія. Увы! все это оказалось мечтами. Видно, не пришло еще время. Между тѣмъ, конечно, тутъ нельзя терять времени, такъ какъ самообразованіе требуетъ времени, а у насъ и науку-то еще надо создавать.

Въ томъ же положеніи было у насъ техническое образованіе. За послѣдніе два года оно вышло изъ состоянія забвенія и довольно быстрыми шагами пошло впередъ; усиленъ пріемъ въ существующія заведенія, открыты политехникумы въ Кіевѣ и Варшавѣ, предполагаются къ открытію техническія заведенія въ Москвѣ, Петербургѣ, Томскѣ. Черезъ четыре года у насъ появятся ученые теоретики, черезъ десять лѣтъ будутъ ученые практики и, съ

Божіей помощью, наша русская техника разовьется. Ничего подобнаго не видно впереди въ дѣлѣ сельскохозяйственнаго образованія: ни на іоту мы не подвинулись.

Одно изъ ходячихъ по этому поводу возраженій—это то, что мы все ждемъ помощи отъ правительства, а сами не проявляемъ ни малѣйшей самодѣятельности. На это много причинъ. Земство ничего не дѣлаетъ да и сдѣлать не можетъ. Науку разрабатывать — не земское дѣло: не можетъ же саратовское земство открыть высшее учебное заведеніе. Все, что оно въ предѣлахъ закона можетъ сдѣлать—это ходатайствовать и ассигновать субсидію, что оно и дѣлаетъ, да и внѣ этого кое-что дѣлается такое, что, пожалуй, лучше бы и не дѣлалось: я говорю про существующія кое-гдѣ опытныя поля съ неопытными агрономами. Неопытны они потому опять-таки, что, окончивъ Петровскую академію, опять надо учиться на черноземѣ, а учиться, т. е. въ данномъ случаѣ создавать все зданіе, одному человѣку не подъ силу. А что не можетъ сдѣлать земство, того подавно не сдѣлать какому-нибудь сельскохозяйственному обществу. Ужъ такъ мы всегда воспитывались, да и теперь воспитываемся, что къ самодѣятельности не привыкли. Да и кому работать-то? Вѣдь сельскихъ хозяевъ у насъ и десяти на уѣздъ не придется: часть служитъ по столицамъ и держитъ кто арендатора, кто—плохого управляющаго; часть живетъ въ деревняхъ, но на работу не способна; купцы высасываютъ сокъ изъ земли, да многіе и читать-то не умѣютъ, не то что разсуждать о фосфоритахъ. Какая ужъ тамъ самодѣятельность! Много еще нужно университетовъ, гимназій и школъ, чтобы общество училось не только для чиновъ и пенсій, но и для работы и жизни, кто въ своемъ имѣніи, кто на фабрикѣ, а быть можетъ когда-нибудь и въ крестьянской избѣ.

Нѣтъ, гдѣ ужъ намъ разсчитывать на разныя обще-

ства да на себя? Будетъ и на нашемъ черноземѣ праздникъ. Намъ же ничего не остается для нашего сельскаго хозяйства, какъ просить правительство, чтобы оно скорѣе намъ помогло и открыло сѣть институтовъ, земледѣльческихъ школъ, школъ для рабочихъ, спеціальныхъ школъ маслодѣловъ, сыроваровъ, садовниковъ и проч., опытныхъ и показательныхъ полей, метеорологическихъ станцій — однимъ словомъ всего того, что нужно, чтобы можно было создать науку русскаго сельскаго хозяйства.

О вмѣшательствѣ губернскаго земства въ уѣздныя дѣла.

По поводу недавнихъ*) недоразумѣній, происшедшихъ въ московскомъ губернскомъ земствѣ на почвѣ разграниченія сферъ дѣйствій губернскаго и уѣздныхъ земствъ, недавно въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья Б. Н. Чичерина. Въ статьѣ этой часть посвящена разбору отношеній города Москвы, какъ земской единицы въ губерніи, часть общему вопросу объ антагонизмѣ губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Вопросъ о Москвѣ я оставлю въ сторонѣ, какъ частный, и остановлюсь на общемъ вопросѣ вражды губерніи съ уѣздами.

Бывъ нѣсколько трехлѣтій гласнымъ одного губернскаго земства вмѣстѣ съ Б. Н. Чечериным, я неоднократно слышалъ его краснорѣчивую защиту уѣздовъ, къ которой онъ возвращается въ только что названной статьѣ. Это вопросъ наболѣвшій, возбуждающій много споровъ въ земскихъ собраніяхъ и, что еще важнѣе, имѣющій боль-

---

*) Статья эта напечатана въ № 8340, отъ 18-го мая 1899 г. «Новаго Времени».

шое вліяніе на жизнь деревни. Б. Н. Чичеринъ рѣшаетъ вопросъ такъ: абсолютно никакого вмѣшательства въ уѣздныя дѣла губернскаго земства онъ не допускаетъ, предоставля губерніи заводить такія учрежденія, которыя, не будучи по силамъ отдѣльныхъ уѣздовъ, имѣютъ губернское значеніе, какъ напр.: больницы душевно-больныхъ, учительскія семинаріи и проч. Основываетъ онъ это положеніе на принципѣ самостоятельности уѣздныхъ земствъ и на боязни развитія въ губернскомъ земствѣ бюрократическихъ началъ.

Самостоятельность уѣздныхъ земствъ для г. Чичерина святыня, которой ни въ какомъ случаѣ касаться онъ не позволяетъ. Пусть иные уѣзды ведутъ дѣло плохо, лишь бы они вели его самостоятельно: поживутъ, пострадаютъ отъ этого, затѣмъ научатся у сосѣдей и исправятся. А что нѣкоторыя уѣздныя земства странно понимаютъ свои обязанности—это несомнѣнно. Знаемъ и всякій знаетъ земства, сложившія съ себя всякія обязанности по школамъ, якобы передавъ ихъ въ церковное вѣдомство. Я говорю «якобы», потому что дѣлается это вовсе не изъ любви къ просвѣщенію въ духѣ церковности—нѣтъ, а потому, что вмѣсто десяти тысячъ рублей подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ нужно тратить тысячу. Знаю, знаетъ и Б. Н. Чичеринъ уѣздъ, гдѣ, передавъ школы церковному вѣдомству, земство черезъ годъ и церковнымъ школамъ отказало въ пособіи на томъ будто основаніи, что плохо стали учить. Что же, спрошу я, надо молча смотрѣть, какъ уѣздному земскому собранію угодно будетъ оставлять жителей уѣзда въ первобытной духовной нищетѣ? Видитъ это губернское земство и должно молчать; молчать, очевидно, должно и центральное правительство? Пропадай народное образованіе, лишь бы здравствовала самостоятельность уѣзда?

Тутъ, очевидно, борьба двухъ принциповъ: съ одной стороны необходимо народное образованіе, съ другой— желательна самостоятельность уѣзднаго земства. Я ни мало не отрицаю и того, что самоуправленіе должно быть самостоятельнымъ, но безусловно ли и всегда ли, это— вопросъ. Когда самоуправляющаяся единица довольно образована, чтобы не сомнѣваться въ общепризнанныхъ истинахъ, напримѣръ въ пользѣ образованія и тому подобномъ, пусть она будетъ безусловно свободна: мѣстныя условія, мѣстныя требованія ей ближе, дѣятельность ея жизненнѣе, чѣмъ болѣе удаленной единицы. Но когда уѣздъ способенъ отказаться отъ всякихъ школъ, самостоятельность его уже очень вредна будетъ для населенія; тогда не опека, а руководительство болѣе образованной, хотя и болѣе крупной единицы необходимо. Съ другой стороны намъ не надо забывать, что земство, въ особенности послѣ 1890 года, не есть вполнѣ всесословное учрежденіе: большинство гласныхъ избирается дворянствомъ, гласные отъ крестьянъ назначаются изъ числа выбранныхъ кандидатовъ. Поэтому считать земство представителемъ уѣзда никакъ нельзя. Мы знаемъ, что тѣ губерніи, гдѣ земства не дворянскія, а крестьянскія, какъ въ Вяткѣ, по народному образованію стоятъ впереди другихъ. Вотъ, можетъ быть, что сказало бы земство, будь оно вѣрнымъ представителемъ господствующаго сословія. И такъ, сказать: пускай населеніе страдаетъ, если земское собраніе плохо,—будетъ явной несправедливостью для этого населенія. Еще ярче виденъ бываетъ вредъ абсолютной самостоятельности уѣздныхъ управъ въ продовольственномъ дѣлѣ. Мы съ грустью присутствовали при противодѣйствіяхъ нѣкоторыхъ управъ великому дѣлу вспомоществованія нуждающемуся населенію изъ суммъ губернскихъ и имперскихъ. Это была, очевидно, не скупость, а боязнь,

какъ бы мужикъ не испортился, если бы досыта пришлось ему наѣсться. Притомъ продовольствіе—дѣло губернское: по закону, уѣздная управа является органомъ исполнительнымъ. И все-таки пускались въ ходъ именно бюрократическіе пріемы затягиванія переписки, придирокъ въ мелочахъ, т.-е. все то, что могло повредить дѣлу. Почему же Б. Н. Чичеринъ считаетъ бюрократическія тенденціи монополіею губернскаго земства, точно не видимъ мы ихъ часто и въ земствахъ уѣздныхъ?

Какъ же тутъ per fas et nefas поддерживать самостоятельность уѣздовъ? Управленія, самоуправленія—все это необходимо не само по себѣ, а какъ средства для достиженія народомъ извѣстныхъ благъ. Отстаивать принципъ безусловной самостоятельности самоуправленія во вредъ благу народному значитъ средство ставить выше цѣли. Г. Чичеринъ боится болѣе всего бюрократическихъ началъ. Это понятно; но почему-то онъ видитъ эти бюрократическія замашки во всевозможныхъ установленіяхъ губернскаго земства. Учрежденъ былъ губернскій дорожный капиталъ: потребовались спеціалисты. Приглашаетъ губернская управа инженера-спеціалиста съ двумя помощниками техниками и двумя чертежниками для составленія плановъ. Учреждается техническій столъ (употребляю это канцелярское выраженіе во избѣжаніе слова «бюро», почему-то многихъ пугающаго). Положимъ, и во всѣхъ вѣдомствахъ дѣлается такъ же. Съ этой точки зрѣнія, это пріемъ бюрократическій. Но какъ этого избѣжать? Вѣдь дешевле имѣть одно бюро губернское, чѣмъ десять или двѣнадцать мало занятыхъ инженеровъ уѣздныхъ? То же самое можно сказать о санитарномъ бюро. Земская медицина теперь признала необходимость не только лечить населеніе, но и заботиться о санитаріи. Не вижу, какъ къ этому приступить безъ санитарнаго бюро. Что тутъ особо бюро-

кратическаго? Бюрократическія начала опасны, когда вся дѣятельность сводится къ писанію бумагъ, когда въ этомъ вся суть дѣла. Но нельзя же этого сказать о всѣхъ земскихъ бюро. Нельзя называть дѣло бюрократическимъ только потому, что дѣлая дѣло—приходится писать.

Затѣмъ, мы въ статьѣ г. Чичерина встрѣчаемъ еще одно крупное обвиненіе губернскихъ земствъ. «Когда гдѣлибо, говоритъ онъ, замѣчается стремленіе къ расширенію вѣдомства, всегда надобно спросить: кому нужно чѣмънибудь управлять?» Итакъ, онъ приписываетъ земству стремленіе изобрѣтать дѣла, чтобы пристроить того или другого человѣка. Конечно, опытъ г. Чичерина больше моего, и я убѣжденъ, что онъ это видалъ неоднократно лично, но смѣю увѣрить, что мнѣ такіе случаи не попадались. Бывало, что держатъ лишняго члена управы, чтобы дать кусокъ хлѣба старику, всю жизнь служившему земству, если оказывается опротестованною назначенная ему собраніемъ пенсія; но чтобы бюро цѣлое изобрѣталось, чтобы дать человѣку мѣсто и власть, я не видалъ. Не обобщаетъ ли г. Чичеринъ единичныхъ случаевъ?

Наконецъ, почтенный профессоръ довольно подробно описываетъ ту рознь, которая порождается въ губернскомъ земскомъ собраніи соревнованіемъ уѣздовъ и желаніемъ представителей каждаго уѣзда больше получить себѣ. Да, этотъ антагонизмъ есть, но вовсе не въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ губернское земство вторгается въ область уѣздныхъ. Именно въ этихъ дѣлахъ пользоваться губернскимъ расходомъ будетъ въ одинаковой мѣрѣ вся губернія. Тѣ же школы, если будутъ учреждаться губернскимъ земствомъ на основаніи того принципа, на основаніи котораго въ большинствѣ случаевъ теперь расходуется дорожный капиталъ, т.-е. чтобы каждый уѣздъ пользовался губернскими благами пропорціонально суммамъ, вносимымъ имъ на это

дѣло, гораздо менѣе должны возбуждать, по равномѣрности приносимой ими пользы, негодованіе уѣздовъ, чѣмъ, напр., губернская больница или домъ душевно-больныхъ, на которые дѣйствительно расходуетъ вся губернія, а которыми пользуются наиболѣе губернскій городъ, затѣмъ его уѣздъ и наконецъ сосѣдніе уѣзды, осуждая дальніе уѣзды только расходовать деньги безъ пользы для ихъ населенія. Такъ полагало харьковское земство. Правда, тамбовское земство вносило другое предложеніе, а именно двадцатипятипроцентную губернскую помощь уѣздамъ въ ихъ расходахъ по народному образованію. Тутъ дѣйствительно выходило перекладываніе изъ кармана скупыхъ на образованіе земствъ въ карманы уѣздовъ, много тратившихъ на школы. Защитники образованія во что бы то ни стало стояли за этотъ способъ заставить уѣзды конкурировать въ расходованіи суммъ на школы, но это перекладываніе денегъ изъ кармана въ карманъ, не спорю, могло возбудить сомнѣніе въ его справедливости и возбудить рознь между уѣздами. Но при пропорціональности получаемыхъ уѣздами отъ губерніи денегъ суммамъ, вносимымъ уѣздами въ губернскую кассу, никакой розни быть не можетъ. Самъ г. Чичеринъ, являясь въ данномъ случаѣ какъ бы противникомъ образованія, дѣлалъ это, конечно, только во имя защищаемаго имъ научнаго принципа, но и онъ долженъ признаться, что въ числѣ гласныхъ, голосовавшихъ съ нимъ, было много и такихъ, которымъ и дѣла нѣтъ до научныхъ принциповъ, а которымъ во что бы то ни стало надо было добиться возможно меньшихъ расходовъ на народное образованіе, а можетъ быть и помимо расходовъ уменьшить и безъ того слабую яркость школьнаго свѣта.

Перейду теперь къ юридической сторонѣ дѣла. Различныя бюро—санитарное, техническое, школьное—всѣ

они служатъ дѣлу объединенія уѣздовъ. При отсутствіи земскаго органа, при невозможности земствамъ столковаться на съѣздахъ предсѣдателей, хотя бы по губерніи желательно имѣть справочные органы, объединяющіе уѣзды по разнымъ вопросамъ. Таковыми являются различныя бюро. Положимъ, дѣло ихъ бумажное, да вѣдь и науки никакой безъ бумаги не изложишь. Бюрократизма я тутъ не вижу никакого. Къ счастью, всѣ эти бюро, насколько я знаю, у администраціи не встрѣчаютъ препятствій къ своему осуществленію. Не встрѣчаютъ препятствій и другія начинанія земскія, какъ междууѣздныя больницы, агрономы. Только школьныя мѣропріятія возбуждаютъ административные протесты, хотя законъ для нихъ въ этомъ отношеніи тотъ же, что и для медицины и агрономіи. Къ счастью для нѣкоторыхъ земствъ и несчастью для другихъ, мы видимъ, что взглядъ самой администраціи еще не установился на этотъ вопросъ. Такъ, участіе московскаго и вятскаго губернскихъ земствъ въ школьномъ дѣлѣ признано законнымъ, а участіе тамбовскаго земства незаконнымъ. Болѣе того, въ Харьковѣ возможное въ 1897 году оказалось невозможнымъ въ 1898 году, хотя законъ не измѣнялся. Происходитъ это отъ того, что по закону вовсе и не разграничена школьная дѣятельность уѣздныхъ и губернскихъ земствъ; причины же разногласія администраціи, вѣроятно, иныя. Будемъ ждать рѣшенія по этому вопросу Сената, вслѣдствіе жалобы, принесенной два года назадъ на протестъ губернскаго присутствія противъ отмѣны постановленія тамбовскаго собранія.

Остается поговорить объ экономическомъ вопросѣ. Всѣ земскіе расходы ложатся почти исключительно на землю. Земля у насъ облагается государствомъ, хотя послѣднее время это обложеніе значительно облегчено; земля облагается земствомъ и уѣзднымъ, и губернскимъ; земля обла-

гается сословными собраніями—мірской сборъ у крестьянъ, дворянскій для помѣщиковъ; земля облагается иногда чрезмѣрно—все это такъ, но причина не во вмѣшательствѣ губернскаго земства въ уѣздныя дѣла. Жизнь идетъ впередъ и требуетъ все большихъ и большихъ расходовъ на культурныя и производительныя нужды. Земля иногда не выдерживаетъ этихъ расходовъ, въ особенности при понижающейся земельной рентѣ, но что же все это доказываетъ? Это доказываетъ настоятельную необходимость сложить съ земли часть лежащаго на ней бремени и перенести это бремя на другіе предметы обложенія. Это очевидно.

Но причемъ тутъ раздѣленіе земства на губернское и уѣздное? Логично вообще проповѣдывать сокращеніе земскихъ расходовъ на этомъ основаніи, какъ дѣлаютъ нѣкоторые. Можно еще утверждать, что лучше оставаться дикимъ, лучше умирать безъ врачебной помощи, чѣмъ обременять излишне землю; но на основаніи этого лишать губернію права облагать, предоставивъ это уѣздамъ, нельзя. Если бы губернское земство не составлялось изъ представителей уѣздовъ, если бы для губернскихъ гласныхъ земля была менѣе дорога, чѣмъ для гласныхъ уѣздныхъ, то это было бы такъ. Съ точки зрѣнія экономической на земство надо смотрѣть, какъ на одно цѣлое, безъ различія уѣзднаго и губернскаго, такъ какъ у обоихъ одно назначеніе, одна цѣль, одни стремленія, одна близость къ землѣ, наконецъ, одинъ законъ. Г. Чичеринъ этой стороны вопроса и не касается, но въ губернскихъ собраніяхъ приходится слышать возраженія о двойномъ будто бы на одинъ и тотъ же предметъ обложеніи земли и уѣздами, и губерніей, точно не все равно десятинѣ земли заплатить двадцать копѣекъ по раскладкѣ уѣздной или десять копѣекъ по уѣздной, а десять по губернской?

Итакъ, всѣ доводы, которые, какъ мы слышимъ въ собраніяхъ, приводятся противъ участія губернскаго земства въ различныхъ помѣстныхъ культурныхъ работахъ уѣздныхъ земствъ,—всѣ они могутъ быть опровергнуты, причемъ невольно кажется, что часто у приводящихъ эти доводы есть затаенныя мысли. Одинъ доводъ серьезный, небезосновательный, это доводъ Б. Н. Чичерина. Но все-таки мнѣ кажется, что принципъ, имъ защищаемый, нельзя признать незыблемымъ, какъ принципъ нравственный, и въ данномъ случаѣ нельзя имъ, какъ принципомъ вспомогательнымъ, не пожертвовать святому дѣлу народнаго образованія.

Къ конверсіи выкупныхъ платежей.

13-го мая 1896 г. изданъ законъ, по которому крестьянамъ разрѣшалось оставшуюся часть выкупного долга пересрочить на 28, 41 и 56 лѣтъ. Это явилось Царскою милостью, такъ какъ не только уменьшалась сумма ежегоднаго взноса, но и общая сумма всѣхъ оставшихся взносовъ не увеличивалась или увеличивалась на столько мало, что и говорить о томъ не стоитъ. Ясно для всякаго, что выгоднѣе уплачивать 40 лѣтъ по 25 руб., чѣмъ 20 лѣтъ по 50 руб. Крестьянамъ надо было ходатайствовать объ этихъ пересрочкахъ. Между тѣмъ, вмѣсто ожидавшейся операціи на десятки милліоновъ, пересрочено всего на 56,000 руб. Въ виду столь страннаго результата, возникъ проектъ сдѣлать эти пересрочки самому правительству безъ ходатайствъ сельскихъ обществъ. Спрашивается, имѣетъ ли правительство нравственное право дѣлать эту конверсію или нѣтъ?

Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, надо разсмотрѣть, почему милость 13-го мая не проникла въ крестьянскую

жизнь. Когда былъ изданъ законъ, онъ поневолѣ оказался не совсѣмъ яснымъ, такъ какъ говорилъ о невыкупленной части долга, о погашеніи его съ процентами въ извѣстный срокъ. Все это требуетъ не только пониманія этихъ вопросовъ, но и математическихъ расчетовъ. Естественно, что крестьяне,—или вовсе безграмотные, или полуграмотные, даже не могли обратить на новый законъ малѣйшаго вниманія. Ожидалось, очевидно, что имъ этотъ законъ будетъ объясненъ. Между тѣмъ къ этому явилось много препятствій. Не говоря о крестьянствѣ, всѣ его многочисленные начальники отнеслись къ закону враждебно, потому что явилось представленіе, что этотъ законъ для крестьянъ невыгоденъ. Не сдѣлавъ расчетовъ, съ чужихъ словъ стали повторять, что хотя суммы платежей и понизились бы, но что въ общемъ народу пришлось бы переплатить гораздо больше, чѣмъ при прежнемъ порядкѣ. Говорили это и земскіе начальники, и многіе податные инспектора. Ясно, что законъ, который могъ пройти въ жизнь только при условіи подробнаго его разъясненія крестьянскому міру, при несочувствіи мѣстныхъ властей, даже не дошелъ до этого міра. Высшее правительство, очевидно, думало, что мы вникнемъ въ суть дѣла, но, къ сожалѣнію, оно въ насъ ошиблось. Говорю это смѣло, потому что былъ однимъ изъ грѣшниковъ. Да простятъ мнѣ крестьяне моего участка.

Помимо равнодушія и заблужденія, былъ еще тормазъ дѣлу. Нѣкоторые земскіе начальники для особо разоренныхъ селъ взялись было за проекты пересрочекъ и, уговоривъ общества, представили свои объясненія выше. Тутъ явилось опять неожиданное препятствіе. При приговорѣ крестьянъ требуется экономическое изслѣдованіе ихъ положенія, сдѣланное земскими начальниками. Губернскія учрежденія оказались такъ требовательны, что возвра-

щали эти изслѣдованія для дополненія. Естественно послѣ всего сказаннаго, что Царскою милостью народу воспользоваться не пришлось. Но спрашивается: причемъ тутъ народъ?

Вотъ фактическая сторона дѣла. Теперь перейдемъ къ нашему вопросу. Можетъ ли правительство сдѣлать эти пересрочки, не спрося крестьянъ, если обязательная конверсія будетъ противна ихъ интересамъ или даже ихъ желаніямъ? Я смѣло могу сказать, что крестьянская масса такъ темна и по разнымъ причинамъ такъ удалена отъ Петербурга, что обсуждаемая мѣра будетъ принята населеніемъ съ единодушною благодарностью, несмотря на кажущуюся неохоту воспользоваться льготами 13-го мая. Положимъ, что при изданіи закона объ обязательной конверсіи выкупныхъ платежей была бы прибавлена статья, что тѣ общества, которыя не пожелали бы воспользоваться закономъ, могутъ ходатайствовать объ оставленіи прежнихъ сроковъ и прежнихъ условій выкупныхъ платежей. Можно поручиться, что какъ мало они ходатайствовали объ измѣненіи стараго порядка на новый, такъ же мало они стали бы ходатайствовать о возвращеніи къ старому, если бы новый былъ признанъ нормальнымъ; оговариваюсь впрочемъ: ходатайствовать они не будутъ, если не будетъ употреблено разныхъ уговоровъ оставить прежніе платежи. Вѣдь находятъ же нѣкоторые, что крестьянамъ ничего прощать не надо, а слѣдовательно и льготъ не нужно.

Боюсь, какъ бы нѣкоторые не вывели изъ сказаннаго, что крестьянамъ нужно больше опеки. Нѣтъ, наоборотъ, опека-то есть, и она-то и образуетъ ту стѣну, которая отдѣляетъ деревню отъ Петербурга. Повторяю, данная мѣра не только безусловно полезна, но и настоятельно необходима; и всякая проволочка вредна, все болѣе усиливая главное русское зло—разореніе крестьянства.

Теперь перейду къ другой части разговоровъ о выкупныхъ платежахъ. Нѣкоторые стремятся перенести центръ тяжести вопроса на другія соображенія. Пересрочки-то, положимъ, говорятъ они, хороши, но не въ высокихъ платежахъ главное зло. Оно въ томъ, что во многихъ мѣстахъ выкупныя ссуды не соотвѣтствовали цѣнности земли: послѣдняя почти ничего не стоитъ, платятъ же за нее много; понятно разореніе, ибо земля приноситъ убытокъ. Это такъ. Но очень было бы жалко, еслибы вопросъ, такъ поставленный, затормозилъ пересрочки.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во многихъ мѣстностяхъ сумма выкупного долга превышаетъ стоимость земли; ясно тоже, что въ этихъ мѣстахъ крестьяне въ накладѣ. Конечно, у дворянъ, получившихъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, даннаго отнять нельзя, но возвратить крестьянамъ излишне съ нихъ взятое государство обязано. Впрочемъ, врядъ ли слѣдуетъ смѣшивать этотъ вопросъ съ вопросомъ о пересрочкѣ. Пересрочки не подарокъ, не возвращеніе должнаго, а финансовая работа, направленная къ облегченію населенія. Пересрочки—общая мѣра, не требующая спеціальныхъ помѣстныхъ изслѣдованій; пониженіе платежей требуетъ помѣстныхъ изслѣдованій и переоцѣнокъ. Первыя можно установить немедленно, и черезъ мѣсяцъ всѣ расчеты будутъ окончены,—переоцѣнка же надѣловъ надолго затянется, если хотятъ произвести ее правильно.

Весьма было бы жалко, если бы за несовершенствомъ работы оцѣнокъ надѣловъ была отсрочена мѣра, благодѣтельныя послѣдствія которой почувствовались бы немедленно. Съ другой стороны, необходимо приступить немедленно къ разработкѣ и второго вопроса.

Административная ссылка.

Великимъ актомъ надо признать Высочайшее повелѣніе 6-го мая (1899 г.) о преобразованіи ссыльно-каторжной системы. Отмѣна ссылки, преобразованіе каторги, улучшеніе положенія ссыльныхъ, учрежденіе принудительныхъ работъ—все это давно желательныя реформы, благодѣтельныя какъ для нашихъ «несчастныхъ», такъ въ особенности для возрождающейся вторично покоренной Сибири. Пусть разрабатываютъ и обсуждаютъ эти проекты юристы, я же позволю себѣ остановить вниманіе читателя на административной ссылкѣ по приговорамъ крестьянскихъ обществъ, отмѣна или ограниченіе коей тоже составляетъ одинъ изъ пунктовъ Высочайшаго повелѣнія.

Сплошь да рядомъ вся деревня знаетъ, кто учинилъ поджогъ или кражу, а дѣло такъ и замираетъ; урядникъ для дознанія пріѣдетъ разъ: слухи до него не дойдутъ, такъ какъ часто крестьяне изъ страха, состраданія и другихъ побужденій скрываютъ своего односельчанина. Если даже и дойдутъ слухи до урядника, то ему некогда бываетъ вновь обращаться къ старому дѣлу, такъ какъ накопилось уже много новыхъ. Такимъ образомъ много преступленій остаются безнаказанными по недостатку сельской полиціи, хотя виновники ихъ извѣстны. Вотъ одна изъ причинъ, вызвавшихъ административную ссылку. Если бы оказалось возможнымъ завести настоящую полицейскую стражу въ деревняхъ взамѣнъ безполезныхъ и даже вредныхъ сотскихъ и десятскихъ, то и ссылка безъ суда оказалась бы излишнею. Главный вредъ административной ссылки заключается въ злоупотребленіяхъ, столь часто сопряженныхъ съ административными карами. Весьма рѣдко общество является само иниціаторомъ ссылки односельча-

нина. Обыкновенно возбуждаются эти дѣла старшинами съ согласія ихъ начальства. Хорошо, когда они дѣйствительно хотятъ освободить общество отъ негодяя, но часто старшина этимъ стремится освободиться отъ личнаго врага. Много можно привести примѣровъ, когда ни сосланный не знаетъ, за что сосланъ, ни общество—за что ссылало. Въ этихъ случаяхъ ссылка является прямо преступленіемъ. Иногда общество не по разуму усердствуетъ. Недостатокъ полиціи пріучилъ общества къ нерѣдкому самосуду. Такъ, часто вора избиваютъ до полусмерти, часто доводятъ до разоренія, иногда же наказаніемъ избирается ссылка. Мнѣ извѣстенъ случай приговора о ссылкѣ, составленный относительно бабы, разъ попавшейся въ кражѣ холстовъ. Къ счастью, приговоръ не былъ утвержденъ губернскою властью.

Приговоры о высылкѣ часто составляются о людяхъ безпокойныхъ. Бываетъ, что горячій крестьянинъ не подчиняется старшинѣ, а когда видитъ съ его стороны что-либо неладное, на сходахъ кричитъ, отстаивая то, что считаетъ правдой. Часто такіе люди дѣлаются главами партій, враждебныхъ старшинѣ, подаютъ постоянно жалобы — правильныя и неправильныя, безпокоятъ начальство и слывутъ кляузниками. Вообще такіе люди для старшины неудобны. Если послѣднимъ общество недовольно, то, конечно, такому ссылки бояться нечего, но если старшина съумѣлъ подчинить себѣ общество, то ему легко добиться желаемаго. Въ приговорѣ ссылаемаго опишутъ какъ человѣка опаснаго, грубаго, пожалуй прибавятъ, что все село боится съ его стороны поджоговъ и — глядь, сослали человѣка, повиннаго только въ томъ, что хотѣлъ добиться правды противъ вліятельнаго старшины. Это ужасный видъ злоупотребленій, къ сожалѣнію, неизбѣжный, когда человѣка можно наказать, да еще какъ?—даже не выслушавъ его.

Насколько самосудъ вреденъ (а какъ назвать административную ссылку иначе, какъ не самосудомъ?) показываютъ многочисленные примѣры, какъ люди, ссылавшіеся обществами и избѣжавшіе ссылки вслѣдствіе неутвержденія приговоровъ высшею властью, оставшись, оказывались мирными гражданами, никому никакого вреда не причинявшими. Тѣмъ не менѣе, въ тюрьмахъ административно сосланные считаются элементомъ нехорошимъ. Думаю, что это происходитъ именно оттого, что большею частью ссылаются люди безпокойные; безпокойными они являются и въ тюремной обстановкѣ. Врядъ ли это достаточный мотивъ, чтобы наложить на человѣка на всю жизнь такое страшное клеймо.

Наконецъ, самая возмутительная сторона ссылки, это распространеніе ужаснаго наказанія на всю семью ссылаемаго. Жена обязана слѣдовать за мужемъ, если онъ того потребуетъ. Только судъ, удостовѣривъ дурное обращеніе мужа съ женою, можетъ освободить ее отъ наказанія за несовершенное ею преступленіе. Между тѣмъ, часто ссылаемый былъ для своей семьи образцовымъ мужемъ и отцомъ, и невинная семья должна на вѣкъ сохранить названіе ссыльной. Я видѣлъ примѣры разоренія и полной нищеты 80-ти-лѣтнихъ старухъ, у которыхъ такимъ образомъ отняли единственныхъ сыновей-кормильцевъ.

Злоупотребленія, связанныя съ ссылкой, и послѣдствія ея несомнѣнно заставляютъ желать, чтобы исполнена была назначенной на то комиссіей воля Царская въ полномъ ея объемѣ. Вѣдь повелѣніемъ Государя Императора предложено обсудить отмѣну или ограниченіе административной ссылки. Очевидно, завѣтное Его желаніе есть полная отмѣна ея; ограниченіе же допускается, какъ полумѣра, только въ случаѣ, если комиссія выразитъ опасеніе совершенно вычеркнуть ее изъ нашего законодательства. Во

всякомъ случаѣ, если бы полная отмѣна была признана невозможной, желательно внести въ законъ слѣдующія условія:

1) Приговоръ провѣряется не земскими начальниками, а чинами губернскаго присутствія или прокурорскимъ надзоромъ не формально только, но и по существу. 2) Ссылать можно при условіи судомъ удостовѣреннаго ряда преступленій, напр. человѣка, совершившаго третью кражу, угнавшаго вторую лошадь, и т. п. 3) Семья ссылаемаго можетъ слѣдовать за нимъ, если того сама пожелаетъ. 4) Ссылка должна допускаться только на закономъ установленные сроки, и долженъ быть отмѣненъ законъ, запрещающій ссыльному, даже по окончаніи срока, возвращаться на родину.

Эти ограниченія, уменьшивъ возможность злоупотребленій и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчивъ участь ссылаемыхъ и ихъ семействъ, болѣе или менѣе достигли бы цѣли, предначертанной волею Государя Императора.

СТАТЬИ О КРЕСТЬЯНСКИХЪ ЗАРАБОТКАХЪ.

Заработки въ черноземной полосѣ въ голодный годъ.

На-дняхъ (май 1899 г.) въ газетахъ проскользнуло сообщеніе, что какое-то село не получило помощи—ни земской, ни благотворительной, потому что отказалось взять заработки у помѣщика. Это удивительное извѣстіе стоитъ, чтобы на немъ остановиться. Но прежде нелишнимъ считаю поговорить вообще о крестьянскихъ заработкахъ въ голодный годъ.

Каждую осень крестьянинъ соображаетъ, какъ онъ доживетъ до будущаго урожая. Нужно заплатить подати, прокормиться съ семьей, купить соли, дегтю, керосину и справить кое-какія экстренныя нужды: свадьбу, ремонтъ постройки, покупку лошади. Такъ какъ экстренныя нужды у него всегда есть, то онъ всегда, насколько можетъ, съ осени же запродаетъ свой трудъ сосѣднему землевладѣльцу. При этомъ онъ получаетъ 50 — 70 процентовъ того, что ему пришлось бы, не бери онъ денегъ впередъ. Конечно, ему было бы выгоднѣе (и онъ это прекрасно понимаетъ)

годъ не закабаляться и переждать, но нужды такъ настоятельны и такъ многочисленны, что этого онъ никогда сдѣлать не можетъ. Поэтому онъ изъ года въ годъ, беря деньги впередъ, терпитъ большіе убытки. Такихъ заработковъ обыкновенная семья одиночекъ забираетъ рублей на 10, причемъ обязывается отработать одну десятину ржи и одну десятину овса. Кромѣ того, крестьянинъ заработаетъ осенью въ молотьбѣ. Такъ онъ живетъ нормально; другихъ заработковъ у него нѣтъ: отхожіе промыслы кормятъ два, три села на уѣздъ. Пойди на сторону весь черноземный центръ, работы, очевидно, не будетъ. Другія два, три села въ уѣздѣ кормятся кустарными промыслами. Громадное же большинство никакихъ заработковъ, кромѣ хлѣбопашества, не имѣетъ. Есть еще работы у помѣщика: въ саду, набивка ледниковъ и т. п. Но если разложить все это на цѣлую деревню, то и рубля на работника не придется. Если признать все это, то надо разъ навсегда отбросить всѣ эти нелѣпыя обвиненія нашего мужика въ лѣни. Если бы онъ былъ такъ уже лѣнивъ, то не установилась бы цѣна въ 50 рублей въ годъ хорошему работнику на его одеждѣ. Вездѣ о цѣнѣ надо судить не по пользѣ или убыточности дѣла для работодателя, а по возможности для работника удовлетворить своимъ насущнымъ потребностямъ. Нечего говорить, что не будь у насъ многимъ намъ ненавистной общины, онъ бы на эти 50 рублей семьи не прокормилъ.

Что же дѣлаетъ крестьянинъ въ голодный годъ? Онъ откладываетъ нужды самыя настоятельныя: починку валящейся избы, свадьбу дочери и проч., ограничиваетъ до невѣроятнаго минимума свои и безъ того ничтожныя потребности и старается прокормиться съ семьей, лошадью и коровой. Хотя податей усиленно не собираютъ, хотя онъ надѣется на земскую ссуду, но скотину лишнюю онъ

продаетъ съ сентября на хлѣбъ. Понятно, что онъ старается, по возможности, болѣе взять денегъ подъ будущую работу, причемъ закабаляется иногда на нѣсколько лѣтъ. Цѣна этихъ заработковъ падаетъ: за полную обработку десятины ему даютъ вмѣсто прежнихъ пяти рублей—всего четыре. Нечего притомъ говорить о чрезвычайныхъ расходахъ, какъ свадьба, перестройка избы и проч.—все это откладывается на будущее.

Лошадь и корову крестьянинъ съ осени не продаетъ, въ надеждѣ ихъ сохранить. Надежда эта всегда его обманываетъ, такъ какъ земская ссуда еле-еле поддерживаетъ его жизнь. Дѣйствительно, намъ кажется страшной цифра земской ссуды по губерніи въ 5—7 милліоновъ, но не забудемъ, что на $1^1/_2$ милліона ѣдоковъ это составитъ четыре рубля или 4—5 пудовъ хлѣба на каждаго. Нужда почти поголовная—ссуда всегда меньше того, что крестьянинъ надѣется получить. Гораздо было бы лучше, если бы онъ получалъ эту ссуду осенью. Онъ бы лучше могъ сообразить свои потребности и сталъ бы соотвѣтственно вести свое хозяйство.

Хлѣба не хватаетъ,—онъ распродаетъ что можетъ и все болѣе и болѣе запродаетъ посѣвъ, землю, а главное—трудъ. Понятно поэтому, что трудъ этотъ оплачивается въ голодные годы очень плохо. До сихъ поръ отрабатываютъ нѣкоторые хлѣбъ, занятый въ 1891 году. Кромѣ того, крестьянинъ ко многимъ работамъ неспособенъ. Такъ, лошадь не идетъ безъ овса, а предлагаемыя цѣны за конную работу не окупаютъ этого овса. На-сторону идти съ семьей—сплошь да рядомъ нельзя (да и куда уходить семи губерніямъ?!); одному—семья вовсе останется безпомощной. Часто въ работники не наймешься и по недостатку одежды. Наконецъ, чтобы работать, нуженъ извѣстный запасъ силъ и энергіи. Поработай-ка день за 20 копѣекъ

не ѣвши да зная, что жена съ дѣтьми голодаютъ. Право, не будь въ нашемъ крестьянинѣ его удивительнаго стоицизма и его вѣры, онъ давно бы сдѣлалъ то, что на его мѣстѣ сдѣлалъ бы французъ, — разложилъ бы углей, да постарался бы до смерти угорѣть съ женой и дѣтьми.

Чтобы объяснить себѣ кажущуюся мужицкую лѣнь, надо поговорить съ ними подольше, да откровенно, тогда узнаемъ, почему онъ не идетъ къ помѣщику работать, — да кто у насъ съ крестьяниномъ говоритъ? Учить его, ругать — это мы умѣемъ, а поговорить съ нимъ человѣческимъ языкомъ не стоитъ — все онъ, негодяй, вретъ, да притворяется, а излѣнился до того, что предпочитаетъ смерть отъ голоднаго тифа работѣ!

И такъ, часто крестьянинъ въ голодный годъ распродаетъ все имущество, землю и трудъ свой. Запродавая свой трудъ, съ тѣмъ самымъ идетъ въ кабалу, которая ему и въ будущемъ не дастъ поправиться.

Что же означаетъ это газетное извѣстіе, про которое я упомянулъ въ началѣ этой статьи? Это означаетъ, что крестьянину не только не облегчается возможность не закабаляться на такихъ ужасныхъ условіяхъ, какъ 100%, но, наоборотъ, его заставляютъ прибѣгать къ такого рода сдѣлкамъ, лишая и безъ того ничтожной земской ссуды!

При выдачахъ земскаго хлѣба производится подворная опись, причемъ принимается во вниманіе не только имущество семьи, но и заработки ея. Всѣ распоряженія относительно продовольствія имѣютъ въ виду заработки: такъ, на рабочихъ ссуда не выдается; въ маѣ начинаютъ говорить о заработкахъ и проч.

Какъ это понимать? Это, очевидно, надо понимать такъ: если въ семьѣ одинъ членъ, положимъ, служа садовникомъ, получаетъ 10 руб. въ мѣсяцъ, то онъ семью можетъ прокормить, а потому ссуды не выдаютъ. Такимъ

же образомъ осенью и весною разсчитываютъ яко бы на несомнѣнно существующіе заработки. Конечно, это мнѣніе ошибочно, такъ какъ заработковъ и всегда-то очень мало, а въ голодный годъ они уже заранѣе проѣдены по дешевой цѣнѣ; но все-таки это разсчетъ на нѣчто существующее, разсчетъ на деньги, работникомъ полученныя. Въ нашемъ случаѣ это не разсчетъ на то, что такой-то можетъ прокормить семью полученнымъ имъ жалованьемъ, а наказаніе за то, что онъ не работаетъ. Вѣдь денегъ заработанныхъ у него нѣтъ, и вотъ его побуждаютъ работать, не давая хлѣба его дѣтямъ, вторгаются въ его сдѣлку съ помѣщикомъ, заставляя его голоднымъ идти на эту сдѣлку.

Говорю это по опыту, потому что слыхалъ заявленія нѣкоторыхъ, что мои, молъ, мужики ко мнѣ не нанимаются, потому что имъ хлѣбъ дается. Слыхалъ я и то, что такого рода заявленія принимаются въ разсчетъ нѣкоторыми лицами, завѣдывающими раздачей ссуды.

Съ какой стороны ни посмотрѣть, это представляется въ высшей мѣрѣ вреднымъ. Во-первыхъ, это окончательно разоряетъ крестьянъ, такъ какъ и въ будущемъ у нихъ отнимается всякая надежда на просвѣтленіе; во-вторыхъ, это устанавливаетъ странныя отношенія между крестьянами и землевладѣльцами; крестьяне начинаютъ чувствовать особую власть надъ ними землевладѣльца, причемъ эта власть проявляется на почвѣ экономической, что въ особенности нежелательно: всѣмъ этимъ еще болѣе понижается цѣна на работы. Неужели это терпимо?

Довольно и того, что повсемѣстно принята наемка рабочихъ съ платой впередъ и со скидкой до 50 проц. Это—зло неизбѣжное, потому что повсемѣстное. Это—одна изъ системъ хозяйничанья. На эту систему приходится смотрѣть какъ на сдѣлку дозволенную; но мыслимо ли усили-

вать и безъ того тяжелую зависимость крестьянина отъ землевладѣльца? Мыслимо ли, чтобы этого достигали тѣмъ, что его и семью его заставляютъ голодать, и притомъ тѣ, которымъ поручено святое дѣло кормить его въ голодъ?

Вызовъ г. Дм. Бодиско.

Въ 42 нумерѣ «Гражданина», 1899 г., появилась статья г. Бодиско, извѣстнаго своими письмами о деревнѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Въ этой статьѣ онъ опровергаетъ мою безпристрастность въ «Запискахъ Земскаго Начальника», а меня, по своему обыкновенію, причисляетъ къ категоріи либераловъ. Онъ говоритъ, что въ моей книгѣ нѣтъ фактовъ. Описывая деревенскую неурядицу, я, какъ деревенскій житель, видѣлъ массу фактовъ и, основываясь на нихъ, далъ описаніе деревни. Всѣ факты я приводилъ, но ихъ г. Бодиско не хочетъ видѣть. Не могу же я ставить точки надъ і и называть мѣста описываемыхъ безобразій и лицъ, ихъ совершившихъ: я доносами не занимался и заниматься не буду.

Впрочемъ, спорить съ г. Бодиско о деревнѣ вообще я не буду — не стоитъ; но не лишнимъ считаю поговорить съ нимъ о частномъ случаѣ. Я недавно помѣстилъ въ «Новомъ Времени» (въ № 8353, отъ 31-го мая 1899 г.) статью, гдѣ возмущался однимъ извѣстіемъ изъ голодающихъ губерній, что крестьянамъ отказано въ помощи за нежеланіе работать у помѣщика.

Г. Бодиско, сомнѣваясь въ дѣйствительности факта, во всякомъ случаѣ называетъ его единичнымъ, несмотря на мое заявленіе, что и я неоднократно наблюдалъ то же.

Вслѣдъ затѣмъ получилось изъ Спасскаго уѣзда Казанской губерніи извѣстіе, что послѣдовало закрытіе сто-

ловыхъ, потому что крестьяне провинились противъ помѣщиковъ. Столовыя потомъ вновь, кажется, были открыты по распоряженію генерала Шведова. Тѣмъ не менѣе фактъ на лицо. Итакъ, нельзя называть такіе факты единичными. Но и не объ этомъ я хочу говорить съ г. Бодиско.

Въ той же статьѣ я говорилъ, что практикующаяся у насъ наемка впередъ крестьянъ подъ полевыя работы производится со скидкой 50 проц.

Этимъ въ особенности г. Бодиско возмущается и доходитъ до обвиненія меня въ возбужденіи извѣстной (?) части общества противъ помѣщиковъ.

Онъ, какъ и я, признаетъ, что, платя за обработку десятины ржи впередъ, землевладѣльцы платятъ 5 руб.

Объ этомъ у насъ спора нѣтъ. За эти 5 руб. крестьянинъ тридцатую десятину ржи долженъ скосить, связать, свозить въ гумно и десятину въ пару взметать, передвоить, посѣять подъ соху и два раза забороновать. Я утверждаю, что если тѣхъ же крестьянъ нанимать на эти работы съ тѣмъ, чтобы уплачивать за работы по исполненіи ихъ, то онѣ обойдутся рублей въ 10 за десятину, т. е., что землевладѣльцы, платя впередъ 5 руб., наживаютъ 100 на 100 въ одинъ годъ. Конечно, это не всегда безусловно точныя цифры: иногда наемка впередъ оплачивается 4 р. 50 к. — 6 р., иногда плата по отработкѣ варьируетъ отъ 7 р. 50 к. до 12 р., но въ общемъ выгадывается 50 проц.

Г. Бодиско, признавъ 5 руб., какъ плату впередъ, доказываетъ цѣлой таблицей цѣнъ, что 5 руб. получаетъ крестьянинъ и по отработкѣ. Его цифры настолько невѣрны, что безъ возраженія оставить его заявленія я не могу. Г. Бодиско упрекаетъ меня въ умышленномъ извращеніи фактовъ. Поэтому я предлагаю ему слѣдующую дуэль.

Одинъ изъ насъ, какъ говорящій систематически не-

правду о деревнѣ, долженъ умереть въ качествѣ публициста о деревнѣ. Для этого мы обратимся къ профессору Стебуту (или другому авторитету, по соглашенію) съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ намъ два типическихъ чисто земледѣльческихъ черноземныхъ уѣзда, одинъ въ моей — Тамбовской губерніи, другой въ его—Тульской. Затѣмъ письменно или личнымъ съ г. Бодиско объѣздомъ этихъ уѣздовъ (съ секундантами?) мы добыли бы существующія цѣны въ земскихъ управахъ, волостныхъ правленіяхъ и частныхъ хозяйствахъ.

Если я виноватъ и его цѣны ближе къ истинѣ, чѣмъ мои, то я обязуюсь никогда о деревнѣ не писать, какъ пишущій о ней неправду и тѣмъ смущающій общество. Если я правъ, то пускай и онъ обяжется въ томъ же. Подробности дуэли можно разработать перепиской. Результатъ ея долженъ быть оповѣщенъ въ двухъ—трехъ газетахъ.

Буду ждать отвѣта г. Бодиско въ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Г-ну Бодиско.

Очевидно, и вы, и я желаемъ раскрытія истины. Нѣкоторыхъ подробностей, мною предложенныхъ, вы не принимаете,—я не отвергну нѣкоторыя изъ вашихъ условій. Но это — мелочи. Когда мы зимой съѣдемся въ Петербургѣ—сговоримся: лучше выбрать сразу третейскій судъ. Впрочемъ, эти подробности скучны для читателя. Итакъ, до зимы. Жаль, что вы ваше письмо испортили личностями,—хотя, конечно, я своего хладнокровія не потеряю.

Еще о лѣтнихъ и зимнихъ заработкахъ.

Мой споръ съ г. Бодиско (въ вызовѣ котораго я раскаиваюсь съ одной стороны, такъ какъ г. Бодиско продолжаетъ даже передъ третейскимъ судомъ печатно поносить меня, вопреки всякимъ въ такихъ случаяхъ традиціямъ) вызвалъ обстоятельную статью лучшаго изъ современныхъ хозяевъ-публицистовъ и знатоковъ деревни Ѳ. Э. Ромера (его послѣдній дневникъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», къ слову сказать, перлъ остроумія, наблюдательности и таланта).

Совершенно правъ Ѳ. Э. Ромеръ, что я—не хозяинъ. Да я за такового себя никогда и не выдавалъ ни печатно, ни въ разговорахъ. Поэтому я никогда не позволилъ бы себѣ съ нимъ спорить, если бы дѣло шло о техникѣ сельскаго хозяйства. Вотъ онъ убралъ громадный урожай хорошаго хлѣба, а я съ своимъ квашусь и можетъ быть онъ весь прорастетъ. Но нашъ споръ съ г. Бодиско, въ которомъ высказался Ѳ. Э. Ромеръ, вѣдь не вопросъ хозяйственной техники, въ которой я плохъ, а вопросъ сельскохозяйственной организаціи или даже, если хотите, спеціально экономическій вопросъ, въ которомъ я себя считаю компетентнымъ, посвятивъ 15 лѣтъ жизни изученію именно крестьянской жизни во всѣхъ ея фазисахъ. Поэтому позволю себѣ съ нимъ не согласиться.

Начну съ того, что сброшу съ себя обвиненіе, будто я всѣхъ помѣщиковъ упрекаю въ ростовщичествѣ. Если бы у насъ была привычка спорить хладнокровно, не обвиняя другъ друга въ государственной измѣнѣ, то мы не набрасывали бы другъ на друга тѣнь, которая, къ сожалѣнію, иногда на насъ густо ложится. Такъ и теперь: въ моей статьѣ «Новаго Времени» отъ 31-го мая 1899 г.,

которая послужила поводомъ къ нашей дуэли, я буквально говорилъ слѣдующее про зимнюю наемку: «Это — зло неизбѣжное, потому что повсемѣстное. Это — одна изъ системъ хозяйничанья» (см. стран. 57) и т. д. Да, наконецъ, я самъ выдаю ежегодно тысячу пятирублевокъ, приносящихъ мнѣ столько же десятирублевокъ (только послѣднія пять лѣтъ я сбавилъ крестьянамъ одну пахоту, которую произвожу своими плугами и лошадьми). Дѣло не въ ростовщичествѣ, а въ нищетѣ обѣихъ сторонъ. Крестьянинъ закабаляется, потому что нищій и осенью долженъ заплатить выкупные, а помѣщикъ ихъ закабаляетъ, чтобы обезпечить себѣ рабочихъ на страду, а отчасти тоже потому, что иначе не сведетъ концовъ съ концами. Въ своей статьѣ я возмущался не этимъ неизбѣжнымъ зломъ, а поползновеніемъ нѣкоторыхъ еще понизить цѣну зимнихъ работъ, пользуясь голодомъ и дѣйствуя на власти, кормящія народъ. Но мнѣ приписали обвиненіе помѣщиковъ въ ростовщичествѣ, и это впечатлѣніе осталось и у Ѳ. Э. Ромера. Сказавъ это, не буду и отвѣчать ему, почему землевладѣльцы не занимаются ростовщичествомъ деньгами и хлѣбомъ.

Перехожу къ дѣлу. Ѳ. Э. Ромеръ рѣшаетъ вопросъ такъ: г. Новиковъ правъ по формѣ, а г. Бодиско по существу. Попробую доказать, что я правъ по формѣ, и по существу.

Вотъ разсужденіе Ѳ. Э. Ромера (онъ говоритъ только объ уборкѣ): я плачу впередъ мужику 3 руб. Если бы я не нанялъ его впередъ, я бы, можетъ быть, и былъ вынужденъ заплатить ему 6 рублей (Новиковъ формально правъ), но эти 6 руб.— цѣна не естественная, а искусственно создаваемая, потому что крестьяне заранѣе распредѣляютъ свое время на лѣто и потому свободныхъ рукъ не остается. Настоящая же цѣна была бы тоже 3 рубля

(по существу правъ г. Бодиско). Доказываетъ онъ то же и поденными цѣнами. По мнѣнію Ѳ. Э. Ромера, крестьянинъ осенью начинаетъ обдумывать, какъ и чѣмъ онъ будетъ зарабатывать деньги будущимъ лѣтомъ и, сообразно съ этимъ, или забираетъ заработки, или идетъ на сторону. Это невѣрно: мы заранѣе заботимся раздать деньги подъ работу, чтобы не остаться безъ рабочихъ, а крестьянина гонитъ нужда, и только нужда. Я со многими говорилъ: всѣ спятъ и видятъ вырваться изъ кабалы. Беретъ сначала бѣднота, затѣмъ идетъ середка, нехотя, чувствуя, что невыгодно, а все-таки беретъ.

Часто спросишь порядочнаго крестьянина, зачѣмъ и онъ беретъ. «Что подѣлаешь, отвѣчаетъ онъ, и хочется не лѣзть въ петлю, да лошадь пала». А иной хвалится въ августѣ, что 50 руб. у васъ заработалъ, потому что вывернулся, заранѣе себя не запродалъ. Дайте вы среднему крестьянину 10 руб. взаймы, да онъ отродясь не возьметъ заработковъ. Крестьянинъ своего бюджета не составляетъ, какъ думаетъ Ѳ. Э. Ромеръ, — бюджеты составляютъ люди болѣе состоятельные. И нашъ крестьянинъ составилъ бы себѣ бюджетъ на годъ, но у него почти нѣтъ ничего и онъ живетъ со дня на день: услышитъ про работу — идетъ работать; потянули долгъ съ него или недоимку — закабаляется поневолѣ, не потянули—не закабаляется. Хорошій годъ—онъ богатъ, плохой — голодаетъ. Какіе тамъ бюджеты? Также и на сторону онъ идетъ внезапно, потому что оказывается, что ѣсть нечего. Ну, продастъ лошаденку и идетъ, куда глаза глядятъ. Или услышитъ отъ сосѣда, что тамъ-то золотыя горы, и идетъ на другой день искать этихъ золотыхъ горъ. Не приходится ему разсчитывать за годъ впередъ, когда у него съ семьей жизнь безъ голода рѣдко обезпечена на три мѣсяца. Вотъ первое мое возраженіе: кре-

стьянинъ неохотно беретъ зимою деньги у помѣщика, а поневолѣ, чувствуя, что лѣзетъ въ петлю.

Перехожу къ поденной платѣ. Ѳ. Э. Ромеръ говоритъ, что въ страду цѣна мужику 60 коп., бабѣ—30 коп. Позволю себѣ съ нимъ не согласиться. Цѣна эта, можетъ быть, и числится въ отчетахъ управы или министерства земледѣлія, но настоящей поденной платой никакъ считаться не можетъ. Поденной платой можно назвать цѣну, за которую можно нанять сколько требуется людей. Ну, попробуйте скосить и связать поле, платя по 60 и 30 коп. Правда, мы платимъ 60 коп. старикамъ, которые идутъ на скирды, потому что уже перестали косить, да двумъ-тремъ бобылямъ, у которыхъ и косъ нѣтъ и которымъ пріятнѣе идти на легкую работу. Также и бабамъ, можетъ быть, заплатимъ 30 коп., если сыро и вязать нельзя. Но, опять-таки повторяю, врялъ ли и Ѳ. Э. Ромеръ возьмется поденными убрать хоть десять десятинъ. Да, наконецъ, надо цѣнить не время, а трудъ; поденными же и по этой цѣнѣ вгонишь десятину не въ три, а въ тѣ же шесть рублей. Чего же тутъ говорить про поденную плату? Говорить надо про цѣну массовыхъ работъ, а не про плату случайно вышедшихъ на барское гумно двухъ-трехъ стариковъ. Тѣмъ хуже, если офиціальные отчеты такъ пишутся.

Итакъ, нужно согласиться, что нормальная цѣна—6 руб., трехрублевая же цѣна—это петля, въ которую крестьянина гонитъ нужда и которую мы допускаемъ,—увы!—тоже по нуждѣ или въ деньгахъ, или въ рабочихъ. Что это петля—видно еще изъ слѣдующаго: я хоть и плохой хозяинъ, но не настолько, чтобы не понять, чего стоитъ хорошій іюльскій день. Иногда опоздать на 2—3 дня, значитъ дать высыпаться нѣсколькимъ четвертямъ хлѣба, а въ 1899 году значило потерять нѣсколько ты-

сячъ копенъ. Вотъ одна изъ причинъ, почему крестьянскій урожай ниже помѣщичьяго. Тѣ же 2—3 дня въ сѣвѣ овса имѣютъ такое же значеніе, если не большее. Зимней наемкой мы выговариваемъ себѣ, чтобы нашъ хлѣбъ былъ раньше посѣянъ, убранъ, свезенъ, чѣмъ крестьянскій. Неужели крестьянинъ этого не понимаетъ? Понимаетъ не хуже нашего, но — мало ли что онъ понимаетъ?!..

Что касается того, что крестьянинъ является иногда ершикомъ въ щучьей глоткѣ—можетъ быть! Но часто ли? Правда, взыскать съ него нечего, поэтому и даются ему деньги не подъ имущество, котораго продать нельзя, а подъ мускульную его силу, которая пока еще жива. Да не изъ страха суда работаетъ онъ, а отчасти совѣсти ради, отчасти потому, что боится, что въ случаѣ неминуемой надобности его не выручатъ другой разъ.

Примѣръ какого-то г. Х., котораго, по словамъ Ѳ. Э. Ромера, гдѣ-то бойкотировали крестьяне, мало убѣдителенъ. Рѣдко что-то слышно про такія дѣла на Руси. Да ужъ и хорошъ долженъ быть этотъ неизвѣстный г. Х.!

Очень былъ бы радъ, если бы Ѳ. Э. Ромеръ хотя отчасти согласился съ моими доводами. Во всякомъ случаѣ я очень доволенъ, что о моемъ спорѣ съ г. Бодиско высказался такой могучій авторитетъ. Это можетъ послужить къ раскрытію истины, а этого-то я и добиваюсь. Впрочемъ, теперь ждать недолго. Скоро, согласно его обѣщанію, прибудетъ въ Петербургъ г. Бодиско, и дѣло наше рѣшится.

Еще о наемкѣ впередъ.

Мой споръ съ г. Бодиско вызываетъ усиленные толки въ печати. Вслѣдъ за г. Ромеромъ выступилъ въ № 8482 «Новаго Времени» г. И. Шатиловъ, чуть ли не самый извѣстный хозяинъ центральной Россіи, давшій свое имя наиболѣе распространенному у насъ овсу.

Статьи какъ г. Ромера, такъ и г. Шатилова мнѣ кажутся удивительно субъективными. Такъ и видишь ихъ обоихъ: г. Ромеръ живетъ съ крестьянами дружно, они ему уберутъ, онъ имъ даетъ поработать у себя, затѣмъ помѣщаетъ на другую работу. Тѣ у него работаютъ добросовѣстно, такъ что судиться ему не приходится. Тотъ же характеръ онъ выдерживаетъ и въ статьяхъ: воззрѣнія г. Бодиско и мои онъ хочетъ примирить, хотя это невозможно, такъ какъ я хочу быть правымъ и по существу, а г. Бодиско—и по формѣ.

Г. Шатиловъ—чистѣйшей воды хозяинъ. Что выгодно—онъ примѣняетъ; что неизбѣжно—онъ терпитъ; своего старается не упустить, при случаѣ беретъ на 10,500 р. исполнительныхъ листовъ, которые рветъ, убѣдившись, что по нимъ съ крестьянъ ничего не получитъ. Все это понятно: иначе хозяиномъ и не будешь. Онъ любитъ хозяйство для хозяйства и довелъ свое Моховое до высокаго хозяйственнаго совершенства.

Но обратимся къ дѣлу.

Какъ г. Ромеръ, такъ и г. Шатиловъ нѣсколько перемѣстили центръ тяжести спора. Мы съ г. Бодиско спорили о зимнихъ пятирублевкахъ (ихъ признаютъ и г. Бодиско, и г. Шатиловъ), а мои оппоненты говорятъ о трехъ рубляхъ подъ одну уборку. Вотъ мой разсчетъ пятирублевки:

Первая нахота пара. .	1	р.	— к.
Бороньба	—	»	30 »
Двойка-пара	1	»	— »
Бороньба	—	»	30 »
Сѣвъ.	1	»	30 »
Косьба и вязка . . .	4	»	— »
Возка	1	»	80 »
Итого . .	9	р.	70 к.

Т. е. вдвое больше пяти рублей. Когда я нанималъ подъ косьбу и вязку, я платилъ впередъ по 2 р. Но у моихъ опонентовъ эта цифра выше: готовъ согласиться, что у нихъ польза помѣщика меньше, чѣмъ бывало у меня; но вѣдь дѣло идетъ не о нихъ и не обо мнѣ, а о громадномъ большинствѣ хозяйствъ. Поэтому болѣе ясно выразили бы свое мнѣніе гг. Ромеръ и Шатиловъ, если бы, не говоря о своихъ исключительныхъ хозяйствахъ, потрудились стать на нашу съ г. Бодиско почву и составили бы свою табличку по моей формѣ. Тѣ же работы г. Бодиско ухитрился заключить въ предѣлы пяти рублей. Таблички моихъ новыхъ глубоко почтенныхъ опонентовъ были бы полезны въ нашемъ спорѣ. Знаютъ же они цѣны этихъ работъ, если не у себя, такъ какъ они все пашутъ сами, то хоть у сосѣдей.

Теперь обращусь къ доводамъ г. Шатилова. Онъ выводитъ стоимость уборки десятины жнеей Дези въ 2 р. 20 к. и изъ этого заключаетъ, что платить три рубля крестьянамъ скорѣе дорого, чѣмъ дешево. Но можно ли сказать, что заработокъ въ 6 коп. въ зимній день бабы, когда она ткетъ холсты, хорошъ потому, что выработка той же ткани обходится на Морозовской фабрикѣ въ 3 копѣйки? Это доказываетъ только, что покупателю бабья цѣна вдвое менѣе выгодна, чѣмъ морозовская, а бабѣ

все-таки житье плохое. То же разсужденіе дѣлаетъ и г. Шатиловъ. Не сомнѣваюсь въ правильности его разсчета работы Дези, но мои опыты страшно различны отъ его. У него Дези работаетъ въ день 5 десятинъ, а всего въ лѣто 75—100 дес., а у меня въ день 4 десятины, а въ лѣто—30 дес., ибо больше стоитъ, чѣмъ работаетъ (у меня было 4 жнеи, которыя, впрочемъ, давно всѣ на полномъ покоѣ). Но если Дези у него такъ выгодна, то почему онъ ихъ не купитъ 10—14 штукъ: лошади у него есть, не въ капиталѣ же въ 3,000 рублей дѣло. Между тѣмъ вотъ что онъ намъ разсказываетъ: въ 1893 году у него было 900 десятинъ, а сдаетъ онъ подъ работу крестьянамъ на случай неотработки 1,100 дес.; въ 1898 г. въ посѣвѣ 997 дес., а сдаетъ по той же причинѣ тоже 1,100 дес. Крестьяне и этихъ 900 и 997 дес. не отработали сполна, и вотъ эти неотработки въ 100 и 75 дес. и жнетъ Дези. Ничего въ этомъ не понимаю; если Дези работаетъ по 2 р. 20 к. съ амортизаціей, то зачѣмъ ему платить по 3 руб. впередъ крестьянамъ за плохую работу, да еще съ потерей 10 — 20%, что составитъ уже 3 р. 30 к. и 3 р. 60 к.?

То же самое скажу относительно его разсчета уборки за 2 р. 70 к. поденными. Самъ говоря, что ихъ уборка чище и лучше, онъ все-таки къ нимъ не прибѣгаетъ. Почему? Да очевидно потому, что онъ, впавъ въ ту же ошибку, какъ и Ѳ. Э. Ромеръ, обобщаетъ на цѣлое поле возможное развѣ для 2—3 десятинъ. Очевидно, по 2 р. 70 к. поденными поля не уберешь.

Думаю, что этого довольно, чтобы убѣдить читателя, что здѣсь то, да не то: работа и жаткой Дези, и поденными очевидно дороже, ибо иначе къ ней бы и прибѣгъ нашъ извѣстный хозяинъ. Не объяснитъ ли онъ это кажущееся противорѣчіе между дѣломъ и словомъ?

Но г. Шатиловъ не ограничивается тѣмъ, что говоритъ о своемъ хозяйствѣ,—онъ занимается и психологіей крестьянина, и его положеніемъ опять же съ точки зрѣнія хозяина-аграрія. Съ одной стороны крестьянинъ себѣ цѣну знаетъ, разсчитывать умѣетъ и какъ бы заставляетъ землевладѣльца дѣлать то-то и то, даже бойкотируетъ его потравами, поджогами и т. п. обструкціями (по выраженію г. Шатилова); съ другой—онъ рѣшительно испорченъ 20 пудами муки въ 1891 году, 10 пудами въ 1892 г. и 15 пудами въ 1897 г. Эти 45 пудовъ на семью въ 10 лѣтъ (разсчетъ вѣренъ) сдѣлали чудеса: онъ бросилъ работать, онъ надѣется на царскій паекъ, онъ въ конецъ развращенъ, лѣтомъ непомѣрно возвышаетъ цѣну для того, чтобы черезъ три мѣсяца обивать наши съ г. Шатиловымъ пороги, прося у насъ хлѣба, который къ тому времени весь вышелъ.

Какъ оказывается, вредно чѣмъ бы то ни было быть поглощеннымъ всецѣло, хотя бы хозяйствомъ. Объективность положительно теряется.

Вѣдь всѣмъ было видно, что земскія ссуды спасали крестьянина только отъ голодной смерти. Ни отъ холода, ни отъ разоренія, ни отъ тифа съ цынгой его не спасаетъ паекъ! И, оказывается, этого достаточно, чтобы онъ сложилъ свои руки и пересталъ работать! Да неужели правда? Нѣтъ, читатель, неправда: онъ не покладая рукъ работаетъ нынѣшній (1899) годъ съ остервенѣніемъ, работаетъ самый бѣдный, самый лѣнивый, хотя хлѣбъ у него есть и ему, просушившему хлѣбъ свой въ ригѣ, легче перенести потопъ, который держалъ нашъ хлѣбъ въ полѣ лишнихъ два мѣсяца.

Я согласенъ, что продовольственный уставъ никуда не годится, что нельзя все основывать на принципѣ благотворительности, когда надо заботиться о взаимномъ стра-

хованіи или о постановкѣ дѣла на почвѣ сберегательной системы; согласенъ, что дѣло стоитъ плохо, когда старшина можетъ наградить ссудой друзей и наказывать враговъ, но сказать, что крестьянинъ пересталъ работать, будучи спасенъ отъ смерти, но не отъ цынги и тифа, значитъ,—да проститъ меня г. Шатиловъ,—смотрѣть на крестьянина сквозь призму личныхъ взглядовъ, а не глазами безпристрастнаго наблюдателя!

Хозяйство наше—батрачно-сдаточное; вотъ намъ и нуженъ контингентъ батраковъ-безземельниковъ и богачей, работающихъ сдѣльно. Поэтому, конечно, намъ выгодно повторять: долой общину! Да здравствуетъ равноправность съ нами крестьянина; онъ станетъ при этомъ «кредитоспособенъ» въ размѣрѣ своего убогаго имущества,—пока оно не будетъ распродано до послѣдней нитки на покрытіе его долговъ! Впрочемъ, г. Шатиловъ выражаетъ пожеланіе, чтобы крестьянинъ сталъ такимъ же просвѣщеннымъ, какъ и мы. Съ этимъ я согласенъ: можно будетъ обойтись безъ общины, когда онъ получитъ наше просвѣщеніе, хотя отъ этого далеко не только у насъ, но и въ самомъ просвѣщенномъ уголкѣ Европы и Америки. Но что останавливаться на химерахъ?

Пора мнѣ сказать два слова г. Бодиско. Онъ печатно обѣщалъ быть въ Петербургѣ 1-го октября, чтобы намъ сговориться насчетъ нашей дуэли. 7-го числа я получилъ изъ адреснаго стола отвѣтъ, что г. Бодиско выбылъ изъ Петербурга 19-го іюня и не возвращался. Мнѣ тоже надо уѣхать, а потому я не всегда къ его услугамъ. Не дастъ ли онъ такого срока, котораго онъ самъ бы намѣренъ былъ держаться?

Нашъ споръ съ нимъ вызвалъ работу компетентныхъ лицъ, которыя этотъ вопросъ, какъ и слѣдуетъ, ставятъ на научную почву и по возможности рѣшатъ его, исполь-

зовавъ всѣ статистическія данныя, офиціальныя, земскія и другія. Можетъ быть тѣмъ же займется и г. Бодиско? Не лучшій ли это способъ добиться истины?

Дѣло съ г. Бодиско.

Вызванный мною сообща рѣшить дѣло о зимнихъ и лѣтнихъ заработкахъ, г. Бодиско въ № 217 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1899 г. напечаталъ отвѣтъ, въ которомъ съ оговорками принялъ мой вызовъ. «До перваго октября, пишетъ онъ, я — въ разъѣздахъ по службѣ, съ перваго же всецѣло къ услугамъ г. Новикова».

Устроивъ свои дѣла такъ, чтобы 1-го октября начать дѣло съ г. Бодиско, я его двѣ недѣли ждалъ; 7-го и 15-го я получилъ справки адреснаго стола, что онъ, жившій на Могилевской улицѣ, д. 1—5, выѣхалъ изъ Петербурга 17-го іюня и не возвращался. Больше ждать не могу, такъ какъ тоже по службѣ ѣду на Кавказъ.

Отъ рѣшенія нашего спора я не отказываюсь. Несмотря на это, къ сожалѣнію, приходится дѣло отложить. Теперь же у насъ съ нимъ есть обязанности по отношенію къ публикѣ, которую мы занимали своимъ споромъ.

Я предлагалъ г. Бодиско объѣздить вмѣстѣ два типическихъ уѣзда Тульской и Тамбовской губерній, по выбору авторитетнаго лица. Отъ объѣзда онъ отказался и предложилъ собрать свѣдѣнія въ земскихъ управахъ нашихъ уѣздовъ — Козловскаго и Чернскаго. Чернскій уѣздъ слишкомъ знаменитъ своимъ отношеніемъ хотя бы къ Красному Кресту во время голода, чтобы мнѣ обращаться въ эту управу. Поэтому обсужденіе подробностей дѣла я согласился отложить до 1-го октября, причемъ согласился на мысль о третейскомъ судѣ. Послѣ мнѣ приходилось

говорить объ этомъ съ экономистами. Сочувствуя моимъ положеніямъ, они мысль о судѣ признали неудачной. Третейскимъ судомъ можно разрѣшать вопросы чести, но не вопросы науки. Вопросъ же о заработкахъ есть вопросъ научный. Что было бы, говорятъ мнѣ, если бы вопросъ о движеніи земли былъ переданъ при Галилеѣ на обсужденіе третейскаго суда? Безапелляціонно было бы рѣшено, что солнце вертится вокругъ неподвижной земли. Врядъ ли это было бы торжествомъ истины!

Поэтому научный вопросъ долженъ быть рѣшенъ людьми науки. Офиціальныя, земскія, частныя данныя о заработной платѣ разбросаны во всевозможныхъ сборникахъ, книгахъ и журналахъ. Теперь работа собиранія этихъ данныхъ предпринята спеціалистомъ по програмѣ, вырабатываемой ученой комиссіей. Когда она будетъ готова,—а это будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ,—я этотъ трудъ со всѣми ссылками на источники издамъ. Лица, которыя ведутъ это дѣло, будутъ служить гарантіей безпристрастности работы. Тогда этотъ вопросъ станетъ на ту научную почву, съ которой ему не надо было и сходить. Тогда будетъ мѣсто и третейскому суду, который и рѣшитъ, кто изъ насъ грѣшилъ противъ правды и кому, согласно условію, сложить писательское оружіе. Нашъ споръ, такимъ образомъ разрѣшенный, принесетъ пользу гораздо большую, чѣмъ третейскій судъ, не имѣющій научнаго авторитета.

Все это мнѣ приходится говорить гласно, такъ какъ, согласившись вмѣстѣ разсмотрѣть подробности дѣла съ 1-го октября, г. Бодиско въ срокъ не прибылъ и меня не извѣстилъ ни печатно, ни письменно. Но ничто не помѣшаетъ мнѣ добиться правды.

Неожиданный конецъ дѣла съ г. Бодиско.

Я какъ-то написалъ, что крестьяне, вынужденные брать деньги подъ лѣтнія работы за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, теряютъ при этомъ половину того, что получили бы лѣтомъ. Г. Бодиско назвалъ это клеветой и доказывалъ, что лѣтомъ они получатъ столько же, сколько зимой впередъ.

Такъ какъ я былъ убѣжденъ въ своей правотѣ, то въ «Спб. Вѣдом.», отъ 28-го іюля 1899 г., предложилъ г. Бодиско литературную дуэль на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Мы съ нимъ объѣзжаемъ два типическихъ (по указанію авторитетнаго лица) черноземныхъ уѣзда, одинъ въ его—Тульской, другой въ моей—Тамбовской губерніяхъ.

2) Свѣдѣнія о зимнихъ и лѣтнихъ цѣнахъ мы собираемъ въ частныхъ хозяйствахъ, волостныхъ правленіяхъ и земскихъ управахъ.

3) Оказавшійся неправымъ обязуется впредь о деревнѣ не писать, какъ человѣкъ, искажающій истину.

Въ тѣхъ же «Спб. Вѣдом.» отъ 11-го августа 1899 года г. Бодиско мой вызовъ принялъ, сдѣлавъ слѣдующія измѣненія въ моихъ условіяхъ:

1) Объѣзжать уѣзды совмѣстно онъ не имѣетъ времени и считаетъ ненужнымъ.

2) Обращаться къ авторитетному лицу для выбора типическихъ уѣздовъ онъ считаетъ лишнимъ, а предлагаетъ ограничиться справками изъ Козловскаго (моего) и Чернскаго (его) уѣздовъ.

3) Съ этими свѣдѣніями, а также со статистическими данными министерства земледѣлія въ рукахъ мы кончаемъ дѣло въ третейскомъ судѣ.

Очевидно, въ основаніяхъ дуэли г. Бодиско былъ со мной согласенъ, что видно еще изъ его предложенія быть къ моимъ услугамъ въ Петербургѣ 1-го октября.

Такъ понялъ дѣло и я и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 21-го августа принялъ его главное предложеніе—третейскій судъ, съ оговоркой, что въ мелочахъ сговоримся послѣ, чтобы не занимать ими публики.

1-го октября г. Бодиско въ Петербургъ не явился, согласно обѣщанію, не явился и 15-го октября. Я печатно, при случаѣ, его предупредилъ раза два, что жду его. Наконецъ, въ № 81 «Гражданина» 1899 г. появился неожиданный отзывъ его, обращенный ко мнѣ. Оставлю въ сторонѣ все то, что не касается непосредственно дѣла.

Прежде всего г. Бодиско извиняется, что въ назначенный срокъ не прибылъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ вины въ этомъ не видитъ. Извинюсь и я предъ нимъ, что искалъ его черезъ посредство адреснаго стола, хотя, сколько ни думалъ, ничего въ этомъ дурного не нашелъ.

Неожиданность его отповѣди мнѣ заключается въ томъ, что онъ отъ спора со мной отказывается (!) по тремъ причинамъ: 1) ему не нравится моя публицистическая дѣятельность; 2) онъ удовлетворяется тѣмъ, что на его сторонѣ гг. Ромеръ, Шатиловъ и Долининъ-Иванскій (послѣдній печатно не высказывался), и 3) онъ недоволенъ моимъ недовѣріемъ къ Чернскому уѣзду.

Первая причина несостоятельна, потому что мало ли что не понравится г. Бодиско? Мнѣ, напримѣръ, не нравится, что онъ придирается къ опечаткамъ: не отказываться же мнѣ изъ-за этого отъ даннаго слова. Мнѣніе гг. Ромера и Шатилова для меня очень драгоцѣнно, но, помимо моихъ возраженій, имъ пришлось слышать отвѣтъ, и отвѣтъ вѣскій, въ «Новостяхъ». Да къ тому же третейскій судъ избирается обѣими сторонами, а не одной.

Что касается Чернскаго уѣзда, то не могу же я довѣрять уѣзду, знаменитому своимъ отношеніемъ къ школамъ, къ Красному Кресту, да и всею внутреннею жизнью. Не могу же и я смотрѣть на Россію глазами Чернскаго уѣзда. Да именно потому-то г. Бодиско вѣчно и неправъ, что онъ принадлежитъ къ партіи, забравшей верхъ въ Черни. Вѣдь можно же, говоря о Россіи, выбирать мѣстности обыкновенныя, какихъ такъ много на Руси, не касаясь мѣстностей, прославившихся, какъ Чернскій уѣздъ?

Послѣдній доводъ г. Бодиско очень слабъ. Побѣдить онъ можетъ только черпая данныя изъ одного Чернскаго уѣзда. Выйти изъ него онъ не можетъ изъ опасенія за то дѣло, которому онъ служитъ, и предпочитаетъ отказаться отъ даннаго слова.

Мнѣ, несмотря на формальную правоту, очень досадно это дѣло, во-первыхъ, потому, что не такъ осязательно будетъ доказана моя правота по существу, во-вторыхъ, потому, что мнѣ совѣстно, что занималъ читателей дѣломъ, которое кончилось, не удовлетворивъ ихъ. Надо было, прежде чѣмъ начинать споръ, быть убѣжденнымъ, что дѣло не оборвется, не дошедши до конца, не только по моей винѣ, но и по винѣ моего опонента.

Надѣюсь, что трудъ, надъ которымъ теперь работаютъ спеціалисты и который будетъ мною изданъ, достаточно освѣтитъ дѣло научно, чтобы, несмотря на отказъ г. Бодиско, нашъ споръ принесъ должные плоды. Впрочемъ, и г. Бодиско грозитъ что-то издать, но опять не выходя изъ предѣловъ Чернскаго уѣзда. Врядъ ли это будетъ убѣдительно.

Г. Бодиско сѣтуетъ на то, что его статьи не попадаютъ въ «Новое Время», и взываетъ къ моей порядочности, чтобы я посодѣйствовалъ ему къ перепечатанію его отповѣди на страницахъ этой газеты. Смѣю его увѣрить,

что очень бы этому былъ радъ, потому что, несомнѣнно, еще ярче выступила бы его неправота. Но, къ сожалѣнію, я въ редакціи «Новаго Времени» являюсь только гостемъ. Не могу же я отвѣчать за то, что по моему ходатайству откроются для всѣхъ тѣхъ, кого я хочу, двери гостиныхъ, въ которыхъ я бываю.

О Чернскомъ уѣздѣ.

А. С. Суворинъ въ № 8505 «Нов. Вр.» приводитъ письмо «Самозваннаго депутата Чернскаго уѣзда г. Николая Чистопѣлова», въ которомъ онъ негодуетъ на мое отношеніе къ Чернскому уѣзду. Что я сказалъ про Чернскій уѣздъ? Что я не довѣряю тѣмъ даннымъ, которыя г. Бодиско можетъ собрать въ чернской земской управѣ, потому что Чернскій уѣздъ знаменитъ своимъ отношеніемъ къ школамъ, къ Красному Кресту и вообще всей внутренней своей жизнью. Это показалось г. Чистопѣлову обиднымъ. Онъ заступился за свой уѣздъ. Да будетъ позволено мнѣ возразить тѣмъ же путемъ, какимъ воспользовался онъ.

Прежде всего я долженъ признаться, что не совсѣмъ ясно выразился, говоря про внутреннюю жизнь Чернскаго уѣзда. Подъ внутренней жизнью я не подразумѣвалъ занятія чернскихъ обывателей отъ плутарховскаго старика, жалѣющаго трешницу, чтобы вылечить слѣпнущій глазъ, до винтящаго чиновника включительно.

Чернскій обыватель, какъ и козловскій, заслуживаетъ самаго горячаго сочувствія, самой дѣятельной поддержки. Въ немъ таятся всѣ идеалы братства и Христовой любви, о которыхъ намъ говорилъ въ Москвѣ Достоевскій. Онъ стремится быть лучше, выводя ругательства въ школѣ и

на судѣ, онъ, я увѣренъ, сдѣлалъ бы великія дѣла, если бы ему было позволено ихъ сдѣлать.

Но, скажутъ мнѣ, сѣрый обыватель не выходитъ изъ кабака, а бѣлый—изъ комнаты, въ которой винтятъ. Насчетъ винта я сдѣлалъ недавно опытъ: собиралось насъ по вторникамъ человѣкъ десять у одного пріятеля. Я сталъ ихъ усовѣщевать и уговорилъ винтъ замѣнить разговоромъ. Заговорили о марксизмѣ—оказалось, что никто съ Марксомъ мало-мальски основательно не знакомъ. То же оказалось и въ вопросѣ о золотой валютѣ. Одинъ предметъ разговора привился: это былъ вопросъ о Дрейфусѣ. Шестеро оказались дрейфусарами, четверо деруледистами. Переговорили и умолкли. Другихъ темъ не нашлось, и я предложилъ вернуться къ винту. Вѣдь мы всѣ кончили высшія учебныя заведенія. Кто же виноватъ, что наша школа не учитъ, а тѣмъ болѣе не развиваетъ охоты учиться? Кто виноватъ, что не объ чемъ говорить? Вотъ почему всѣ партіи на Руси сходятся на винтѣ.

Mutatis mutandis, по той же причинѣ всякаго мужика тянетъ въ кабакъ. Кто виноватъ? А между тѣмъ и въ мужикѣ, и въ насъ есть глубоко спящіе идеалы, стремленія, будущность.

Вотъ внутренняя жизнь и чернскаго, и всякаго другого обывателя. Не о ней я говорилъ. Я разумѣлъ подъ внутренней жизнью—дѣятельность правящей партіи. Разберемся въ ней.

Г. Чистопѣловъ уподобляетъ борьбу партій въ Черни борьбѣ партій въ Англіи. Были во главѣ либералы, теперь консерваторы. Вотъ съ этими названіями я согласиться не могу. Гдѣ есть партія, тамъ есть лидеръ, тамъ по каждому вопросу сговариваются. У насъ же и въ дворянскихъ, и въ земскихъ собраніяхъ полная самостоятельность въ голосованіи. Какая же тутъ партія?

Посмотримъ отношенія партій къ школьному вопросу. Передали земскія школы въ церковное вѣдомство. Отъ того ли, что сочувствуютъ церковному воспитанію? Ни мало! Эти самые консерваторы припечатывали бороды сельскимъ священникамъ 50 лѣтъ назадъ. Эти самые консерваторы презираютъ духовенство! Я понялъ бы, что люди желали бы использовать для нуждъ школьнаго дѣла стотысячную духовную армію. На это можно бы имъ возражать, что они сами того не желаютъ, что они не подготовлены, что они слишкомъ безотвѣтственны и т. д. Былъ бы споръ консерватора или клерикала съ либераломъ или libre-penseur'омъ. Но обсуждался бы вопросъ, какъ лучше поставить дѣло народнаго образованія. Когда же у насъ говорятъ тѣ, которыхъ г. Чистопѣловъ называетъ консерваторами, то неужели же они заботятся о лучшей постановкѣ образованія? Неужели этому можно вѣрить? Вѣдь тогда они увеличивали бы асигновки на церковныя школы. Между тѣмъ какъ поступилъ собратъ Чернскаго уѣзда—Елатомскій? Передавъ земскія школы въ духовное вѣдомство, онъ черезъ годъ или два и имъ пересталъ давать субсидію. Нѣтъ, не о школахъ пекутся они, а объ уничтоженіи школъ подъ маской сочувствія церковности. Потому-то я и не считаю возможнымъ называть чернскую правящую партію ни консервативною, ни вообще политическою.

Посмотримъ отношеніе чернскихъ консерваторовъ къ Красному Кресту. Человѣкъ или голоденъ или не голоденъ, или распухъ или не распухъ. Между тѣмъ уполномоченный Краснаго Креста удостовѣряетъ голодъ, а чернскій Красный Крестъ отрицаетъ голодъ. Какъ можетъ это быть? Одинъ смотритъ на вещи, какъ онѣ есть, безъ очковъ. Другой надѣваетъ очки. Какія же тутъ были очки? По поводу дарового кормленія мы все слышимъ (и чи-

таемъ, между прочимъ, у одного некраснорѣчиваго черноскаго писателя — не г. Бодиско), что, молъ, мужикъ работать не будетъ! Я неоднократно доказывалъ, что не можетъ развратить семью средняя ссуда въ 15—20 пудовъ въ голодный годъ. Но гг. черницы и tutti quanti этого опасаются, т. е. не для мужика, а для своего собственнаго благосостоянія. Вотъ вамъ аграрные очки: голодный мужикъ кажется сытымъ, пухнущій — непухнущимъ. Такъ охотно вѣрится въ пріятное!

Бывали ли вы, г. Чистопѣловъ, на большихъ сельскихъ сходахъ. Поближе къ земскому начальнику или старшинѣ кучи людей, занимающихся дѣломъ, а подальше, наоборотъ, люди, которые на всякое предложеніе кричатъ одно «не надо», а по черноземному «ня надоть». Вотъ этотъ народъ—какъ вы назовете? Вѣдь это, если хотите, партія. Они противъ всякаго увеличенія смѣты. А такъ какъ почти все денегъ стоитъ, то они и кричатъ на все «ня надоть».

Вотъ это «ня надоть» и слышится въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ. Конечно, есть люди, которые не разсчитывая асигнуютъ такъ же легко и десять, и десять тысячъ рублей — это, конечно, нехорошо; но есть и партія «ня надоть», которая противъ всякихъ асигновокъ, лишь бы это не увеличивало «ихъ обложенія». Это «черная сотня» — не крестьяне, систематически вотирующіе противъ агрономіи и за школы—нѣтъ, это тѣ, которыхъ вы называете консерваторами. Школъ «ня надоть»; больницъ—«ня надоть»; обязательныхъ постановленій противъ сапа—«тоже ня надоть»: это тоже стѣснительно.

Также противники этой партіи вовсе не либералы. Есть между ними и либералы, и славянофилы, и даже настоящіе консерваторы, признающіе, что все-таки кое-что да надо.

Для партій «ня надоть» — не надо и статистики, не надо часто и правды. Вотъ почему довѣрять ей я не могу, какъ не признаю въ ней Чернскаго уѣзда, какъ и всѣ, стремящагося къ правдѣ, а вижу въ ней накипь, глазами которой смотрѣть не могу.

Сытыя цѣны.

Моя полемика съ г. Бодиско о цѣнахъ на деревенскіе заработки оказалась повидимому своевременной. Нынѣшній годъ въ центральной Россіи происходитъ явленіе, которое можетъ показаться страннымъ: цѣны на рабочія руки поднялись. Страннымъ это является потому, что съ тѣхъ поръ, какъ таковыя цѣны, съ упраздненіемъ дарового труда, установились, онѣ какъ бы замерзли, незначительно варіируя въ зависимости отъ погоды, величины урожая и трудности уборки. Годовой трудъ рабочаго въ шестидесятыхъ годахъ цѣнился въ 40—60 рублей и въ этой цѣнѣ остался до конца столѣтія. Всѣ остальныя цѣны росли непомѣрно. Бывшій богатый человѣкъ, если не увеличилъ своихъ доходовъ, теперь является только человѣкомъ средняго достатка, а человѣкъ, тридцать лѣтъ назадъ довольствовавшійся тѣмъ, что имѣлъ, теперь не сводитъ концовъ съ концами. Сообразно съ этимъ возросли и потребности. Кто теперь возьметъ квартиру безъ водопровода? А въ семидесятыхъ годахъ это была роскошь, доступная лишь богатымъ людямъ. Стоитъ взглянуть на наши магазины: какъ они увеличиваются количественно и улучшаются качественно (за исключеніемъ, впрочемъ, книжныхъ магазиновъ, до сихъ поръ повидимому еще не особенно нужныхъ).

То же можно сказать и о большинствѣ ремесленни-

ковъ и городской прислуги. Жалованье мастерового, горничной увеличилось, а потребности ихъ возросли. Только земледѣльческая масса осталась при прежнемъ бюджетѣ, а потребности ея даже понизились. Пища хуже стала, не слыхать про прежнюю брагу, про дорогіе головные уборы женщинъ.

Дойную-то корову нашу мы и позабыли покормить!

Вдругъ осенью прошлаго года цѣны возросли, и этотъ подъемъ держится до сихъ поръ. Изъ разныхъ мѣстъ слышится одно и то же въ разныхъ органахъ нашей печати. Если это явленіе случайное, то о немъ и говорить не стоитъ, но, повидимому, врядъ ли это такъ.

Въ озлобленной и притомъ не дорожащей правдой части нашей печати недавно было произнесено слово «стачка». Думаю, что не стоитъ на этомъ останавливаться. Предполагать стачку нѣсколькихъ милліоновъ безграмотныхъ, нищихъ мужиковъ по меньшей мѣрѣ странно. Говорилось въ одной удивительной статьѣ кое-что о мѣрахъ противъ стачки. Впрочемъ не сказано, о какихъ мѣрахъ мечтаетъ авторъ. Да и выговорить неудобно, въ чемъ могутъ заключаться эти мѣры.

Фактическая сторона дѣла такова. Въ прошломъ году лѣто и осень были необыкновенно дождливы. Громадный урожай пропадалъ въ полѣ. Помѣщики съ ума сходили. Прояснится дня на два, торопятся хоть съ просырью возить—никто не выѣзжаетъ. Таково начало «стачки». Очень естественно, что крестьянинъ, имѣя свои копны въ полѣ, не поѣдетъ возить нашихъ. Съ 20-го іюля по 25-е сентября было 37 дождливыхъ дней, дней невольнаго ничего-недѣланія для крестьянъ, притомъ въ самое нужное время. Въ это же время кромѣ возки у нихъ были и другія работы: сѣвъ, молотьба, уборка картофеля и конопли, надо было и хлѣба продать отвезти, и на мельницу съѣздить.

Все это дѣлалось урывками, съ опозданіями, съ потерею. Естественно, что имъ было не до заработковъ. Помѣщичій хлѣбъ убрался еще позднѣе, а молотили всю зиму. Цѣны, сильно поднявшіяся осенью, были высоки и зимой. И зимой были заработки, а хлѣба было много, какъ какъ у крестьянъ, въ виду большаго удобства храненія, его пропало меньше, чѣмъ у насъ.

Мужики вздохнули, и теперь цѣны на трудъ высокія.

Думаю, что если только это причина вздорожанія труда, то первый неурожайный годъ—и все пойдетъ по старому. Но есть, я думаю, и другія причины, которыя, Богъ дастъ, поддержатъ цѣны на трудъ.

Россія быстро покрывается желѣзнодорожною сѣтью, число фабрикъ и заводовъ растетъ. Естественно, что при этихъ условіяхъ крестьяне начинаютъ не довольствоваться кормленіемъ впроголодь, которое доставляетъ имъ земледѣльческій трудъ. И прежде было стремленіе въ городъ, но прежде оно сдерживалось недостаткомъ требованія рукъ въ городахъ и трудностью передвиженія. Въ городъ попадали только жители окрестныхъ деревень. Теперь все сблизилось, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и удешевленнымъ тарифамъ. Руки нужны. Крестьяне не такъ зависятъ отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Конечно, я скорѣе рисую картину будущаго, чѣмъ настоящаго, но признаки этого все больше и больше замѣчаются. У насъ прежде ходили на сторону на подсѣвъ мѣсяца на два. Теперь чаще слышно: «Идемъ на заводъ». «Куда?» «Въ Таганрогъ, въ Екатеринославъ».

Есть еще основаніе надѣяться. Льготы всяческія предположены при выколачиваніи недоимокъ; да и самаго выколачиванія, повидимому, рѣшили не допускать. Вѣдь у насъ дѣлалось такъ. Надо собирать подати осенью, стар-

шина начинаетъ побуждать мужиковъ. Тѣ къ нему: «Господинъ старшина, повремените маленечко, вотъ Иванъ Ивановичъ будетъ скоро подъ работу раздавать на будущій годъ; всѣ деньги въ подати пойдутъ». Старшина справляется у Ивана Ивановича, когда онъ будетъ раздавать деньги подъ работу, и сговаривается, чтобы онъ безъ старосты денегъ мужикамъ на руки не давалъ. Надо надѣяться, что податные инспектора будутъ избѣгать такой системы мытарствованія.

Положимъ, мои предположенія оправдаются, положимъ, цѣны поднимутся. Можно ли этому радоваться, или надо бить тревогу?

Когда человѣкъ талантливый, наблюдательный, а главное правдивый, разбираетъ вопросъ, то какъ бы ни былъ я увѣренъ въ правотѣ своихъ положеній, невольно смущаешься, встрѣчая у него выводы, обратные моимъ. Въ такомъ положеніи я очутился, когда въ моемъ спорѣ съ г. Бодиско Ѳ. Э. Ромеръ сталъ на его сторону. Въ немъ я, конечно, ни на минуту не предположилъ желанія замазать истину ради какихъ-либо постороннихъ соображеній. Я доказывалъ, что низкія цѣны на рабочія руки вызваны крайнимъ обѣднѣніемъ народа—онъ призналъ ихъ нормальными. Естественно было мнѣ смутиться. Какова же была моя радость, когда недавно Ѳ. Э. возвратился къ этому вопросу и призналъ прежнія цѣны слишкомъ низкими, назвавъ ихъ голодными цѣнами.

Возможно ли хоть на минуту признать за благо такой порядокъ вещей, гдѣ возможность для насъ хозяйничанья основана на недоѣданіи большей части русскаго народа? Тѣ, которые изъ узкаго эгоизма желали бы воспользоваться безвыходностью его положенія, не смѣютъ въ этомъ признаться открыто, а предпочитаютъ отрицать самый фактъ. Ѳ. Э. Ромеръ фактъ призналъ, но недостаточно,

по-моему, остановился на послѣдствіяхъ возможности поднятія цѣнъ на земледѣльческій трудъ. Онъ предлагаетъ усиленіе техническаго образованія и покровительство будущимъ нашимъ мелкихъ фабрикамъ и заводамъ. Я думаю, что такое разведеніе мелкихъ фабрикъ будетъ очень непрочно какъ потому, что нельзя вѣчно покровительствовать какому-нибудь производству, такъ и потому, что всякое искусственное насажденіе тѣмъ самымъ является непрочнымъ.

Возможно ли будетъ хозяйничанье при болѣе высокихъ цѣнахъ на рабочія руки?

Большинство нашихъ хозяйствъ находится въ рукахъ людей не энергичныхъ и не имѣющихъ оборотнаго капитала. Для такихъ всякое хозяйственное потрясеніе будетъ гибельно. Меньшинство же, обладая знаніемъ и капиталомъ, приспособится и къ новому положенію. Съ одной стороны будетъ переходъ земли изъ рукъ дворянства въ руки крестьянъ, т. е. замѣна grande culture болѣе выгодною petite culture. Съ другой — тѣ большія хозяйства, которыя уцѣлѣютъ, должны будутъ перейти къ болѣе интенсивнымъ формамъ. Думаю, что и то, и другое полезно.

Врядъ ли придется въ смыслѣ государственномъ сожалѣть объ обезземеленьи болѣе слабыхъ помѣщиковъ. Я подробно въ цѣлой книгѣ говорилъ о вліяніи на народъ этихъ помѣщиковъ. Поразительная духовная и матеріальная нищета народа достаточно показываетъ, насколько это вліяніе было мало полезно. Сѣверо-восточныя губерніи, чисто крестьянскія и притомъ земскія, являютъ примѣръ того, что дворянское воздѣйствіе скорѣе задерживаетъ культурное развитіе деревни, нежели способствуетъ ему. О чемъ же тогда и горевать?

Вѣдь и мы можемъ и должны обосновать свое благо-

получіе на знаніи, на трудѣ, а не на анеміи русскаго крестьянства.

Какія же мѣры принимать? Неужели искусственное насажденіе для насъ фабрикъ, когда мы не удержали земли? Врядъ ли.

Блаженъ кто имѣетъ еще время спохватиться и въ школѣ искать спасенія если не для себя, то для своихъ дѣтей.

СТАТЬИ О ДВОРЯНСТВѢ.

Неужели это правда?

Со временъ хищенія башкирскихъ земель не слышно было ничего подобнаго тому, что теперь (въ іюлѣ 1899 г.) пишется про липецкія дѣла. Столичныя и провинціальныя газеты въ мрачныхъ краскахъ описываютъ, какимъ образомъ крестьяне липецкіе упустили милліоны, свалившіеся имъ съ неба въ видѣ оказавшейся у нихъ руды. Весь Петербургъ говоритъ объ этомъ. Но важны не оплакиваніе несчастья и кабинетныя осужденія виновныхъ, а хладнокровное разсмотрѣніе дѣла съ цѣлью выясненія возможности помочь крестьянамъ.

Лично не бывъ въ Липецкомъ уѣздѣ и не видавъ документовъ, могу говорить только на основаніи газетныхъ извѣстій, никѣмъ не опровергнутыхъ и слишкомъ многочисленныхъ, чтобы заключать исключительно ложь. Газетныя извѣстія подтверждаются отзывами людей, безспорно правдивыхъ и горячо принимающихъ къ сердцу крестьянское горе.

Года два назадъ никто не зналъ, что въ Липецкомъ уѣздѣ богатая руда. Первый берется за изслѣдованія мѣстный предводитель дворянства г. Кожинъ, и теперь ока-

зывается, что онъ спялъ право добычи руды у города Липецка и у многихъ крестьянскихъ обществъ и перепродалъ это право бельгійскому обществу, взявъ себѣ два милліона.

По свидѣтельству людей достовѣрныхъ, за руду крестьянамъ предлагаютъ другія общества. двѣ копѣйки за пудъ и больше. Бельгійцы платятъ 1/4 коп. По разсчету количества руды, которая будетъ разрабатываться,— разсчету, основанному на емкости печей, недобранная крестьянами разница въ 1 3/4 копѣйки составитъ въ 30 лѣтъ, срокъ аренды нѣдръ ихъ, приблизительно 36 милліоновъ.

Приговоры крестьянскіе добывались г. Кожинымъ, по словамъ нѣкоторыхъ, угощеніями водкой, подкупомъ міроѣдовъ, угрозами, неправильными приговорами съ записью отсутствующихъ, даже арестами. Дѣлалось все это потому, будто бы, что весь уѣздъ въ рукахъ г. Кожина, какъ предводителя дворянства и капиталиста. Названы имена потерпѣвшихъ селъ. Факты подкупа и насилій, конечно, опровергаются г. Кожинымъ въ его разговорѣ съ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Съ другой стороны и городская дума негодуетъ на г. Кожина. Приводились его слова, гдѣ онъ давалъ «честное и благородное слово», что городу контрактъ выгоденъ, причемъ ссылался на контроль губернской администраціи. Между тѣмъ контрактъ оказался будто невыгоденъ, такъ какъ городу предлагаютъ въ восемь разъ больше.

Всѣ эти статьи, опроверженія, факты и слухи плодятъ безконечные толки, въ которыхъ надо разобраться.

Прежде всего, теряютъ ли крестьяне по милліону въ годъ? Была ли имъ возможность продать свои нѣдра въ восемь разъ дороже, чѣмъ купилъ ихъ г. Кожинъ? Это рѣшить могутъ только компетентные люди. Если крестьяне

и не могли получить болѣе 1/4 копѣйки, то и разговора нѣтъ — г. Кожинъ является благодѣтелемъ, призвавшимъ уѣздъ къ новой жизни; если цѣна въ двѣ копѣйки не плодъ досужей фантазіи (не забудемъ, что это говоритъ листокъ полуофиціальный, издаваемый дирекціей Липецкихъ минеральныхъ водъ), то кожинскіе два милліона являются 30-ю сребренниками, за которые продано подвѣдомственное ему липецкое крестьянство.

Другой вопросъ: въ правѣ ли г. Кожинъ былъ входить въ эти сдѣлки съ крестьянами, какъ опекунъ съ опекаемыми? Увы—да! Правда, я знаю примѣры увольненія начальствомъ старшинъ за то, что тѣ занимались съемкой земли у крестьянъ, но вѣдь то старшины и не на милліоны же земли они снимали! Закона же, возбраняющаго предводителю подобныя сдѣлки, хотя бы и въ 40 милліоновъ, нѣтъ. Это, говорятъ намъ, лишь дѣло этики и болѣе какъ нравственнаго порицанія отъ предстоящаго въ февралѣ мѣсяцѣ въ Тамбовѣ дворянскаго собранія г. Кожину бояться нечего.

Другое дѣло, если бы былъ установленъ фактъ спаиванія сходовъ, подкупа вліятельныхъ лицъ, неправильностей приговоровъ, а тѣмъ болѣе насилій. Только тутъ можно найти конецъ нити, по которой можно дойти до уничтоженія самихъ приговоровъ. Но неужели это возможно? Неужели допустимо, что цѣлый уѣздъ въ рукахъ одного человѣка? Къ сожалѣнію, возможно. Мой опытъ, знакомство съ внутренними, неофиціальными сторонами деревенской жизни — все побуждаетъ меня громко заявить, что нѣтъ того насилія, которое не можетъ быть учинено на рубежѣ двадцатаго столѣтія надъ русскимъ крестьяниномъ. Мало того. Захоти мужики искать правды, они бы не могли этого сдѣлать. Иначе какъ приговорами жаловаться нельзя; но въ моей книгѣ «Записки земскаго начальника»

я доказывалъ, что безъ одобренія начальства никогда ни одинъ приговоръ не будетъ написанъ, какъ бы того ни желали мужики. Вѣдь говорятъ, что мужики сопротивляются. Страшно подумать, до чего это можетъ довести.

Ничего не значитъ возраженіе нѣкоторыхъ, что права на нѣдра земли не принадлежали бы крестьянамъ хотя бы въ Германіи. Пока въ Россіи законъ не отмѣненъ, нѣдра Липецкаго уѣзда, стоящія 40 милліоновъ, принадлежатъ липецкимъ крестьянамъ, и никакіе софизмы не должны мѣшать имъ ими воспользоваться.

Еще меньшее значеніе имѣетъ принятая г. Кожинымъ система обвинять противниковъ своихъ въ желаніи возбудить крестьянъ. Ему теперь нападать не подобаетъ, а надо защищаться.

Я знаю г. Кожина и желаю ему при его милліонахъ сохранить и доброе имя, но для этого онъ долженъ просить строгаго, открытаго разслѣдованія дѣла, не мѣстными властями, а отдѣльными, облеченными особою властью лицами. Только ихъ рѣшеніе въ пользу г. Кожина сниметъ съ него тяжесть этого обвиненія, позорящаго не только тамбовское, но и все русское дворянство, съ каждымъ годомъ теряющее свой былой авторитетъ.

Будемъ же, и дворяне и крестьяне, просить защиты и раскрытія правды.

Отвѣтъ и новые вопросы г. Кожину.

Очень радъ, что вы откликнулись въ «Новомъ Времени». Можетъ быть, это поможетъ скорѣйшему раскрытію истины, если вы не ограничитесь однимъ письмомъ. Начнемъ съ начала.

Пока велись ваши изысканія и ваши переговоры съ капиталистами, — я ничего не зналъ. Изъ газетъ узналъ

обвиненія, которыя на насъ возводятся; газетныя извѣстія подтверждались частными отзывами; я зналъ и докладывалъ и въ «Запискахъ земскаго начальника», и въ послѣдующихъ статьяхъ, что подобное дѣло возможно; зналъ... потому, что десять лѣтъ изучалъ мракъ, которымъ окутана наша деревня: мракъ невѣжества, мракъ суевѣрія, мракъ безгласности, мракъ безправія съ одной и произвола съ другой стороны, а главное — мракъ лжи. Я рѣшился содѣйствовать всячески уясненію положенія о борьбѣ съ этимъ мракомъ. Вдругъ, я слышу, что въ сосѣднемъ уѣздѣ дѣло крестьянское неладно. Вѣдь и вы не скажете, что ладно въ Липецкѣ, Романовѣ и другихъ селахъ? Что мнѣ было дѣлать? Ѣхать къ вамъ и уговаривать васъ бросить дѣло? Было поздно... Производить негласное разслѣдованіе въ вашемъ уѣздѣ?—тогда бы я могъ, дѣйствительно, показаться агитаторомъ. Я выбралъ единственный открытый для меня путь—путь печати. Этотъ путь я считалъ еще потому полезнымъ, что ваше дѣло—далеко не единственное въ томъ же родѣ.

Вы спрашиваете меня, кто тѣ правдивые и принимающіе къ сердцу крестьянское горе люди, которые мнѣ подтвердили газетныя статьи? Зачѣмъ вамъ знать ихъ? По разнымъ причинамъ они не могутъ и не должны выступать открыто. Да я же предъ вами? Ни одной строчки я никогда не печаталъ, не подписавшись. Вѣдь въ моихъ намѣреніяхъ вы сомнѣваться не можете: наши отношенія были всегда хорошія, и вы не забыли, что я былъ въ числѣ лицъ, вамъ сочувствовавшихъ въ борьбѣ, которую вамъ разъ пришлось вести. Впрочемъ, вы такъ, кажется, и смотрите на дѣло, какъ видно изъ вашего отвѣта? Надѣюсь получить и дальнѣйшія разъясненія. Не будете же вы поддерживать ту мысль, что вамъ нельзя защищаться, такъ какъ объясненія ваши могутъ быть истолкованы въ

смыслѣ старанія оправдывать правильность не только вашихъ дѣйствій, но и дѣйствій губернскихъ властей? Вѣдь вамъ извѣстно, что въ вашихъ сношеніяхъ съ крестьянами ни одинъ членъ губернскаго присутствія не принималъ активнаго участія на мѣстѣ: ни провѣркой приговоровъ, ни инымъ путемъ? Слѣдовательно, это дѣло—чисто уѣздное. Нападаютъ на васъ,—вамъ и защищаться.

Перехожу къ дѣлу.

Прежде всего не будемъ говорить о другихъ губерніяхъ, уѣздахъ и даже мѣстностяхъ того же уѣзда. Чего, напримѣръ, ссылаться на Задонскій уѣздъ Воронежской губерніи, когда тамъ дѣло задержалось губернскимъ присутствіемъ? или на Лебедянскій, гдѣ ваша же съемка встрѣтила препятствія въ уѣздѣ? или на землѣ близъ станціи Грязи, гдѣ г. Захаровскій натолкнулся на отказъ крестьянъ отъ заключенія договора на сдачу земли зятю земскаго начальника? Это все до вашего дѣла не касается, какъ не касаются его и цѣны воронежскія, тульскія, харьковскія, гдѣ цѣна можетъ быть отъ одной тысячной копѣйки до десяти копѣекъ, ничуть не вліяя на цѣны липецкія. Позволю себѣ предложить вамъ вопросы по пунктамъ:

1) За что вы получили два милліона рублей? Въ запискѣ г. тамбовскаго губернатора говорится, что изъ этихъ двухъ милліоновъ 200 тысячъ вы получили за право разработки крестьянскихъ нѣдръ, а 1.800,000—за вашу землю,—причемъ, къ сожалѣнію, несовсѣмъ ясно выражено, что именно вы продали за эту послѣднюю сумму: всю ли землю вашу въ 5,000 десятинъ или только право на ея нѣдра? Очень многіе въ Петербургѣ невѣрно поняли, что вы продали всю землю...

2) Если вы отвѣтите, что только нѣдра вами проданы, то возникаетъ вопросъ: откуда взялась расцѣнка въ

200,000 р. за крестьянскую руду и 1.800,000 р. за вашу? Дѣйствительно ли ваша руда въ 9 разъ цѣннѣе крестьянской для бельгійской компаніи? Спрашиваю я это потому, что страннымъ является, почему городская и крестьянская замли теперь разрабатываются, а ваша—нѣтъ, и почему доменныя печи построены у города и въ серединѣ снятыхъ и сданныхъ вами крестьянскихъ земель, а не у васъ въ имѣніи, отстоящемъ отъ города болѣе, чѣмъ въ 20-ти верстахъ и оцѣненномъ въ 9 разъ дороже земель крестьянскихъ и городскихъ, вмѣстѣ взятыхъ? Да наконецъ, если ваше имѣніе съ его нѣдрами, и тѣмъ паче одни его нѣдра, проданы вами,—какъ утверждаютъ,—за 1.800,000 р., то неужели сумма эта не удовлетворила васъ и вамъ понадобилось еще продать всего за 200,000—нѣдра 22,000 десят. земель крестьянскихъ и городскихъ, о которыхъ теперь только и идетъ рѣчь?

3) Когда эта расцѣнка сдѣлана? съ первыхъ же вашихъ переговоровъ съ бельгійцами или послѣ? Интересно бы прочитать вашу задаточную росписку, составленную въ сентябрѣ 1898 г. и окончательный договоръ, заключенный въ мартѣ 1899 г. (первая статья противъ васъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась въ февралѣ). Такимъ образомъ вы отвергли бы обвиненіе, что расцѣнка—искуственная и дѣйствительной стоимости руды не соотвѣтствуетъ...

4) Все ли имѣніе ваше заключаетъ руду или одинъ хуторъ Оршанскій, въ которомъ меньше тысячи десятинъ, и о которомъ шла рѣчь, когда Александро-Невскій заводъ, въ декабрѣ 1897 г., отказался отъ эксплуатаціи вашей руды въ виду невозможныхъ условій? Не согласитесь ли вы обнародовать этотъ документъ?

5) Не опечатка ли, что минимумъ руды, которую вы обязаны брать у крестьянъ—30,000 п. съ 300 десятинъ,

что имъ обезпечиваетъ *четвертакъ* въ годъ на десятину? Мнѣ сдается, да и всякому покажется, что это врядъ ли вознаградитъ крестьянъ за то, что они связаны договоромъ въ теченіе 30-ти лѣтъ...

6) Есть ли цѣна въ 1/4 коп.—настоящая, т. е., наивысшая, и если такъ, то почему вы согласились городу дать 1 коп., а крестьянамъ дали 1/4 коп.? Почему не было торговъ, когда торги земскими начальниками назначаются на снятіе каждой ставки? На этихъ торгахъ могли бы быть г. Бушъ, представитель таганрогскаго металлургическаго общества, г. Струве, представитель г. Захаровскаго, и другіе? Неужто они не дали бы хоть 1/2 коп., если они же 1/2 коп. предлагали селу Студенкамъ, по вашимъ же словамъ?

7) Не полагаете ли вы, что вы имѣли нравственное право купить эти нѣдра дешевле другихъ, какъ открывшій ихъ, хотя цѣлы слѣды на липецкихъ земляхъ добычи руды во времена Петра Великаго? Почему же за мысль объ открытіи,—ну хоть базара въ селѣ,—ничего не платятъ, и все-таки назначаются въ этихъ случаяхъ торги?

8) Въ концѣ вашей статьи вы говорите, что не можете согласиться со мной въ сравненіи отношеній предводителя дворянства къ крестьянскимъ обществамъ, какъ опекуна къ опекаемымъ, хотя въ началѣ той же статьи называете тѣ учрежденія, въ которыхъ мы служимъ, учрежденіями, на которыя возложено охраненіе крестьянскихъ правъ и интересовъ. Какъ же объяснить Царскія слова, которыя мы вмѣстѣ съ вами слушали въ дни Коронаціонныхъ торжествъ въ Петровскомъ дворцѣ и обращенныя къ старшинамъ:

«Заботы о благѣ вашемъ такъ же близки Моему сердцу, какъ онѣ были близки Дѣду Моему и Незабвенному

Дорогому Родителю. Помните слова, сказанныя Имъ здѣсь волостнымъ старшинамъ, при вѣнчаніи Его на царство. Между вами есть многіе, слышавшіе ихъ сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вамъ твердымъ руководствомъ»?

Не было ли это возложеніемъ на насъ тѣмъ болѣе отвѣтственныхъ обязанностей опекуновъ, что нарушеніе этихъ обязанностей не карается по уложенію?

9) Законны ли приговоры? Не записаны ли отсутствовавшіе на сходахъ (напр. въ Сырскомъ, гдѣ, по словамъ крестьянъ, росписалось гораздо меньше грамотныхъ, чѣмъ ихъ на селѣ есть)? Не давалась ли водка до сходовъ и на сходахъ? Охотно вѣрю, что эта водка, если давалась, могла даваться вашими агентами безъ вашего вѣдома. Охотно вѣрю, что и приговоры могли провѣряться земскими начальниками слегка, такъ какъ они дѣйствительно могли думать, что работаютъ для пользы крестьянъ. Можетъ быть они и не такъ точно провѣряли приговоры,— тѣмъ болѣе, что циркуляръ г. тамбовскаго губернатора отъ 3 апрѣля за № 3191 (въ запискѣ г. губернатора годъ, по опискѣ вѣроятно, пропущенъ) могъ уяснить имъ новый порядокъ провѣрки приговоровъ только на будущее время, такъ какъ, написанный въ 1899 г., онъ къ нашимъ съемкамъ относиться не могъ. По этому-то пункту я и совѣтовалъ вамъ обѣлиться, требуя надъ собой суда или ревизіи, потому что, только провѣривъ приговоры на сходахъ съ подлинными въ рукахъ, можно убѣдиться, что они правильно составлены. Это—единственный пунктъ обвиненія, такъ сказать, уголовный, и за достовѣрность коего ни я, ни кто другой ручаться не можемъ.

Я кончаю. Смѣю васъ увѣрить, что если вы на всѣ эти пункты отвѣтите съ документами въ рукахъ, то вы выйдете чисты, какъ кристалъ. Все остальное, — какъ

указываемыя суммы, потраченныя на изслѣдованія, какъ старшина лакей и тому подобныя мелочи,—отпадетъ само собой.

Всякія объясненія о новой жизни въ уѣздѣ и такъ далѣе поведутъ къ безполезнымъ спорамъ. Вы будете говорить объ обогащеніи уѣзда,—вамъ возразятъ, что монополія вредна, что львиная доля заработковъ попадетъ подрядчикамъ, что заработки не мѣшаютъ развитію пролетаріата. Надо доказать одно, что крестьяне получили максимумъ того, что могли получить. «Тамбовскія Вѣдомости» вывели, что, считая по 1/4 коп. съ пуда, крестьяне получатъ за десятину 3,000 р.; имъ на это скажутъ, что по 1/2 коп. они получили бы 6,000 р., а по 1 коп. 12,000 р. и т. д.

Пишу опять-таки единственно, чтобы принести, если могу, пользу липецкимъ крестьянамъ. Если же всѣ факты невѣрны, то смѣю васъ увѣрить, что я буду счастливъ, какъ,—видитъ Богъ,—я былъ бы счастливъ убѣдиться, что не такъ вообще плохо живется нашимъ крестьянамъ, какъ я вынесъ о томъ убѣжденіе изъ деревенской жизни. Чѣмъ я рискую, если я введенъ въ обманъ? Тѣмъ, что вы мнѣ это докажете, и окажется, что я, какъ Донъ-Кихотъ, боролся съ вѣтряными мельницами, что липецкіе крестьяне счастливы, что все прекрасно... Я публично предъ вами извинился бы, и вы меня, конечно, простили бы, такъ какъ оказалось бы, что и я, между прочимъ, способствовалъ вашему обѣленію послѣ столькихъ нападокъ,—обѣленію, котораго отъ души вамъ желаю.

Еще о липецкой рудѣ.

Изъ газетъ я узналъ про обвиненія, которыя были направлены противъ липецкаго предводителя дворянства г. Кожина. Получивъ подтвержденіе этихъ фактовъ отъ лицъ, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія, я обратился къ нему съ рядомъ вопросовъ, помѣщенныхъ въ «С.-Петерб. Вѣдом.» (см. стр. 89—95). Отвѣта я не получилъ. Между тѣмъ замѣчается, что большинство публики считаетъ, что все происшедшее въ Липецкомъ уѣздѣ—не только законно, но въ сущности направлено ко благу крестьянъ. Нѣкоторые признаютъ, что съ точки зрѣнія дворянской этики г. Кожинъ можетъ быть и неправъ, но что приговоры были составлены правильно. Между тѣмъ вотъ примѣръ правильности составленія и, главное, провѣрки приговоровъ.

Журнальнымъ постановленіемъ Тамбовскаго Губернскаго Присутствія отъ 12-го февраля 1898 г. были утверждены приговоры одиннадцати сельскихъ обществъ на право разработки на ихъ надѣльной землѣ желѣзной руды г. Кожинымъ. Вотъ этотъ списокъ съ показаніемъ числа десятинъ:

Ильинское I	1,070	дес.
Ильинское II	30	»
Введенское I	30	»
Введенское II	282	»
Ситовка I	819	»
Ситовка II	227	»
Воскресенское	981	»
Сырское	3,182	»
Сселки	3,366,5	»
Романово	4,379,1	»
Студеные Хутора	4,379,1	»
	18,746	дес.

Та же цифра 18,746 десятинъ снятыхъ у крестьянъ земель появляется и въ уставѣ Тамбовскаго анонимнаго горнаго металлургическаго общества, Высочайше утвержденнаго по положенію комитета министровъ 25-го іюня 1899 года.

Между тѣмъ бросается въ глаза то, что у селъ Романова и Студеныхъ Хуторовъ по одному и тому же числу десятинъ до одной десятой включительно. Кромѣ случайнаго совпаденія, происходить это могло отъ того, что эти два общества образовались изъ одного, раздѣлившагося на двѣ равныя части. Дѣйствительно, на 24-й страницѣ «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи», томъ 8-й, изд. Тамбовскаго губернскаго земства 1885 г., мы читаемъ, что «Романовская слобода имѣетъ общій надѣлъ съ Студеными Хуторами». Но на страницѣ 38-й объясненій, приложенныхъ къ тому же сборнику, количество удобной земли для обѣихъ слободъ, Романовской и Студено-Хуторской, вмѣстѣ въ 13-й графѣ значится 3,886,$_8$ и неудобной въ 19-й графѣ 178,$_9$ дес., а всего 4,065,$_7$. Разница между этой цифрой и цифрой журнала присутствія можетъ быть объяснена тѣмъ, что одна взята изъ однихъ плановъ офиціальныхъ, другая — изъ другихъ, хозяйственныхъ.

Во всякомъ случаѣ ясно, что оба общества владѣютъ землей сообща въ количествѣ слишкомъ четырехъ тысячъ десятинъ, что въ журналѣ присутствія, а слѣдовательно и въ крестьянскихъ приговорахъ, а также и въ нотаріальныхъ актахъ одна и та же земля показана два раза. Невѣрна и сумма десятинъ, сданныхъ г. Кожинымъ Бельгійскому обществу, причемъ недостающія 4,379,$_1$ дес. составляютъ 23% всего количества сданной земли.

Бельгійцы платятъ крестьянамъ попудно, а потому причины такого увеличенія числа десятинъ я не хорошо

вижу и готовъ согласиться, что это—ошибка. Но что же сказать про ошибку почти въ 5,000 десятинъ, прошедшую черезъ всѣ инстанціи? Мнѣ кажется, что едва ли можетъ быть дана вѣра безъ дознанія и остальнымъ сдѣлкамъ г. Кожина съ подвѣдомственными ему крестьянами.

Какіе вопросы выдвигаются липецкимъ дѣломъ.

Кромѣ «Гражданина», явился еще одинъ органъ, защищающій хищеніе липецкихъ нѣдръ. Это «Россія». Дѣйствительно, помѣщено было въ ней только двѣ статьи объ этихъ дѣлахъ: одна г. Корякина, прямо защищающая кулачество въ дѣлѣ сниманія правъ на крестьянскія нѣдра, другая—редакціонная, въ № 121(1899 г.). Въ этой послѣдней защита г. Кожина продолжается. Какъ же, какъ не защитой назвать слѣдующія слова: «Тогда какъ гг. Кожины, прикарманивая по 2 милліона рублей дѣтишкамъ на молочишко, отыскиваютъ своимъ опекаемымъ грабительскими попудными платами около 100 милліоновъ въ 30 лѣтъ, или $3^1/_3$ милліона ежегодно. На эти крохи можно и крыши перекрыть» и т. д., и т. д. Эта теорія, напоминающая управляющихъ, хозяину полезныхъ и себя не забывающихъ, врядъ-ли допустима въ государственныхъ дѣлахъ.

Впрочемъ, подъ конецъ «Россія» оговаривается, что можетъ быть милліоновъ крестьяне и не получатъ и что надо поэтому выяснить все то, что составляетъ недомолвку г. Корякина. Чѣмъ, какъ не выясненіемъ дѣла занималась доселѣ почти вся русская печать? Кажется, дѣло достаточно выяснено, чтобы заключать, что сто милліоновъ попадутъ не въ карманы крестьянамъ, по существующимъ законамъ являющимся владѣльцами нѣдръ, заключающихся въ ихъ

землѣ. Достаточно выяснено, что дѣло обошлось не безъ злоупотребленій. Достаточно выяснено, наконецъ, что нужна всесторонняя авторитетная ревизія, безъ которой намъ суждено присутствовать при одномъ изъ величайшихъ беззаконій конца вѣка.

Неужели же всѣ многочисленные факты, приводившіеся «Новымъ Временемъ», «Моск. Вѣдом.», «Биржев. Вѣдом.», «С.-Петербург. Вѣдом.» и т. д., можно назвать аханьемъ, оханьемъ, краснобайствомъ? Хотя «Россія» ни одного изъ этихъ фактовъ не привела, но нельзя же думать, что никто въ ея редакціи ихъ не читалъ въ другихъ газетахъ. Говорить же, что не приводятся факты, можно только въ разсчетѣ, что читатели «Россіи» никакихъ другихъ газетъ не читаютъ.

Впрочемъ, это не такъ важно, какъ вопросъ, который ставится газетой въ концѣ статьи о томъ, не указываетъ ли липецкое дѣло на несовершенство нашихъ законовъ. «Это, говоритъ «Россія», стоитъ обсужденія печати, если она хочетъ принести истинную пользу». Такихъ несовершенствъ закона, проявляющихся весьма ярко въ липецкомъ дѣлѣ, я вижу массу. Не только выдвигается потребность въ новыхъ законопроектахъ, но и поднимаются громадной важности государственные вопросы.

Первый вопросъ, по моему, таковъ. Можетъ ли государство предъявлять къ дворянству какія нибудь особенныя требованія? «Россія» обсужденіе этого-то вопроса, вѣроятно, и называетъ краснобайствомъ, потому что этическая сторона дѣла, по ея словамъ, можетъ интересовать только тѣхъ политическихъ старообрядцевъ, которые вѣрятъ еще въ то, что дворяне состоятъ изъ особой плоти. Если же говорить самымъ современнымъ языкомъ, то и то мой вопросъ не будетъ неумѣстенъ. Дѣйствительно, дворянство получаетъ многіе милліоны отъ государства въ

видѣ дешеваго кредита дворянскаго банка, въ видѣ дворянскихъ пансіоновъ, въ видѣ монополіи занятія разныхъ выгодныхъ мѣстъ, въ видѣ преимуществъ при поступленіи на государственную службу. Эти милліоны ложатся на другія сословія. Неужели же будетъ неумѣстно спросить: можетъ ли и должно ли государство требовать отъ дворянства уплаты этихъ милліоновъ службой на пользу другихъ сословій? Мнѣ кажется, что обсужденіе дворянскихъ правъ должно идти параллельно съ обсужденіемъ дворянскихъ обязанностей. Вѣдь права-то эти выражаются милліонами,— нельзя же выдавать эти милліоны на слово, что и обязанности будутъ исполнены.

Второй вопросъ, возникающій изъ липецкаго дѣла, тоже большой важности: это урегулированіе частныхъ отношеній чиновниковъ съ подчиненными. Всѣмъ извѣстно, что чиновникъ министерства финансовъ, пользующійся свѣдѣніями, ему доступными болѣе, чѣмъ всей публикѣ, и на основаніи этихъ свѣдѣній играющій на биржѣ, былъ бы немедленно исключенъ со службы. У насъ довольно строгій законъ о несовмѣстительствѣ казенной и частной службы. Такъ бригадный генералъ не можетъ быть членомъ правленія желѣзной дороги или банка. Администраціи же разрѣшается вступать во всевозможныя сдѣлки съ подвѣдомственными ей крестьянами, притомъ представляющими, вслѣдствіе своей темноты, самую благодарную почву для разныхъ злоупотребленій. Такъ возможенъ старшина, собирающій подати и одновременно за безцѣнокъ снимающій земли съ тѣхъ же крестьянъ; возможенъ земскій начальникъ и предводитель, наживающіе милліоны отъ договоровъ съ подчиненными, которыхъ они же могутъ посадить подъ арестъ. Вѣдь государство, дающее жалованье, чины, ордена, власть, можетъ и предъявить какія угодно требованія къ нимъ. Поэтому разъединить, какъ это дѣлаетъ

«Россія», г. Кожина человѣка отъ г. Кожина предводителя — нельзя ни въ какомъ случаѣ. Пора изъ области этики дворянской, чиновничьей, священнической перейти на реальную почву дѣяній, закономъ дозволенныхъ и недозволенныхъ. Вѣдь запрещается содержать питейныя заведенія всѣмъ этимъ лицамъ. Не надо забывать и того, что кулачество проявляется не въ однихъ кабакахъ.

Коснусь слегка третьяго вопроса—о легкости обжалованья для крестьянъ дѣйствій своего начальства. Одинъ изъ неразборчивыхъ на средства сотрудниковъ «Гражданина», прикрывающійся за буквою «С», не можетъ убѣдить меня примѣромъ дѣла о трехрублевомъ штрафѣ, наложенномъ земскимъ начальникомъ на кляузника, дошедшаго до Государственнаго Совѣта, потому что онъ хорошо знаетъ, что дѣло это такъ высоко поднималось потому именно, что оно трехрублевое и по существу можетъ быть и справедливое. А вотъ дѣло о 100 милліонахъ дальше границы губерніи выйти никакъ не можетъ. Скажутъ: дѣло окончательно рѣшено. Да и рѣшеніе о трехрублевомъ штрафѣ было окончательное. А порядокъ надзора? А ревизіи? А контроль? А судъ и прокурорскій надзоръ? Неужели все это хорошо для трехрублеваго штрафа и не нужно въ 100-милліонномъ дѣлѣ? Если же такъ легко было бы жаловаться, то зачѣмъ бы липецкимъ крестьянамъ обращаться съ прошеніемъ къ министру другого вѣдомства, который волей-неволей долженъ былъ принять жалобу отъ толпы въ 300 человѣкъ? Итакъ вотъ еще вопросъ государственной важности, который можетъ вызвать цѣлый рядъ законопроектовъ.

Послѣдній вопросъ напрашивается слѣдующій: нельзя-ли въ дѣлахъ отдачи крестьянами разработки ихъ нѣдръ новымъ закономъ установить такой порядокъ, который бы болѣе ограждалъ ихъ права? Исходя изъ того положенія,

что на всякіе подряды у крестьянъ большею частью принята система торговъ, можно бы и здѣсь сдѣлать торги обязательными, съ публикаціями въ разныхъ столичныхъ газетахъ. Торги могли бы производиться при комиссіяхъ, назначаемыхъ изъ Горнаго Департамента. Вѣдь дѣла, гдѣ говорятъ не про милліоны, а про сотни милліоновъ, стоили бы того, чтобы кромѣ существующихъ учреждены были бы еще должности особыхъ горныхъ инспекторовъ при департаментѣ, которыхъ задача была бы разъѣзжать по Россіи, при надобности, оцѣнивать ея нѣдра и наблюдать за выгодностью совершаемыхъ крестьянами сдѣлокъ.

Эти вопросы сами собой напрашиваются и каждый изъ нихъ могъ бы при своемъ обсужденіи вызвать цѣлый рядъ законопроектовъ. Пора перестать закрывать себѣ глаза на это зло, которое часто у насъ наблюдается и которое все замазывается вѣчной формулой «все обстоитъ благополучно». Припоминается невольно картина Верещагина: «на Шипкѣ все спокойно».

Не довольно ли «Россіи» обсужденія этихъ законопроектовъ, которые за собой фатально потянули бы и еще много другихъ?

Законъ и государственные интересы [1]).

Восемь мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я печатно предложилъ г. Кожину рядъ вопросовъ и предлагалъ ему объясниться отъ взводившихся на него обвиненій, представивъ нѣсколько документовъ, которые разъяснили бы истину. Г. Кожинъ не отвѣтилъ. Я такъ и ждалъ. Отвѣчать было нечего, а документы обнародовать неудобно.

---

[1]) Статья эта напечатана 4-го мая 1900 г.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Г. Кожинъ былъ уличенъ въ новыхъ неправильностяхъ, какъ напримѣръ, что двѣ части одного и того же села двумя приговорами сдали ему одну и ту же землю, вслѣдствіе чего въ эксплуатаціи Бельгійскаго общества значится на пять тысячъ десятинъ больше, чѣмъ есть въ дѣйствительности.

Между тѣмъ Тамбовское дворянское собраніе признало себя некомпетентнымъ обсуждать дѣйствія г. Кожина, а Липецкій уѣздъ почти единогласно снова избралъ его уѣзднымъ предводителемъ, причемъ, прежде никогда не бывшій самостоятельнымъ, уѣздъ былъ представленъ многими дворянами, прежде не появлявшимися на выборахъ.

Дворянское депутатское собраніе предложило г. Кожину привлечь печать къ отвѣтственности за клевету. Всю печать привлечь, конечно, нельзя, но хоть бы меня, который объ этомъ просилъ, слѣдовало бы. Вмѣсто этого депутаты прочли письмо Спасовича, давшаго г. Кожину совѣтъ, который ему давалъ и я, — требовать надъ собою суда, а не привлекать другихъ.

Теперь носится много новыхъ слуховъ о конкурренціи съ г. Кожинымъ новаго Бельгійскаго общества, о нежеланіи крестьянъ Романова и Сырскаго допускать его до работъ и о судѣ съ нимъ города. Самыя же послѣднія новости таковы: въ концѣ марта въ село Песковатку являются довѣренный общества, коего директоромъ г. Кожинъ, Рубанъ (онъ же секретарь уѣзднаго съѣзда!), бельгіецъ, кажется, Бернаръ, волостныя власти — и дѣло кончается тѣмъ, что было выпито на сто рублей водки, а руда сдана на 33 года по 1/4 копѣйки съ пуда, приговоръ написанъ и подписанъ въ трактирѣ. На другой день крестьяне опомнились: 60 человѣкъ идутъ къ земскому начальнику, говоря, что руду сдать не хотятъ и на сходѣ не были. Просьба пересмотрѣть приговоръ отклоняется, такъ

какъ онъ по горячимъ слѣдамъ былъ уже провѣренъ въ день составленія.

Съ селахъ Средней Лукавкѣ и Байгородѣ, Липецкаго же уѣзда, руда снимается сыномъ земскаго начальника Кузьмина. Вездѣ крестьяне потомъ заявляютъ, что сдавали ее въ состояніи опьянѣнія, а что передъ даровой выпивкой не хватаетъ силъ устоять.

Мы читали въ офиціальномъ документѣ, что могарычи пить на сходѣ можно, но думаю, что сдѣлка, составленная въ туманѣ, какъ говорятъ мужики, не должна бы считаться законной.

Но не объ этомъ хочу я вести рѣчь. Послѣднія эти новости показываютъ, что какія-то благопріятныя извѣстія окрылили рудныхъ дѣятелей. А обрадовало ихъ, повидимому, то, что вопросъ переносится на другую почву. Прежде многочисленные защитники ихъ отрицали всякое въ дѣлѣ беззаконіе. Теперь они согласны допустить, что были нѣкоторыя неправильности. Буду и я для благозвучія употреблять этотъ терминъ. Но, говорятъ они стихами нашего поэта,

Уму должна покорна быть и добродѣтель.

Да, неправильности были, но государственные интересы требуютъ, чтобы всѣ сдѣлки г. Кожина были незыблемы. Сдѣлки его были нечисты, незаконны, но государственная мудрость требуетъ пренебречь этимъ ради развитія промышленности и обогащенія края.

Чѣмъ выше принципы, которыми прикрываются люди, чтобы обдѣлать свои дѣла, тѣмъ опаснѣе для правды. И Боже сохрани, если эти лицемѣрныя заботы о государствѣ будутъ приняты за чистую монету.

Что предлагаютъ?—Поступиться законами. Неужели не видятъ, что это скользкій путь? Сегодня ими поступятся ради процвѣтанія промышленности въ Липецкѣ, завтра

скажутъ въ другомъ мѣстѣ, что ими надо поступиться ради разведенія чистопородныхъ борзыхъ, и такъ далѣе. Вѣдь законъ одинъ, а беззаконій безчисленное множество. Неужели первый и главный государственный интересъ не заключается въ томъ, чтобы этотъ законъ соблюдался. Скрыть неправильности г. Кожина предлагаютъ во-первыхъ, чтобы не ронять престижа дворянства, во-вторыхъ—ради развитія горнаго дѣла.

Доказывать, что для престижа дворянства прежде всего нужна правда—не стоитъ: это очевидно. Сами сторонники замазыванія беззаконій во имя дворянства это понимаютъ. Ихъ разсчетъ проще: что тамъ отъ этого будетъ съ дворянствомъ, намъ дѣла нѣтъ, а пока мы живы, можетъ и намъ что перепадетъ.

Вотъ первый государственный интересъ. Возьмемъ второй: горное дѣло.

Кто сказалъ, что рудное дѣло въ Липецкѣ пострадаетъ, если уничтожить кошмаръ кожинской монополіи? Какъ только распространился слухъ, что вопросъ не рѣшенъ, явилась новая компанія, бельгійцевъ же, намѣревавшаяся конкурировать съ ними, къ благополучію липецкихъ крестьянъ. Итакъ, раскрытіемъ правды за границей не только не поколебалось, но возросло довѣріе къ намъ. А для липецкихъ крестьянъ явилась конкурренція, которая никогда не ведетъ къ упадку, а къ вящшему процвѣтанію промышленности.

И это очевидно. Иначе и быть не можетъ. Ясно это такъ же, какъ ясно, что новый способъ защиты Кожина во имя государственныхъ интересовъ есть не что иное, какъ попытка громкими, но неправдивыми словами прикрыть беззаконіе.

Неужели лучъ правды не пробьетъ эти свинцовыя тучи лжи и фарисейства?

Почему я писалъ о липецкомъ дѣлѣ [1]).

Отвѣтъ князю В. П. Мещерскому и князю Б. Васильчикову.

Нѣсколько дней назадъ я помѣстилъ въ «Новомъ Времени» статью о липецкой рудѣ и толкахъ, коими сопровождается разработка ея Бельгійской компаніей. На эту статью отозвались князь В. П. Мещерскій въ № 57 «Гражданина», и князь Б. Васильчиковъ, новгородскій губернскій предводитель дворянства, въ № 214 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Прежде всего два слова о формѣ этихъ статей. Онѣ написаны такъ рѣзко, что я не съумѣю отвѣтить въ томъ же тонѣ. Отъ князя Мещерскаго это меня, впрочемъ, не удивляетъ: многолѣтняя привычка полемизировать, большею частью неудачно, развила въ немъ своеобразно желчную рѣчь, всегда пересыпанную ему привычными «ату, ату его!». Поэтому, когда во мнѣ онъ розыскалъ козловскаго Марата и тамбовскаго Робеспьера, то это можетъ только вызвать улыбку сожалѣнія къ его усиліямъ меня затравить. Другое дѣло князь Васильчиковъ, не присяжный публицистъ, человѣкъ молодой и носящій имя, которое невольно заставляетъ видѣть въ немъ рыцаря вѣжливости даже тогда, когда онъ сердится.

Проживъ десять лѣтъ въ деревнѣ и изучивъ ее, я счелъ себя обязаннымъ подѣлиться своимъ опытомъ. Всѣ согласны въ одномъ, что деревня разоряется матеріально и падаетъ нравственно съ такой головокружительной быстротой, что становится жутко. Указываютъ на всевозможныя средства леченія, кое-что вводится, а деревня продолжаетъ бѣднѣть.

---

[1]) Статья эта напечатана 11-го августа 1899 года.

Мнѣ тоже кажется, что я вижу исходъ.

Этотъ исходъ состоитъ въ томъ, чтобы изъ русскаго крестьянина сдѣлать хорошей школой и хорошими законами человѣка, способнаго къ самопомощи и борьбѣ съ тѣми тяжелыми жизненными условіями, которыя его доводятъ до экономической и духовной нищеты.

Развивать эту мысль печатно — такова задача, которую я избралъ и которая меня всецѣло поглощаетъ.

Вдругъ я читаю про липецкія дѣла! Дѣла мнѣ сосѣднія, близкія, знакомыя, понятныя (я говорю съ точки зрѣнія не металлургіи, а крестьянскихъ сдачъ земли) и при томъ многомилліонныя! Неужели же мнѣ молчать? Правда, я подробностей не знаю иначе, какъ по газетамъ, но психологію вопроса понять могу. Князь Васильчиковъ правильно охарактеризовалъ это дѣло, назвавъ его кулачествомъ. Русскій кулакъ въ разнообразныхъ видахъ — продуктъ крестьянскаго невѣжества: гдѣ много овецъ, тамъ находятся люди ихъ стричь. Кулака не будетъ, когда мужикъ не дастъ себя стричь, т.-е. когда онъ поумнѣетъ и когда въ законѣ найдетъ защиту отъ кулаковъ. Князь Мещерскій закономъ доволенъ и утверждаетъ, что «всѣ сословія на землѣ получили одинакую охрану своихъ правъ». Но вѣдь онъ, посвятивъ себя редакторству, конечно, деревни не знаетъ и говоритъ то, что въ данную минуту ему кажется для него полезнымъ. Такъ совершенно обратное онъ говорилъ въ ноябрѣ 1898 г., когда меня же изобличалъ подъ псевдонимомъ «Деревенщина». Гораздо серьезнѣе заявленіе кн. Васильчикова, что кулаки враги теперешняго законодательства. Моя практика привела меня къ обратному. Если же кн. Васильчиковъ правъ, то какъ же не переводятся или по крайней мѣрѣ не ослабѣваютъ кулаки, а множатся и усиливаются, все болѣе истощая и разоряя деревню? Видно, лекарство не помогаетъ!

Но въ липецкомъ дѣлѣ (опять таки, если слухи вѣрны) кулачество иного рода; это не кулачество, попускаемое властью, а кулачество власти. Князь Васильчиковъ говоритъ, что это единственный случай и что дворянство можетъ спокойно выжидать обнаруженія правды въ липецкой исторіи. Во-первыхъ, даже въ этомъ конкретномъ видѣ фактъ не единичный. То же дѣлается въ Ефремовскомъ уѣздѣ Тульской губерніи: по словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», приведеннымъ въ томъ же нумерѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ и статья кн. Васильчикова, тамъ крестьянскія земли сняты для разработки руды тоже уѣзднымъ предводителемъ дворянства (кн. А. П. Голицынымъ). Опять желаю, чтобы и это оказалось ложью. Во-вторыхъ, почему князь Васильчиковъ совѣтуетъ ждать спокойно? Неужели онъ думаетъ, что такъ легокъ пересмотръ приговоровъ, утвержденныхъ всѣми инстанціями и уже проданныхъ иностранцамъ? Я такъ думаю, что это очень трудно.

Я не знакомъ ни съ технической стороной дѣла, ни съ подробностями его. Поэтому я считалъ нужнымъ техническое разслѣдованіе. Только спеціалисты могутъ сказать: выгодна ли цѣна въ ¼ коп.? Достаточенъ ли кажущійся мнѣ удивительный минимумъ добычи руды на 25 коп. въ годъ съ десятины? Можетъ быть, и достаточенъ — тогда и спора нѣтъ. Но если это невыгодно крестьянамъ, то спастись они могутъ только при условіи доказательства неправильности составленія приговоровъ. А доказать это теперь и трудно и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, безполезно. Тѣмъ хуже для крестьянъ!

Но дѣло не въ этомъ. Кто говоритъ, когда стригутъ овецъ: больно имъ или нѣтъ? Спрашиваютъ: выгодно ли овцеводу? Такъ и тутъ: о крестьянахъ не безпокоятся, а

говорятъ о томъ, какъ это отразится на дворянствѣ. Извольте,—поговоримъ о дворянствѣ.

Въ своей статьѣ я между прочимъ сказалъ слѣдующее: «мой опытъ, знакомство съ внутренними неофиціальными сторонами деревенской жизни—все побуждаетъ меня громко заявить, что нѣтъ того насилія, которое не можетъ быть учинено на рубежѣ XX столѣтія надъ русскимъ крестьяниномъ. Мало того. Захоти мужики искать правды, они не могли бы этого сдѣлать».

Послѣднія слова относятся къ частному, липецкому случаю и поясняются дальнѣйшими, что приговоровъ для принесенія жалобъ могутъ не утвердить. Но положимъ даже, что я сказалъ только это. Неужели Робеспьеръ это говорилъ? Призываю всѣхъ деревенскихъ жителей, безпристрастныхъ, въ свидѣтели: легко добиться мужику правды, если старшина противъ него? Не говорю уже о высшемъ начальствѣ. Неужели трудно заставить его молчать, когда посадить подъ арестъ его могутъ староста, старшина, земскій начальникъ, да и всякій наконецъ, котораго староста послушаетъ и посадитъ мужика? И за такую простую истину сравнивать меня съ Маратомъ можетъ только кн. Мещерскій.

Послушаемъ кн. Васильчикова: «Говоря, что крестьянину не найти правды, вы тѣмъ самымъ говорите, что всѣ тѣ лица и учрежденія, которымъ ввѣрено на мѣстахъ правосудіе, находятся въ постоянномъ сговорѣ для совершенія всевозможныхъ насилій надъ ними». Въ этомъ кн. Васильчиковъ видитъ «клевету на всѣхъ и на вся». Если вдуматься въ эту тираду, то станетъ очевиднымъ, что высказывая то, что я говорилъ, я вовсе не имѣлъ въ виду того, что мнѣ приписываетъ мой опонентъ. Моя статья озаглавлена «Неужели это правда?» И я доказывалъ, что это возможно, но не говорилъ, что это дѣлается всегда и

вездѣ. Я говорилъ и утверждалъ, что насиліе надъ крестьянами всегда возможно, и объяснялъ, почему липецкимъ крестьянамъ трудно найти правду. Но что правды найти нельзя—я и не говорилъ, и не думалъ. По моему, и возможности насилія довольно, чтобы задуматься надъ закономъ. Кто же клеветалъ: я на всѣхъ и на вся, или новгородскій губернскій предводитель дворянства на меня?

Далѣе князь Васильчиковъ опять говоритъ о вредѣ, мною приносимомъ, когда я играю въ руку лицамъ, видящимъ осуществленіе своихъ идеаловъ въ томъ паденіи авторитета дворянина, о которомъ я «какъ бы» скорблю. Какое право имѣетъ новгородскій предводитель сомнѣваться въ моихъ словахъ? Если я говорю, что скорблю, значитъ скорблю, а не «какъ бы» скорблю. Еслибъ я заискивалъ передъ тѣми, кто будетъ меня избирать, я можетъ быть съумѣлъ бы имъ понравиться. Если бы я былъ присяжный публицистъ, я можетъ быть былъ бы вынужденъ угождать толпѣ. Ни того, ни другого нѣтъ. Я искалъ правды въ деревнѣ, и теперь говорю ее, какъ понимаю.

Что касается дворянства и консерватизма, то не болѣе ли я служу этимъ принципамъ, чѣмъ мои опоненты? Князь Мещерскій не обинуясь употребляетъ всуе великое имя Александра III, чтобы не дать всплыть наружу правдѣ. Или онъ не знаетъ, что великій миротворецъ былъ и великимъ правдолюбцемъ?

А объ упадкѣ дворянства я скорблю. Скорблю, что подъ девизомъ дворянства защищаютъ свои высокія мѣста, свои выгодныя жалованья, свою пользу въ хозяйственныхъ отношеніяхъ съ крестьянами, свои получки изъ дворянскаго банка за счетъ водки, растлѣвающей крестьянъ. Скорблю, что умолкли князья Викторъ и Александръ Васильчиковы, которые искали въ торжествѣ правды и пользѣ другихъ свое собственное величіе и за которыми шли всѣ

сословія добровольно, потому что сами они дѣйствительно стояли впереди передового сословія. Скорблю, что нѣтъ Хомяковыхъ, Тютчевыхъ, Самариныхъ, Милютиныхъ, Аксаковыхъ, которые въ дворянствѣ своемъ видѣли завѣтъ охранять отъ неправды, какой бы то ни было, ту меньшую братію, о которой теперь говорятъ не то съ презрѣніемъ, не то съ улыбкой, и которые, будучи дворянами, не требуя себѣ ничего, въ дѣйствительной защитѣ крестьянъ отъ кулака видѣли свои дворянскія обязанности. Скорблю, что дворяне, вмѣсто исканія правды и свѣта, готовы всѣмъ заткнуть ротъ, лишь бы эта правда не всплыла наружу. Скорблю, что нѣтъ прежнихъ идеаловъ дворянскихъ, заключавшихся въ службѣ крестьянству, а не въ требованіи наружнаго почета, хотя бы изъ-подъ палки. Да, опять-таки скорблю о томъ, что если бы прежніе Васильчиковы, Аксаковы и другіе встали изъ гробовъ своихъ и увидѣли, что теперь дѣлается во имя дворянства, то предпочли бы вернуться въ могилы свои, чтобы не видѣть этого дворянскаго позора.

Въ № 8422 «Новаго Времени» напечатано письмо въ защиту земскихъ начальниковъ земскимъ же начальникомъ Г. В. Завистовскимъ. Это письмо больше напоминаетъ офиціальную отписку, чѣмъ газетную статью. Знаю, г. Завистовскій, знаю не хуже васъ и 61, и 101 ст. Положенія о зем. нач. Васъ же спрошу: можетъ ли земскій начальникъ приказать на словахъ старостѣ посадить крестьянина? Будетъ ли крестьянинъ сидѣть, а 61 статья соблюдена? Затѣмъ еще спрошу: много вы знаете примѣровъ предводительскихъ ревизій на основаніи 101 ст. и были ли когда послѣдствія этихъ ревизій? Нѣтъ. Законъ—закономъ, канцелярія—канцеляріей, переписка—перепиской; а жизнь—жизнью, правда—правдой.

Во имя правды я писалъ, что бы ни говорили мои опо-

ненты, правду пишу, писалъ и буду писать. А когда я буду умирать и въ агоніи хрипѣть, то напрягу послѣднія усилія прохрипѣть: въ отсутствіи школы и въ произволѣ начальства—причина всѣхъ бѣдъ крестьянина, дворянина, Россіи.

PS. Князь Васильчиковъ спрашиваетъ меня, зачѣмъ я подписался предводителемъ дворянства. Да по тѣмъ же причинамъ, почему и онъ: онъ хотѣлъ подчеркнуть, что дворянство съ нимъ солидарно, я тоже хотѣлъ подчеркнуть, что не всѣ дворяне преслѣдуютъ узко-утилитарныя цѣли.

PSS. Сейчасъ прочелъ второе мнѣ возраженіе князя Мещерскаго. Неужели князь не знаетъ, что въ дѣлахъ не всегда послѣднее слово остается за офиціальнымъ возраженіемъ? Что касается его обвиненія меня въ агитаторствѣ, то оно не стоитъ возраженія.

Новые дворянскіе пансіоны.

Вскорѣ дворянскимъ собраніямъ придется заняться учрежденіемъ вновь организуемыхъ пансіоновъ для дворянскихъ дѣтей. Поэтому умѣстно впередъ по возможности сговориться о требованіяхъ, которыя должны быть предъявлены къ этимъ новымъ учрежденіямъ. Прежде всего нельзя не привѣтствовать тотъ фактъ, что первое дѣло на которое обратило вниманіе особое совѣщаніе по дѣламъ дворянскаго сословія, есть дѣло образованія подростающаго поколѣнія. Не требуетъ поясненій то очевидное положеніе, что передовое сословіе можетъ остаться таковымъ единственно при условіи, если оно дѣйствительно передовое не только по правамъ, ему дарованнымъ, но и по внутреннимъ свойствамъ, дѣлающимъ его способнымъ служить образцомъ и руководителемъ прочихъ со-

словій. Нельзя, съ другой стороны, закрывать глаза на настоящее положеніе и не признать, что многое еще остается сдѣлать въ этомъ отношеніи.

Главною причиной недостатка даваемаго дворянскимъ дѣтямъ образованія считается—дворянское оскудѣніе, не позволяющее среднему помѣщику, при настоящей дороговизнѣ обученія и содержанія въ губернскихъ городахъ, довести до конца правильное воспитаніе всѣхъ своихъ дѣтей. Это затрудненіе вполнѣ разрѣшается новымъ закономъ: содержаніе въ пансіонѣ будетъ даровое, такъ какъ большая часть расходовъ будетъ падать на государственное казначейство, а меньшая — на все дворянство губерніи. Сомнѣваться же въ томъ, что дворянства пойдутъ навстрѣчу предложенію правительства и ассигнуютъ достаточныя средства для удовлетворенія потребности для дѣтей въ образованіи, врядъ ли возможно. Слышенъ былъ, впрочемъ, на другой день послѣ обнародованія закона голосъ, часто говорящій отъ имени дворянства, что бѣдному дворянству и то будетъ тяжело, что на него возлагается, и что желательно бы отъ казны получить еще побольше. Но это звучало фальшивой нотой. Трудно думать, чтобы до того дѣйствительно могла дойти привычка вѣчно протягивать руку.

Кромѣ дороговизны содержанія въ губернскомъ городѣ, нельзя, конечно, не признать, что далеко не всегда удается найти для мальчика такія условія жизни, которыя содѣйствовали бы хорошему его воспитанію. Нерѣдко на частныхъ квартирахъ онъ пріобрѣтаетъ привычки, гибельно отражающіяся впослѣдствіи въ его жизни. Этотъ недостатокъ будетъ тоже устраненъ: условія его жизни будутъ таковы, что дурные примѣры не будутъ такъ часто передъ его глазами. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ дѣлѣ воспитанія дворянскихъ дѣтей преслѣдовались иныя цѣли, чѣмъ тѣ, къ которымъ стремится въ учебныхъ заведеніяхъ

воспитаніе дѣтей другихъ сословій. Лучшими представителями нашего дворянства достаточно ярко и краснорѣчиво доказано, какъ несправедливы обвиненія нашей всесословной средней школы въ неспособности воспитывать вѣрныхъ и достойныхъ сыновъ отечества. Поэтому непростительно ошибаются тѣ изъ нашихъ мнимыхъ защитниковъ дворянства, которые въ новыхъ пансіонахъ видятъ начало какихъ-то обособленныхъ дворянскихъ учебныхъ заведеній, китайской стѣной отдѣляющихъ дѣтей дворянъ отъ дѣтей прочихъ сословій. Такая стѣна прежде всего повредила бы самому дворянству, сдѣлавъ изъ него вмѣсто передового сословія, за которымъ бы добровольно шли остальныя, какую-то привилегированную касту, думающую только о своихъ интересахъ и преслѣдующую только свои, а не общегосударственныя выгоды.

Поэтому въ новомъ законѣ надо видѣть то, къ чему онъ дѣйствительно стремится, т. е. облегченіе при помощи крупныхъ государственныхъ жертвъ возможности для дѣтей несостоятельныхъ дворянъ получить то воспитаніе и образованіе, которое дается всѣмъ сословіямъ въ существующихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вотъ на этой-то жертвѣ государственнаго казначейства и стоитъ остановиться. Мы, къ сожалѣнію, часто смотримъ на великія изливаемыя на насъ Царскія милости, какъ на нѣчто должное за наши будто бы прежнія заслуги, а забываемъ, что если государство и считаетъ нужнымъ помогать дворянству, то, очевидно, потому, что ему нужна дальнѣйшая дворянская служба. Всякая получаемая дворянствомъ милость и льгота возлагаютъ на него новыя тяжелыя обязанности. Долгъ по отношенію къ государству, вѣками крѣпостного права накопленный за дворянствомъ, еще далеко не выплаченъ, а новый долгъ на него накладывается новою милостью. Какъ стоитъ объ этомъ поду-

мать и какъ много нужно дворянству трудиться на благо родины! Много потребуется съ того, кому много дано.

Какъ же должно дворянство платить этотъ новый долгъ? Прежде всего оно должно убѣдиться, что работа должна быть направлена не исключительно на созданіе себѣ особыхъ благъ, а на заботы о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи другихъ сословій. Какъ можемъ мы отплатить Царю за Его милости? Очевидно, слѣдуя Его завѣтамъ. Припомнимъ Его призывъ при введеніи Положенія о земскихъ начальникахъ, Его слова старшинамъ при коронованіи,—и мы увидимъ, что на дворянство возлагается обязанность упорядочить деревню. Содѣйствуя этой великой цѣли, мы заплатимъ прежніе и новые долги.

Съ малолѣтства дворянину должно быть внушено, что только тогда онъ будетъ первымъ, если онъ будетъ всѣмъ слуга. Боже сохрани, если въ новыхъ общежитіяхъ ему будутъ внушаться мысли о его собственномъ величіи; Боже сохрани, если онъ при посѣщеніи учебныхъ заведеній научится смотрѣть на своихъ товарищей другихъ сословій съ презрѣніемъ, потому только, что онъ содержится въ дворянскомъ пансіонѣ. Наоборотъ, мысль, что онъ—государственный стипендіатъ, нравственно обязанный отслужить государству въ деревнѣ сколько можетъ, сдѣлаетъ изъ него вѣрнаго слугу отечества, достойнаго дарованной ему милости.

Дворянству каждой губерніи дано разрабатывать уставы новыхъ пансіоновъ; поэтому оно несомнѣнно будетъ имѣть голосъ въ дѣлѣ воспитанія. Пусть же звучитъ этотъ голосъ призывомъ дѣтей къ исполненію наложенныхъ на дворянство обязанностей вносить въ деревню, какъ и на всѣхъ другихъ поприщахъ своей службы Россіи,—свѣтъ любви, свѣтъ знанія, свѣтъ правды!

Роль дворянства въ Россіи.

Русское дворянство по своему составу и происхожденію существенно разнится отъ западнаго дворянства. На Западѣ оно гораздо замкнутѣе, чѣмъ у насъ. Тамъ доступъ въ дворянство былъ болѣе труденъ. Нужны были выдающіяся государственныя заслуги, чтобы родъ изъ плебейскаго сдѣлался дворянскимъ. Кое-гдѣ, напримѣръ въ Мекленбургѣ, доступъ въ дворянство не могъ состояться безъ согласія самого сословія. Поэтому большинство западныхъ европейскихъ дворянскихъ родовъ вело свою исторію нѣсколько столѣтій; многіе гордились тѣмъ, что предки ихъ участвовали въ крестовыхъ походахъ. Феодалы, при ростѣ королевской власти, все-таки образовали касту, члены которой гордились своимъ родомъ, своей исторіей, своимъ гербомъ. Они поддерживали прежнюю славу дома и выше всего дорожили принципомъ «noblesse oblige». Сила, деньги, культура—все было привилегіей дворянства. Параллельно съ этимъ развивались и дурныя стороны этой обособленности: презрѣніе къ низшимъ и надменность съ одной стороны; зависть, ненависть, низкопоклонство — съ другой. Распространеніе культуры въ другихъ классахъ населенія нанесло ударъ дворянству, все болѣе и болѣе терявшему повсемѣстно свои прежнія права. Съ потерею правъ, оно освобождается и отъ обязанностей. Происходитъ общая нивелировка: сила въ рукахъ культуры, кто бы ею ни обладалъ.

Другая картина въ Россіи. Съ древнихъ временъ дворянство образуется изъ личныхъ слугъ князей, связанныхъ съ общественною или домашнею службой князю невозможностью отъ нея отказаться. Вначалѣ дворяне и дворовые — синонимы. Дворянами могли быть и холопы.

Съ XVI вѣка, съ началомъ мѣстничества, начала было образовываться кастовая аристократія; но Петромъ Великимъ все дворянство сравнено, причемъ каждому офицеру дается преимущество передъ дворяниномъ. Дворянинъ обязанъ служить: это не аристократъ въ западномъ смыслѣ, а чиновникъ. Дорожатъ не дворянскимъ происхожденіемъ, а чиномъ. Дворянство, какъ дворянство, помимо службы получаетъ право гражданства всего сто съ небольшимъ лѣтъ назадъ, причемъ продолжается усиленный переходъ въ дворянство изъ другихъ сословій полученіемъ чина или ордена. Меньшинство самое незначительное можетъ говорить про исторію своего рода, большинство же никакой исторіи не имѣетъ и дорожитъ добрымъ именемъ имѣетъ столько же основаній, какъ иной хорошій крестьянинъ, который гордится, что въ его семьѣ не было воровъ. Кто же дѣлался дворяниномъ? Очевидно, всякій грамотный человѣкъ, способный служить въ канцеляріи и достаточно здоровый, чтобы прослужить нѣсколько десятковъ лѣтъ. Такимъ образомъ русское дворянское сословіе, не имѣющее ничего общаго съ заграничнымъ дворянствомъ, являлось сословіемъ преимущественно бюрократическимъ, съ правомъ владѣть землей и людьми.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство имѣло за собой монополію культуры, такъ какъ если изрѣдка человѣкъ другого сословія и получалъ образованіе, то легко могъ добиться дворянскихъ правъ. Этимъ и объясняется, что громадное большинство выдающихся людей, появившихся у насъ съ двадцатыхъ годовъ, были дворянами. Этимъ объясняется и появленіе у насъ многочисленныхъ дѣятелей пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, способствовавшихъ Александру II провести его великія реформы. Всѣ они были изъ дворянъ. Ихъ талантъ, блескъ ихъ краснорѣчія, безкорыстіе ихъ стремленій невольно заставляли все

дворянство слѣдовать за ними. Слава ихъ отразилась на всемъ сословіи.

Съ неизбѣжной демократизаціей школы, дворянская культура расплылась въ культурѣ всесословной. Если прежде дворянство съ гордостью могло перечислять своихъ вождей, то теперь ярые защитники его обособленности съ трудомъ даже скажутъ, по какому пути дворянство должно идти. Въ этихъ случаяхъ отдѣлываются общими мѣстами. Дѣйствительно, всякій дворянинъ, получившій хотя бы среднее образованіе, стремится неудержимо идти въ чиновники: жалованье особенно нужно при теперешнихъ экономическихъ невзгодахъ, да и чинъ служить еще неотразимой къ тому приманкой, въ особенности если къ шестому десятку лѣтъ есть надежда получить титулъ «превосходительства». Какая-то центростремительная сила толкаетъ всѣхъ въ Петербургъ, хуже—въ Москву, еще хуже, и притомъ на время,—въ губернскій городъ. На мѣстахъ остаются безъ службы только люди, къ службѣ, а слѣдовательно и ко всякой другой общественной дѣятельности неспособные. Это—помѣстное дворянство.

Еще болѣе задерживаетъ всякое развитіе дворянства полное отсутствіе общественной жизни. Роль земства все съуживается и умаляется усиленными протестами губернаторовъ. Даже кружковой жизни тридцатыхъ годовъ — и той нѣтъ.

Такимъ образомъ дворянство снова сдѣлалось синонимомъ бюрократіи, только безъ права на крѣпостныхъ и съ сравнительно малымъ количествомъ земли. Но вѣдь прекрасные иногда бюрократы выдвигаются и изъ другихъ сословій. Очевидно поэтому, что служба, какую теперь несетъ дворянство, не есть та, которая могла бы оправдывать жертвы для него государства и сохранить за нимъ иначе какъ наружно и какъ бы насильно званіе передо-

вого сословія. Хуже всего то, что именно тѣ фарисеи, которые изъ личныхъ выгодъ дѣлаютъ видъ, что служатъ дворянству, даже и не ставятъ себѣ задачи опредѣлить ту роль, которую дворянство должно играть въ Россіи. Говорятъ и заботятся о томъ, чтобы получить власть, а о томъ, какъ ею воспользоваться на благо государства— молчатъ и не думаютъ. Выставляютъ свои права, а вопросъ объ обязанностяхъ старательно обходятъ. Наконецъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ не стыдятся просить себѣ и даже требовать всякихъ подачекъ денежныхъ и въ смыслѣ расширенія правъ, что, впрочемъ, опять оцѣнивается рублями, а долга, вѣками рабства накопленнаго по отношенію къ другимъ сословіямъ, не признаютъ.

Впрочемъ, говорятъ и объ обязанностяхъ, но отдѣлываются труизмами, напримѣръ съ дѣланнымъ паѳосомъ выставляютъ долгъ служить Престолу, Царю и Отечеству. Да, конечно, но какъ служить — о томъ молчатъ: вѣдь и другія сословія служатъ, когда находятъ доступъ къ службѣ. Говорятъ о служеніи до послѣдней капли крови: а развѣ не течетъ до послѣдней капли кровь безсловнаго солдата? Говорятъ о веденіи солдатъ на брань: а развѣ плохъ офицеръ не-дворянинъ? Нѣтъ, невольно припоминаются слова, что не о нищихъ пекутся говорящіе это, а о своемъ ковчегѣ. Является странное противорѣчіе, что когда дворянское сословіе проситъ и требуетъ себѣ различныхъ льготъ, преимуществъ, правъ и денежныхъ подачекъ, то оно какъ будто тѣмъ самымъ исполняетъ свое назначеніе; когда же возвышаются голоса объ отдачѣ накопленныхъ и накопляющихся долговъ, объ обязанностяхъ по отношенію къ другимъ сословіямъ, то эти люди выставляются чуть ли не измѣнниками своему сословію. Приэтомъ забываютъ, что исторія прославила наше дворянство именно за тѣ мо-

менты, когда оно свои личныя выгоды подчиняло пользѣ другихъ.

Исторія доказала, что передовымъ сословіемъ можетъ быть только наиболѣе образованное; поэтому главное условіе, при которомъ дворянство можетъ сохранить свое положеніе—это образованіе дѣтей. Въ этомъ отношеніи оно поставлено теперь въ самыя благопріятныя условія. Тогда какъ для интеллигента не-дворянина воспитаніе дѣтей въ средне-учебномъ заведеніи есть часто непосильная мечта, дворянину, по новому закону о дворянскихъ пансіонахъ, оно не будетъ стоить почти ничего. Я уже не говорю объ институтахъ, о кадетскихъ корпусахъ съ ихъ стипендіями, въ которыхъ нерѣдко можно было опредѣлить сына или дочь. Трудно думать, чтобы дворянство и теперь не обратилось на этотъ путь, единственный, который можетъ повести къ желаемой цѣли.

Но этого мало. Не надо забывать и тѣхъ жертвъ, которыхъ стоитъ государству наше сословіе: вспомнимъ Дворянскій банкъ съ его льготами, преимущественное право службы на мѣстахъ и въ министерствахъ,—право, которое тоже можетъ быть оцѣнено въ рубляхъ; вспомнимъ стипендіи и содержаніе различныхъ учебныхъ заведеній, которыми преимущественно пользуются дворяне; вспомнимъ, наконецъ, послѣдній законъ, и подумаемъ, чѣмъ мы отплатимъ за это другимъ сословіямъ? Намъ иногда отвѣчаютъ, что и крестьянство много получаетъ отъ государства—въ видѣ Крестьянскаго банка, въ видѣ продовольственныхъ ссудъ и проч. Пусть такъ! А выкупные платежи за землю, которую дворяне получили даромъ? А столѣтняя даровая работа? Нѣтъ, не будемъ считаться: право, невыгодно.

Подумаемъ лучше о томъ, что если мы не составимъ себѣ идеала, къ которому бы стремилось дворянство, мы

погибли, какъ передовое сословіе. А идеалъ этотъ намъ отыскивать нечего: онъ намъ данъ тѣми великими русскими дворянами, которые учили насъ служить землѣ; онъ намъ данъ традиціями дворянства всего міра, которое, до начала своего паденія, подъ девизомъ «noblesse oblige» понимало обязанность для сильныхъ защищать слабыхъ; онъ намъ данъ въ видѣ всемірно признанной истины, что дворянство несовмѣстимо съ ложью, съ фарисействомъ, съ эгоизмомъ. Итакъ, вотъ онъ дворянскій идеалъ: служить правдѣ, защищать слабыхъ! Служа такъ, дворянство не подачками и не внѣшнимъ почетомъ станетъ во главѣ другихъ сословій, а добровольнымъ подчиненіемъ ему этихъ сословій, какъ духовно сильнѣйшему. А мы прячемся за наши привилегіи. Чуть чего просить—мы готовы кричать о нашихъ правахъ и заслугахъ дворянскихъ; чуть что не такъ сдѣлали—мы спѣшимъ спрятаться за общій кодексъ: мы дѣйствовали не какъ дворяне, а какъ простые смертные! Вѣдь законъ одинъ! Можетъ ли государство предъявлять къ дворянамъ особыя требованія, соотвѣтствующія особымъ льготамъ? Формально—нѣтъ, нравственно—да. Идти навстрѣчу этимъ требованіямъ—наша обязанность, иначе мы, несмотря на все, идемъ къ своей гибели.

Въ силахъ ли дворянство исполнить эту задачу, покажетъ исторія.

Открытое письмо князю В. П. Мещерскому [1]).

Послѣднее время вы начали меня травить въ «Гражданинѣ». Чего, чего вы ни приписываете мнѣ вмѣстѣ съ вашими сотрудниками! Какихъ, какихъ грубыхъ выраженій не употребляете!

---

[1]) Напечатано 27-го августа 1899 г.

Всѣ мои знакомые безъ исключенія и на словахъ, и въ письмахъ мнѣ совѣтуютъ васъ не трогать и съ вами не говорить. Но я рѣшилъ разъ ихъ не послушаться и обратиться къ вамъ съ настоящимъ письмомъ.

За что вы на меня нападаете? За мнѣнія, не схожія съ вашими? Главнымъ же образомъ вы обрушиваетесь на меня за слова, напечатанныя у васъ громадными буквами (какъ не видѣть въ этомъ доноса?); напечатали же вы ихъ послѣ моего заявленія, что вы ихъ не такъ поняли. Я себя спросилъ: зачѣмъ вы это сдѣлали? гдѣ цѣль вашихъ клеветы и доноса? Какія реальныя блага вы за это получите? Высокаго административнаго поста вы, очевидно, теперь не домогаетесь. Денегъ? Вы сознаете, что многихъ подписчиковъ этимъ не пріобрѣтете, да и деньги не цѣль вашей жизни, въ особенности теперь. Чиновъ и орденовъ писательствомъ не добиваются. Всего этого быть не можетъ, какъ не могу предположить желанія дѣлать зло ради зла, какъ иногда убійцы, чтобы видѣть кровь своихъ жертвъ.

Поэтому я себѣ и говорю: извѣстный писатель (вѣдь извѣстности у васъ отнять нельзя), писатель, носящій громкое имя, клевещетъ и доноситъ... безъ причины. Очевидно, онъ не клевещетъ, но какъ фанатикъ, ищущій вездѣ враговъ своихъ теорій, дѣйствительно не понялъ моихъ словъ, какъ они были сказаны, и въ моемъ объясненіи увидалъ желаніе вывернуться. Какъ фанатикъ же, онъ на меня доноситъ, считая это своимъ долгомъ.

Теперь я у васъ прошу на минуту хладнокровія (вѣдь въ послѣднемъ вашемъ «Дневникѣ» написали же вы объективно нѣсколько словъ о самоуправленіи). Вы, по-моему, обязаны это сдѣлать.

1) Отвѣтьте мнѣ по пунктамъ, какъ я вамъ пишу, и

притомъ разъ въ жизни сдержанно (потомъ опять пишите какъ угодно).

2) Перепечатайте еще разъ тѣ же слова мои, которыя вы мнѣ ставите въ вину, причемъ прибавьте (тѣмъ же шрифтомъ) слѣдующія затѣмъ строчки мои до конца абзаца. Это вы обязаны и относительно меня, и относительно читателей вашихъ, которыхъ не подобаетъ же князю Мещерскому обманывать.

3) Перепечатавъ это, вздумайтесь въ написанное и постарайтесь понять, что, говоря объ исканіи крестьянами правды, я имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ Липецкій уѣздъ. Если вы сознаетесь въ своей ошибкѣ, то (конечно, не извиняясь) печатно заявите, что я можетъ быть дѣйствительно не произносилъ Маратовскихъ словъ и что и вы можетъ быть преувеличили.

4) Если вы внутренно не сознаетесь и продолжаете видѣть въ моихъ словахъ то, что я отрицаю, то вызываю васъ на третейскій судъ, который вы, какъ писатель, какъ дворянинъ, какъ одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ писателей, должны принять, ибо другихъ способовъ объѣлиться передъ вашими читателями я не имѣю.

Еще открытое письмо кн. В. П. Мещерскому.

Благодарствуйте, что вы мнѣ отвѣтили, какъ я васъ просилъ, тономъ, допускающимъ дальнѣйшую переписку. Второй же моей просьбы—перепечатать слова, въ которыхъ вы меня обвиняете, прибавивъ слѣдующія предложенія, вы не исполнили, повидимому, по недоразумѣнію.

Вы приписываете мнѣ требованіе, чтобы слова о безправіи мужика вы добавили моими объясненіями изъ дру-

гой статьи. Я этого не позволилъ бы себѣ просить, потому что мало ли что можно написать въ другой статьѣ. Я просилъ, повторивъ мои слова, продолжать перепечатку нѣсколько дальше до конца абзаца того самаго, гдѣ Маратовскія слова, а не изъ другой статьи. Очевидно, въ интересахъ истины вы должны это сдѣлать, а затѣмъ или признаться въ ошибкѣ, или убѣдить меня въ таковой помощью третейскаго суда.

Послѣднее слово о князѣ В. П. Мещерскомъ.

Въ концѣ іюля (1899 г.; см. стран. 121) я написалъ въ «Новомъ Времени» статью о липецкихъ дѣлахъ. Князь Мещерскій, явившійся защитникомъ этого явно нехорошаго дѣла, напалъ на меня и на мою неблагонадежность, причемъ, чтобы доказать ее, привелъ фразу, по его мнѣнію, достойную Марата и Робеспьера. Эту фразу онъ вырвалъ изъ середины абзаца; если бы онъ выписалъ весь абзацъ, то и онъ, и читатель увидали бы, что я говорилъ о частномъ случаѣ и что его обобщеніе искажало смыслъ моей рѣчи. На основаніи этой фразы и онъ, и его достойные сотрудники обрушились на меня рядомъ самыхъ некрасивыхъ по существу и по формѣ статей. Это дѣйствіе имѣло видъ клеветы, да и не только клеветы, но и доноса, потому что, перепечатавъ мои слова въ неполномъ видѣ неоднократно, онъ разъ напечаталъ ихъ особо крупнымъ, необычнымъ шрифтомъ.

Когда писатель, одинъ изъ старѣйшихъ, князь, повидимому, высоко машущій дворянскимъ знаменемъ, клевещетъ и доноситъ, я склоненъ былъ думать, что онъ дѣлаетъ это невольно, въ ослѣпленіи фанатизма, вѣчно толкающаго его видѣть зло и враговъ даже тамъ, гдѣ ихъ

нѣтъ. Другой причины его злобности я не находилъ, и потому, вопреки совѣту моихъ друзей, я обратился къ нему печатно съ просьбой исправить свою ошибку и перепечатать абзацъ мой до конца, а затѣмъ или признаться въ ошибкѣ, или согласиться на третейскій судъ.

Тогда кн. Мещерскій употребилъ еще болѣе неожиданный пріемъ: спустивъ тонъ, онъ въ цѣломъ «Дневникѣ» приписывалъ мнѣ требованіе перепечать мою фразу, дополнивъ ее тирадой изъ другой статьи. Я опять указалъ ему на его ошибку и просилъ вторично возстановить правду. Прижатый къ стѣнѣ, редакторъ «Гражданина» отвѣтилъ мнѣ однимъ словомъ: «довольно». Если это шутовство, то оно неумѣстно, когда у человѣка требуютъ удовлетворенія; если презрѣніе, то оно князю Мещерскому не къ лицу. Теперь моя попытка добиться отъ него правды не удалась и для меня очевидно слѣдующее:

1) Князь Мещерскій преднамѣренно исказилъ смыслъ моей рѣчи, чтобы хотя явною неправдою лишній разъ покрасоваться въ образѣ спасителя отечества.

2) Князь Мещерскій этой неправдой хотѣлъ мнѣ сдѣлать зло безъ другой цѣли, какъ только сдѣлать зло, такъ какъ другой пользы онъ этимъ извлечь не могъ.

3) Князь Мещерскій притворился, что не понялъ моего требованія, и думалъ отдѣлаться, приписавъ мнѣ глупость.

4) Князь Мещерскій, зная, что мнѣ воспитаніе и убѣжденія не позволятъ прибѣгнуть по отношенію къ нему къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ, чтобы заставить его исправить сдѣланное мнѣ зло, отказался дать мнѣ удовлетвореніе.

Поэтому я извиняюсь передъ друзьями, что имъ не повѣрилъ, когда они мнѣ утверждали о невозможности говорить съ кн. Мещерскимъ человѣческимъ языкомъ, и

объявляю, что «Гражданинъ» съ его писателями для меня болѣе не существуетъ, какъ органъ печати, явно не дорожащій самой простой правдивостью, какъ не существуетъ для меня его редакторъ—ни какъ писатель, ибо писатель не можетъ отказаться отъ самой элементарной писательской этики, ни какъ князь или дворянинъ, потому что таковой не можетъ отказаться дать удовлетвореніе, когда его обвиняютъ въ преднамѣренной клеветѣ и доносѣ, ни какъ человѣкъ, потому что нельзя имѣть дѣло съ человѣкомъ, открыто отворачивающимся отъ правды.

СТАТЬИ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

Народная школа и ея будущность.

I.

Опять—и серьезно—начинаютъ говорить о народной школѣ въ Россіи и о желательности установленія въ дѣлѣ расходованія денегъ на содержаніе ея болѣе опредѣленнаго положенія. Церковно-приходскія школы со школами грамоты, а равно и надзоръ за этими школами обходится въ 4.953,841 р. Съ 1-го января 1900 года предполагается добавить къ нимъ еще 1.800,000 руб. и затѣмъ общее ассигнованіе на начальное народное образованіе по смѣтѣ Св. Синода будетъ составлять около 6.750,000 руб. По смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія ассигнуется на начальныя училища, учительскія семинаріи и инспекціи 4.402,836 руб. Къ этимъ же расходамъ причисляются 1.200,000 руб., расходуемыхъ на народныя училища изъ земскихъ сборовъ тѣхъ губерній, въ которыхъ не введены земскія учрежденія.

Кромѣ этихъ суммъ, расходуемыхъ по непосредственному распоряженію правительственныхъ учрежденій, начальныя народныя училища содержатся также и на счетъ

земствъ тамъ, гдѣ таковыя введены, на что ежегодно расходуется около 7.000,000 руб.

Такъ какъ всѣ земскіе расходы производятся на счетъ сборовъ, взимаемыхъ съ того же населенія, то всякое излишнее земское обложеніе лишаетъ правительство возможности пользоваться платежными силами населенія. Поэтому, говорятъ, нѣтъ основанія полагать, что обращеніе на дѣло народнаго образованія земскихъ сборовъ въ чемъ-либо облегчаетъ задачи правительства, такъ какъ, будучи взимаемы съ одного и того же населенія, суммы, расходуемыя по смѣтамъ Синода и министерства, по существу не отличаются отъ суммъ, расходуемыхъ земствомъ. Естественно со стороны земства желаніе перелагать тѣ или другіе обязательные для земства расходы на государственное казначейство; такъ неоднократно возникалъ вопросъ о принятіи на государственный счетъ всѣхъ расходовъ земства на учебныя заведенія. Но для населенія пользы отъ этого не будетъ, такъ какъ земство при такомъ переложеніи не преминуло бы эти деньги обратить на другія потребности, въ томъ числѣ и на открытіе новыхъ училищъ; поэтому, если и брать такіе расходы на государственный счетъ, то при этомъ необходимо или передавать соотвѣтствующіе сборы въ казну, или обязать земство снять соотвѣтствующія суммы съ населенія. Такимъ образомъ расходы по школамъ распредѣляются на три категоріи: 1) по смѣтѣ Св. Синода; 2) по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, и 3) по земскимъ ассигновкамъ.

Первыя двѣ категоріи не представляютъ затрудненій ни по существу дѣла, ни въ финансовомъ отношеніи, такъ какъ находятся на попеченіи министерства финансовъ; расходы же третьей категоріи, будучи самостоятельными, не связаны съ правительственными мѣропріятіями по развитію народнаго образованія, чѣмъ и затрудняется выработка

плана дѣйствій по распространенію народныхъ училищъ. Является теперь вопросъ, полезно ли оставить дѣло какъ оно есть, или же слѣдуетъ принять мѣры къ установленію болѣе опредѣленнаго положенія въ дѣлѣ открытія начальныхъ народныхъ училищъ и производства расходовъ на ихъ содержаніе. Вопросъ этотъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ и жгучихъ вопросовъ современной деревни, и поэтому весьма полезно разобраться всесторонне не только въ разрѣшеніи поднятаго вопроса, но и во всѣхъ подробностяхъ приведенной мотивировки.

Двумъ категоріямъ школъ, церковныхъ и министерскихъ, противопоставляется третья—школъ земскихъ. Критеріумомъ является вопросъ о средствахъ: школы, расходъ на которыя входитъ въ государственныя смѣты, и школы, содержимыя земствами. Такое раздвоеніе источниковъ школьныхъ суммъ якобы затрудняетъ выработку общаго плана. Поле дѣятельности всѣхъ вѣдомствъ, призванныхъ насаждать въ народѣ низшее образованіе, настолько обширно, что трудно себѣ представить, почему дѣятельность земствъ не можетъ идти рука объ руку съ дѣятельностью Синода и министерства. Непонятнымъ тоже является утвержденіе, что расширеніе сѣти земскихъ школъ, съ увеличеніемъ соотвѣтственно расходовъ на нихъ, препятствуетъ дѣятельности въ томъ же направленіи правительства, такъ какъ и казна, и земства черпаютъ средства изъ того же населенія. Кругъ предметовъ обложенія земствъ весьма ограниченъ, причемъ главнымъ плательщикомъ земскихъ налоговъ является земля. Казна же можетъ имѣть много другихъ источниковъ дохода, кромѣ налога на землю. Такъ, всякіе виды подоходнаго налога легли бы на классы общества совершенно иные, чѣмъ крестьяне, разумѣется, къ облегченію послѣднихъ, что, повидимому, и желается. Поэтому утвержденіе, что дѣятельность земства и правитель-

ства на одномъ и томъ же поприщѣ неудобна, по моему, неправильно. Къ этому же выводу можно прійти на основаніи тѣхъ самыхъ разсчетовъ, которые относятъ 1.200,000 руб. земскаго сбора неземскихъ губерній къ расходамъ первой категоріи. Если бы дѣйствительно препятствіемъ для дѣятельности правительства являлась боязнь двойного или усиленнаго отягощенія классовъ населенія, живущихъ землей, то, очевидно, пришлось бы земскій сборъ на школы неземскихъ губерній отнести ко второй категоріи, а не къ первой. Очевидно поэтому, что главная разница не въ отягощеніи населенія, а въ томъ, что инициатива исходитъ отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, а не совсѣмъ сосредоточивается въ рукахъ правительства.

Также непонятнымъ является упрекъ земству, что оно немедленно употребляетъ на новыя нужды, въ томъ числѣ и школьныя, тѣ деньги, которыя освобождаются при принятіи казной на себя обязательныхъ земскихъ расходовъ. Поле дѣятельности для земствъ такъ велико, потребности населенія, коимъ служитъ земство, такъ мало удовлетворены, что и земство, да, вѣроятно, и само правительство иначе и не могутъ понимать сложеніе съ земства его платежнаго бремени, какъ возможностью для земства болѣе совершенно удовлетворять насущнымъ потребностямъ населенія, увеличивая такъ-называемые необязательные расходы. Обязать же земство непремѣнно сложить съ населенія суммы, принятыя на себя казначействомъ, можно не иначе, какъ запретивъ земству увеличивать сколько бы то ни было свои расходы, иначе всегда можно сказать, что новые расходы производятся благодаря дарованной льготѣ.

II.

Невольно задаешь себѣ вопросъ, зачѣмъ надо земскія школы ставить такъ отдѣльно отъ школъ министерскихъ и дѣлить наши школы на три, а не на двѣ категоріи—церковно-приходскія и министерскія? Земская школа тоже вѣдь вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Имѣя съ министерской школой одну программу, одинъ надзоръ, она тѣмъ самымъ гораздо ближе къ ней, чѣмъ церковно-приходская, имѣющая особую программу и особое управленіе. Разница же въ средствахъ, какъ мы видимъ, врядъ ли можетъ имѣть особо важное значеніе. Посмотримъ же, можно ли при желаемомъ объединеніи обойтись безъ земства? Оставлю въ сторонѣ вопросъ о средствахъ, такъ какъ правительство можетъ облагать и земли, какъ земство, и имѣть множество другихъ источниковъ дохода, а потому не затруднится расходовать на школы гораздо болѣе, чѣмъ расходуетъ земство.

Въ школьномъ дѣлѣ есть, кромѣ учебно-педагогической части, часть хозяйственная, въ настоящее время лежащая на земствѣ. Я хотя мало знакомъ съ неземскими губерніями, но знаю по отчетамъ, что врядъ ли въ неземскихъ губерніяхъ хозяйство школьное лучше земскаго. Да притомъ министерскія школы обходятся дороже земскихъ. Если бы министерство въ видахъ предполагаемаго объединенія захотѣло взять земскія школы въ свои руки, то ему вмѣсто одного инспектора на уѣздъ, а то и на два, на три уѣзда, пришлось бы имѣть чуть не школьную управу, передать же хозяйство въ волость—значитъ оставить школы безъ самаго необходимаго, напр. учебныхъ пособій. Слѣдовательно, такое мелочное, разбросанное дѣло, какъ школьное хозяйство, хорошо можетъ идти только въ рукахъ зем-

ства. Про церковно-школьное хозяйство я говорить не буду, такъ какъ до сихъ поръ средства, получаемыя отъ Синода собственно на народную школу, настолько малы, что проявить себя это хозяйство не могло. Хозяйство церковныхъ школъ далеко не обезпечено и потому часто ведется плохо.

Кромѣ денегъ, кромѣ хозяйства, школа нуждается въ постоянной поддержкѣ преданныхъ дѣлу людей. Такихъ людей школа имѣетъ благодаря земству. Земство привлекаетъ этихъ дѣятелей и оттолкнуть ихъ значило бы, можетъ быть, погубить дѣло. Затѣмъ есть еще сторона этого дѣла, чуть ли не самая важная. Это—устройство школы въ самомъ началѣ. Вѣдь очень немногія земства берутъ на себя всѣ безъ исключенія расходы по школамъ, начиная съ постройки и кончая всѣмъ содержаніемъ и ремонтомъ. Обыкновенно школа является результатомъ договора между земствомъ и крестьянами. Крестьяне строятъ зданіе, иногда съ ссудой отъ земства, крестьяне содержатъ сторожа, даютъ топку, иногда даже платятъ въ земство по столько-то съ души. Завести эти сношенія съ крестьянами, сглаживать шероховатости, что иногда береть много времени и хлопотъ, могутъ только люди, всецѣло предавшіеся дѣлу,—а таковыхъ, конечно, искать надо въ мѣстныхъ людяхъ, а не въ чиновникахъ. Мыслимо ли централизовать такое дѣло? Гдѣ нужно уступить крестьянамъ, гдѣ настоять—все это не могутъ сдѣлать чиновники, которые не могутъ выйти изъ рамокъ узкой регламентаціи. Если изъять школы изъ вѣдѣнія земства, то и при средствахъ дальнѣйшее развитіе дѣла несомнѣнно затормозится. Кромѣ крестьянъ, многіе изъ землевладѣльцевъ помогаютъ школамъ,—кто топкой, кто сторожемъ, кто пособіемъ учителю и т. д. Несомнѣнно, такой мѣстный человѣкъ скорѣе споется съ мѣстными же земскими людьми, чѣмъ съ инспекторомъ. Не стоитъ доказывать, какъ

отразилось бы на школьномъ дѣлѣ отсутствіе помощи со стороны всѣхъ этихъ добровольцевъ.

Наконецъ, земскія ставки, земская почта—все помогаетъ земству въ его задачѣ, облегчая ему сношенія управы со школами. Мы видимъ, какъ отсутствіе этихъ мелочей вредитъ хозяйству церковныхъ школъ. Да, наконецъ, въ церковныхъ школахъ есть завѣдующій священникъ, который можетъ уговорить прихожанъ помочь дѣлу такъ или иначе, наконецъ, можетъ удѣлить нѣсколько рублей на школу изъ церковныхъ денегъ. Не скоро такое вліяніе будетъ у насъ имѣть школьный учитель. Несомнѣнно, что если передать всѣ школы въ руки министерства, то вездѣ окажутся недостатки то того, то другого, а на пополненіе этихъ недостатковъ потребуется страшно тяжелая и продолжительная процедура.

Хотя трудно понять мотивы для пересмотра школьнаго законодательства, выдвигаемые сторонниками школьнаго объединенія, однако нельзя не привѣтствовать предложенія пересмотрѣть это законодательство, если, конечно, будутъ наилучшимъ образомъ использованы всѣ тѣ источники школьныхъ доходовъ, которыми можетъ школа пользоваться, и если привлечено будетъ къ школьному дѣлу какъ можно больше дѣятелей.

Во Франціи я понимаю школы разныхъ типовъ, потому что при свободѣ преподаванія различныя партіи могутъ имѣть различныя цѣли. Но въ Россіи, гдѣ партій нѣтъ, гдѣ всѣ вѣдомства могутъ стремиться только къ одной цѣли, разъединеніе школъ для меня, да и для многихъ, всегда составляетъ загадку. Если направленіе земскихъ школъ плохо, то надо ихъ закрыть; если, наоборотъ, въ церковныхъ школахъ плохо учатъ, то и ихъ надо закрыть. Всякій знающій наши школы скажетъ, что направленіе земскихъ школъ ничуть не разнится отъ на-

правленія церковныхъ (нельзя же единичные случаи обобщать), а также, что церковныя школы за пятнадцать лѣтъ своего существованія принесли всю пользу, какую можно было ожидать. Очевидно, поэтому, что закрывать, слава Богу, ничего не придется, объединеніе же ихъ было бы дѣйствительно полезно. Не думаю даже, чтобы такое объединеніе было такъ трудно, какъ оно многимъ кажется. Три вѣдомства участвуютъ въ работѣ школьной: духовное, министерство просвѣщенія и земство. Очевидно, каждое изъ нихъ имѣетъ на это свои права: духовное вѣдомство желаетъ и обязано слѣдить за религіозно-воспитательною частью; вѣдомство народнаго просвѣщенія по самому назначенію своему должно учить; земство, какъ хозяйственный органъ, хочетъ по праву завѣдывать школьнымъ хозяйствомъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Неужели нельзя на этой почвѣ согласиться и установить одну русскую начальную школу. Это тѣмъ болѣе необходимо, что теперешнее положеніе очень вредно отзывается именно съ точки зрѣнія финансовъ. Но на этой точкѣ зрѣнія, какъ я уже говорилъ, противопоставить слѣдуетъ не земскія школы двумъ типамъ правительственной, а церковную школу министерской и земской. Дѣйствительно, установилась между школой церковной и школой земской вражда, которая ведетъ не къ конкурренціи, что было бы полезно, а къ тому, чтобы другъ другу вредить. Эта вражда, развращающе дѣйствующая на населеніе, такъ глубоко пустила корни, что врядъ ли ее удастся вывести даже полнымъ примиреніемъ правящихъ сферъ. Съ финансовой же стороны дѣло обставлено плохо, потому что вслѣдствіе этой вражды часто средства тратятся совсѣмъ непроизводительно. Такъ, въ однихъ и тѣхъ же селахъ открываются двѣ школы различныхъ наименованій, когда это совсѣмъ не нужно, только потому, что ни тому, ни

другому не хочется отказываться отъ своей позиціи. Наконецъ, повсемѣстно двойной надзоръ не есть ли бросаніе денегъ на вѣтеръ? Я былъ свидѣтелемъ комической сцены, какъ инспекторъ, дружный съ наблюдателемъ, чтобы веселѣе было, объѣзжали школы вмѣстѣ: одинъ зайдетъ въ одну школу, другой въ другую—и отъѣзжаютъ опять вмѣстѣ. Думаю, что такое бросаніе кровныхъ русскихъ денегъ гораздо существеннѣе, чѣмъ тѣ неудобства, на которыя указываютъ теперь. Но, совершится ли объединеніе, нѣтъ ли, главное, мнѣ кажется, что нужно помнить, это то, что Россія страшно бѣдна людьми, и что поэтому людей надо привлекать всячески на великое дѣло народной школы, а не отталкивать тѣхъ, которые работаютъ. Народное образованіе такъ отстало, что нужны всѣ интеллигентные люди деревни: духовенство, земскіе люди, частные люди. Лучше сто разъ пускай дѣло идетъ какъ теперь, конечно, при бо́льшихъ средствахъ, чѣмъ оттолкнуть отъ школъ земство, столько и столь безкорыстно поработавшее на школьномъ поприщѣ.

Россія и школа.

Пора наконецъ сговориться и сговориться, не обманывая другъ друга, не надѣвая фарисейскихъ масокъ, не притворяясь, что мы чего-то хотимъ, когда хотимъ обратнаго. Пора сговориться: нужна Россіи школа или ненужна? «Чего онъ опять ломится въ открытую дверь?» спроситъ читатель. «Вѣдь никто же не говоритъ, что ненужна, а всѣ стремятся къ насажденію образованія низшаго, средняго и высшаго, общаго и спеціальнаго». А я все-таки повторяю свой вопросъ: нужна намъ школа или нѣтъ? Повторяю его

потому, что вижу удивительное противорѣчіе между словами и дѣломъ.

Говоря, что школа нужна, ей вовсе не придаютъ того значенія, которое ей подобаетъ, а соглашаются съ ея необходимостью, какъ бы поневолѣ, стыда ради; признаютъ нужду въ школахъ наряду со многими другими нуждами, проселочными дорогами, улучшенной сельской полиціей, портомъ въ Ледовитомъ океанѣ и проч. Многіе всему этому даютъ даже преимущество предъ школой. Въ усиленныхъ вопляхъ о школѣ видятъ преувеличеніе и даже сомнѣваются, такое ли ужъ она принесетъ съ собой счастіе. Какая тамъ, говорятъ, школа, когда ѣсть нечего? Надо впередъ заняться подъемомъ экономическаго благосостоянія, а тогда сама собой школа устроится. Великая ошибка! Вѣдь сколько о благосостояніи толкуютъ, чего-чего не дѣлаютъ, какіе опыты не производятся,—а страна все бѣднѣетъ и бѣднѣетъ.

Страшная иронія судьбы! Мы науки европейской боимся, боимся потерять свою самобытность, забывая, что наука одна и что, пересаженная на русскую почву, она несомнѣнно сдѣлается русскою. Съ другой стороны, насъ порабощаетъ иностранный капиталъ. Россія понемногу распродается иностранцамъ: всѣ выгодныя предпріятія созидаются на заграничныя деньги, всѣ доходы съ нихъ идутъ заграницу; намъ же великодушно предоставляютъ пустить на нихъ свою мускульную силу, причемъ и кормятъ-то насъ впроголодь. Это всѣ признаютъ. Но леченія предлагаютъ различныя: кто думаетъ, что насъ спасетъ парламентъ, кто проповѣдуетъ широкое самоуправленіе, кто бумажныя или серебряныя деньги, кто требуетъ сокращенія мужика. А спасеніе одно—образованіе. Говорятъ, что это—односторонній взглядъ. Посмотримъ.

Какія страны въ мірѣ богаты? Сѣверная Америка,

Англія, Германія, Франція, Бельгія. Гдѣ выше стоитъ образованіе (всякое: отъ низшаго до высшаго)? Опять тамъ же. Италія менѣе образована и бѣднѣе. Испанія еще диче и еще бѣднѣе. Неужели это не убѣдительно? Наконецъ, посмотримъ Японію; сравнимъ Японію Гончарова, когда сановники ея присѣдали на фрегатѣ «Паллада», которой не подпускали къ берегамъ, и Японію современную, съ десятью мужскими и двумя женскими университетами, съ поголовною грамотностью (по программамъ ихъ народныхъ школъ видно, что это—не простая грамотность), Японію, во многомъ конкуррирующую съ Европой (японцы пріѣзжали на Кавказъ въ прошломъ, 1898, году и пробовали помочь намъ добывать нефть, но дѣло, впрочемъ, не состоялось).

Неужели всего этого мало, чтобы убѣдиться, что благосостояніе—единственно и всецѣло продуктъ образованія?

Мнѣ скажутъ: да вотъ вы настроили школъ: вышло что изъ этого? Нѣтъ, ничего не вышло. Да развѣ же это школы? Вѣдь наши школы—и земскія и церковно-приходскія,—вѣдь это ужасно плохія школы. Напрашивается сравненіе. Человѣку жить не въ чемъ. Выкапываетъ канавы подъ фундаментъ, забиваетъ ихъ бутомъ, заливаетъ известкой и останавливается; а затѣмъ удивляется, что не въ чемъ ему жить. Такъ и мы съ грамотностью. Вѣдь грамотность средство, а не цѣль, средство развитія, а для насъ самое слово «развитіе»—пугало (вѣдь для многихъ развитіе—синонимъ, прости Господи, нигилизма). Да и грамотность-то какова? Грамотность безъ книги, которой доступъ въ деревню, кромѣ, впрочемъ, «Битвы русскихъ съ кабардинцами», затруднительнѣе, чѣмъ лодкѣ на Сѣверный полюсъ. Я лично выхлопатывалъ неоднократно право показывать народу туманныя картины и читать ему, да вѣдь одна процедура эта испугаетъ всякаго. А мы говоримъ про

школу: да вѣдь школа—это совокупность всего того, что можетъ вывести народъ изъ дикаго состоянія, а у насъ подъ школой подразумѣвается обученіе грамотѣ по букварю и Часослову, а дальше—ни-ни. Не фундаментъ ли это безъ зданія? Пожалуй, лучше и не тратиться на такую школу.

Съ другой стороны, у насъ говорятъ про перепроизводство интеллигенціи. Науки для науки у насъ никто не ищетъ. Кончилъ курсъ—дай окладъ въ 2,000 р. А въ Америкѣ студентъ учится зиму, а лѣтомъ извозчикомъ, а черезъ пять лѣтъ инженеромъ, а при случаѣ опять извозчикомъ,—и это считается нормальнымъ. Попади у насъ юристъ въ волостные писаря,—да всѣ газеты про него протрубятъ, да еще земскій начальникъ не возьметъ, а коль возьметъ, такъ установится за нимъ особый надзоръ. А, съ другой стороны, можетъ ли быть волостной писарь не юристъ?

Страхъ предъ образованіемъ у насъ удивителенъ. Много семинаристовъ, окончившихъ по второму разряду, стремится въ духовныя академіи на свой счетъ. Такъ нѣтъ же—мѣстъ нѣтъ. А вѣдь не Богъ вѣсть чего это стоитъ. Профессору читать что 40 человѣкамъ, что 100—все равно. Только бы стѣны пораздвинуть. То же и въ Академіи генеральнаго штаба: желающихъ поступить втрое больше, чѣмъ вакансій, а вѣдь всѣ ученые военные признаютъ, что научныя требованія, которыя должны предъявляться къ офицеру, съ каждымъ годомъ возрастаютъ.

Денегъ нѣтъ! слышится отовсюду, разъ заговоришь о школѣ. Да неужели это правда? Бюджетъ растетъ непомѣрно. Расходуются деньги сотнями милліоновъ на предпріятія, могущія принести доходъ только въ далекомъ будущемъ. А на школу нѣтъ? Впрочемъ, если бы дѣйствительно это было дѣло денегъ, то почему бы затруднять

мѣстную и частную иниціативу? Зачѣмъ стѣснять, а не расширять программы? Зачѣмъ все регламентировать и тѣмъ тормозить развитіе? Нѣтъ, дѣло не въ деньгахъ.

Дѣло въ свѣтобоязни. Мы боимся культурой европейской стереть свою національность, а національность наша только при свѣтѣ науки можетъ быть свѣточемъ міру.

Во имя народности мы губимъ народность, отдавая Россію на съѣденіе иностранному капиталу, который, дѣйствительно заполонивъ Россію, не даетъ развиться ея чуднымъ богатырскимъ силамъ. Японія показала, что подняться можно скоро. Неужели мы, оберегая свѣтъ нашей самобытности отъ всякаго дуновенія извнѣ, обречемъ его погаснуть въ подвалѣ отъ недостатка воздуха?

Наконецъ говорятъ, что это долгій путь, что только второе или третье поколѣніе дастъ намъ ту культурную среду, отъ которой можно ожидать практической пользы. Я такъ думаю, что стоитъ Россіи сдѣлать шагъ въ этомъ направленіи, но шагъ рѣшительный, безповоротный, какъ весь міръ встрепенется. Если спитъ великанъ, къ его покою привыкаютъ; но сдѣлай онъ движеніе, показывающее, что онъ собирается проснуться,—и все перемѣнится. Да, наконецъ, въ самой Россіи былъ бы такой подъемъ духа, что перестали бы говорить о безлюдьѣ. Дайте только работать—работники найдутся.

Да въ чемъ же величіе Россіи? Почему мы дорожимъ ея національностью? Потому, что вѣримъ, что ей суждено показать міру, какъ идеалы братства, Христомъ данные,—идеалы, про которые говорилъ Достоевскій,—могутъ быть осуществлены, будучи сильнѣе американскихъ трестовъ и ротшильдовскихъ банковъ. Боже упаси насъ отъ зарытія этого великаго таланта!

Письмо С. Ѳ. Шарапову.

Никакъ не пойму разницы, которую вы дѣлаете между отрицательной и положительной стороной политическихъ воззрѣній. Давно говорится, что критика легка; поэтому не велика заслуга наша съ вами, когда мы критикуемъ настоящее положеніе: достаточно немного наблюдательности, чтобы придти къ однимъ и тѣмъ же результатамъ отрицательнымъ. Другое дѣло положительная сторона. Вѣдь политика не медицина, гдѣ все дѣло въ діагнозѣ, а прописать рецептъ можно по «Календарю для врачей». Когда съ вами бесѣдуешь, поневолѣ начнешь говорить въ притчахъ: ужъ очень ваша-то рѣчь образна! Выслушайте же мою притчу.

Передъ нами громадный запущенный яблочный садъ. Мы лѣземъ съ своими—увы,—непрошенными совѣтами. Выходите вы и говорите: «Садъ плохо обрабатывается потому, что работники плохи, а хороши они будутъ, когда работать будутъ мѣстные люди, дорожащіе садами, а не наемные рабочіе, заботящіеся о полученіи жалованья» (самоуправленіе и бюрократія). Затѣмъ главное зло практическое вы видите въ недостаткѣ удобренія и все твердите: «Кладите больше навозу къ яблонямъ, безъ навозу онѣ совсѣмъ пропадутъ». (Кредитъ и бумажныя деньги,—сравненіе сихъ послѣднихъ съ навозомъ у меня вышло не преднамѣренное). Это вы называете совѣтомъ положительнымъ. Затѣмъ и я говорю: «Работники-то, конечно, мѣстные будутъ лучше—я съ вами согласенъ,—но вѣдь это не все; садъ плода не даетъ потому, что дикъ: надо больше прививать: только привитое дерево даетъ плодъ, а непривитое никуда не годится. Да и навозъ не поможетъ, потому что заграницей

уже давно навоза не кладутъ къ яблонямъ—онъ хорошъ для ржи, а къ яблонямъ кладутъ костяную муку».

Притча ясна: нужна школа, а бумажныя деньги насъ не спасутъ.

Почему же вы не хотите видѣть, что мой совѣтъ положителенъ не менѣе вашего? Вы говорите, что цифры кричатъ, а я не хочу къ нимъ прислушиваться. А исторія не кричитъ? Кричитъ, и кричитъ вотъ что: самыми богатыми странами являются страны съ наивысшей культурой. Переберите ихъ всѣ, не исключая Соединенныхъ Штатовъ и Японіи, и вы поневолѣ со мною согласитесь. Не будете же вы утверждать, что культура ихъ явилась результатомъ богатства. Вѣдь латинская поговорка недаромъ говоритъ, что «сытый желудокъ неохотно учится», недаромъ же ей отвѣчаетъ и русская, что «голь на выдумки хитра». Такъ дайте же нашей голи выдумывать, а для этого позвольте думать, не мѣшайте учиться. Только не мѣшайте—и то будетъ хорошо.

Не отвѣчайте мнѣ примѣрами изъ прошлаго. Прежде американцы могли за боченокъ вина купить у краснокожихъ столько земли, сколько въ три дня проскачешь, да и у насъ было 13 милліоновъ жителей, гдѣ теперь 130 милліоновъ. А теперь спорятъ о владѣніи какимъ-то Мѣдвѣжьимъ островомъ. Вотъ она дѣйствительная-то голь,—и ясное дѣло, что время пришло ей выдумывать.

Что вы подразумѣваете подъ кричащими цифрами? Если вы говорите про разоренье всѣхъ нашихъ сословій, то это настолько очевидно, что съ вами всѣ согласны, и никто къ вамъ кромѣ благодарности за послѣдовательныя и живописныя картины, цифрами подкрѣпленныя, не чувствуетъ. Если же вы говорите про діагнозъ и про леченіе болѣзни, то позвольте съ вами не согласиться. Причину разоронія вы видите исключительно въ перемѣнѣ финан-

совой политики со временъ Е. И. Ламанскаго, а я—главнымъ образомъ въ дикости нашей и отчасти въ расходованіи государственныхъ богатствъ непроизводительно. Соотвѣтственно расходимся мы и въ леченіи.

Нужно ли въ Тифлисѣ высшее учебное заведеніе?

Двадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1880 г.) тифлисскимъ городскимъ управленіемъ образованъ капиталъ въ сто тысячъ рублей на открытіе высшаго учебнаго заведенія. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ поднимался неоднократно. Два или три года тому назадъ исполненіе этой мечты казалось близкимъ. Говорятъ, что дѣло стало за отсутствіемъ сочувствія со стороны кавказскаго учебнаго округа. Между тѣмъ съ какой стороны ни взглянуть на это дѣло безпристрастными глазами—отвѣтъ можетъ быть только одинъ: да, высшее учебное заведеніе въ Закавказьѣ не только желательно, но и необходимо.

Первое и на видъ самое основательное возраженіе таково: конечно, и въ Тифлисѣ нужно высшее учебное заведеніе, но пора намъ подумать прежде о нашемъ обездоленномъ центрѣ. Политехникумы открыты недавно въ Варшавѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, Екатеринославѣ, а въ Нижнемъ, Екатеринбургѣ, Саратовѣ нѣтъ. Все окраины, да окраины; пора и о себѣ подумать. Конечно, жалко, что нѣтъ политехникума въ Нижнемъ и сельскохозяйственнаго института въ Саратовѣ; но врядъ ли это доводъ противъ Тифлиса. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что высшее учебное заведеніе въ Тифлисѣ будетъ полезно не только самому Закавказью, но и центру. Только тогда съ этой окраины Россія будетъ имѣть выгоду, когда производи-

тельность ея поднимется. Брать можно тогда, когда есть что взять. Теперь же эксплоатація несмѣтныхъ богатствъ Кавказа въ зачаточномъ состояніи. Разрабатывается въ значительныхъ размѣрахъ только бакинская нефть и чіатурскій марганецъ, и то хищническимъ образомъ, въ особенности послѣдній. Всѣ же остальныя богатства пока лежатъ втунѣ. Одинъ перечень ихъ покажетъ, насколько велика потребность въ ихъ разработкѣ: каменный уголь, мѣдь, желѣзо, глауберова соль, серебро, свинцовыя руды, кобальтъ, каменная соль, цинкъ, мраморъ,—все ждетъ почти въ нетронутомъ состояніи своего часа. А для этого необходимо развитіе техники, притомъ—мѣстной. Кавказъ представляетъ изъ себя цѣлый міръ ископаемыхъ богатствъ. Поэтому разсчитывать на достаточный приливъ русскихъ техниковъ нельзя: они и въ Россіи нужны, при быстромъ ростѣ ея добывающей и обрабатывающей промышленности.

То же можно сказать о сельскомъ хозяйствѣ на Кавказѣ. Не говоря о воздѣлываніи обычныхъ въ Россіи растеній—кукурузы, пшеницы, ячменя, проса, гречи—здѣсь превосходныя условія для воздѣлыванія такихъ цѣнныхъ растеній, какъ рисъ и хлопокъ, для разведенія чудныхъ фруктовыхъ садовъ и винограда; здѣсь неисчислимыя лѣсныя богатства—и при всемъ томъ сельское хозяйство не только не прогрессируетъ, но регрессируетъ.

Такъ въ восьмидесятыхъ годахъ вывозъ хлѣба изъ Закавказья доходилъ до семи милліоновъ пудовъ; теперь же вывозъ сократился и, наоборотъ, ввозится до трехъ милліоновъ пудовъ муки. Скотоводство могло бы быть въ такомъ же положеніи, какъ и въ Швейцаріи, между тѣмъ стоитъ посмотрѣть на здѣшній скотъ, чтобы убѣдиться, какъ низко стоитъ эта отрасль хозяйства. По климатическимъ условіямъ Кавказъ могъ бы снабжать не только Россію, но и всю Европу лучшими фруктами; въ дѣйстви-

тельности же, мѣстное садоводство поражаетъ какъ низкимъ качествомъ массоваго производства, такъ и ничтожествомъ его размѣровъ. Виноградарство и винодѣліе тоже далеки отъ блестящаго состоянія. Такъ десятина даетъ, въ среднемъ, 120 ведеръ плохого вина, вмѣсто 500—хорошаго вина, получаемаго на такомъ же пространствѣ во Франціи. О лѣсномъ хозяйствѣ достаточно сказать, что я самъ видѣлъ въ Батумѣ на Ротшильдовскомъ заводѣ, занимающемся отправкой керосина за границу, какъ ящики дѣлались изъ привознаго лѣса, и это при наличности колоссальныхъ лѣсныхъ богатствъ на Черноморскомъ побережьѣ, въ Ленкоранскомъ уѣздѣ и во многихъ другихъ частяхъ края.

Двѣ отрасли хозяйства, правда, поднялись значительно, благодаря трудамъ министерства земледѣлія—это шелководство и хлопководство. Но неужели можно ограничиться скромнымъ бюджетомъ этого министерства, безъ призыва къ самодѣятельности самого населенія?

Врядъ ли стоитъ настаивать на томъ, что, будь въ Тифлисѣ политехникумъ съ горнымъ и сельскохозяйственнымъ отдѣленіями, всѣ эти отрасли горнаго и сельскаго хозяйствъ поднялись бы до такого уровня, котораго и предвидѣть нельзя. Тогда, и только тогда, Россія могла бы извлекать изъ Кавказа тѣ выгоды, которыхъ можно было ожидать отъ покоренія этой богатой окраины.

Второе возраженіе мы слышали слѣдующее: Кіевъ далъ милліонъ, Варшава тоже дала милліонъ. Тѣ же суммы, о которыхъ говорится, когда рѣчь идетъ о Тифлисѣ, далеко не составляютъ милліона. Посмотримъ, что дано въ дѣйствительности: разные города и учрежденія Кавказа собрали единовременно 240 тысячъ рублей и постановили вносить ежегодно по 60 тысячъ, изъ коихъ 30 тысячъ городъ Тифлисъ, 2 тысячи Батумъ, одну тысячу Кутаисъ и 17

тысячъ бакинскіе нефтепромышленники. Не хочу останавливаться на предположеніи, что эти обѣщанія не будутъ исполнены: вѣдь этимъ дѣломъ не шутили, и думать, что эти учрежденія откажутся отъ своего слова, значитъ наносить имъ напрасное оскорбленіе. Въ Кіевѣ и Варшавѣ мы слышали про милліонъ единовременнаго взноса, про ежегодныя же пособія мы не слыхали. Между тѣмъ, капитализируя 50 тысячъ, мы получимъ тотъ же милліонъ. Наконецъ, почему мы знаемъ, до чего доросла бы сумма пожертвованій, если бы всякіе разговоры о высшемъ учебномъ заведеніи на Кавказѣ не были сразу пріостановлены неблагопріятнымъ, въ принципѣ, отзывомъ учебнаго начальства. Въ Кіевѣ, какъ только разговоръ объ этомъ возникъ, сейчасъ же былъ организованъ комитетъ, и ужъ тогда посыпались новыя пожертвованія, дошедшія до милліона. Въ Варшавѣ милліонъ сразу былъ собранъ подъ вліяніемъ чувствъ, охватившихъ населеніе при посѣщеніи края Государемъ Императоромъ. Есть твердыя основанія не только предполагать, но и утверждать, что и въ Тифлисѣ сумма единовременныхъ жертвъ, можетъ быть, и перегнала бы таковыя въ Кіевѣ и Варшавѣ, встрѣть самая мысль о политехникумѣ сочувствіе правящихъ сферъ и будь организованъ соотвѣтствующій комитетъ.

Перехожу къ третьему возраженію, самому опасному для дѣла, хотя и не выдерживающему ни малѣйшей критики: не выйдетъ ли этотъ политехникумъ центромъ для сепаратистской пропаганды армянъ. Слова дѣйствительно страшныя для всякаго русскаго, желающаго, чтобы была одна нераздѣльная Россія. Но соотвѣтствуютъ ли они дѣйствительности? Прежде всего обратимся къ возможному составу учащихся. Въ 1898 году въ кавказскомъ учебномъ округѣ кончило гимназіи и реальныя училища, какъ видно изъ отчета попечителя учебнаго округа, 361 человѣкъ,

число ежегодно увеличивающееся. Изъ нихъ оказывается 187 русскихъ, 100 грузинъ, татаръ и другихъ національностей и лишь 74 армянина; другими словами 52 проц. русскихъ, 28 проц. грузинъ и пр. и 20 проц. армянъ. Спрашивается: не будетъ ли политехникумъ армянскій, или наоборотъ: послужитъ ли онъ къ обрусѣнію края? Очевидно, что именно съ цѣлью обрусѣнія Кавказа и надо торопиться его открытіемъ. Теперь обратимся къ составу этихъ гимназистовъ. Армяне болѣе состоятельный классъ и потому образованіе все равно получатъ или въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, или даже заграницей, чему много примѣровъ. Русскіе же, дѣти чиновниковъ, и грузины,— помѣщики, люди въ большинствѣ случаевъ бѣдные, часто не имѣющіе возможности достигнуть высшаго образованія гдѣ бы то ни было и увеличивающіе въ другихъ университетахъ число студентовъ пролетаріевъ. Для нихъ, а не для богатыхъ армянъ, нужно высшее учебное заведеніе на Кавказѣ.

Затѣмъ трудно понять, какъ говорятъ о сепаратистскихъ тенденціяхъ высшаго учебнаго заведенія, гдѣ и начальство, и профессора были бы русскіе. Англія, Франція, Германія дорожатъ правомъ, когда онѣ могутъ его добиться, открыть учебное заведеніе на Востокѣ. Это средство пропаганды англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ идей; а мы, говоря объ обрусѣніи, добровольно отказываемся отъ лучшаго и самаго вѣрнаго къ тому средства!

Есть много другихъ доводовъ въ пользу разсматриваемаго мною проекта, а противъ него ни одного дѣйствительно неотразимаго. Не могу не высказать еще слѣдующихъ соображеній.

Закавказье настолько отличается отъ Европейской Россіи своимъ климатомъ, что посылать на Сѣверъ всѣхъ здѣшнихъ туземцевъ часто безчеловѣчно и равнозначуще

полному лишенію ихъ высшаго образованія. Вчера [1]) я говорилъ съ однимъ юношей, окончившимъ курсъ гимназіи и годъ пробывшимъ на Сѣверѣ въ одномъ изъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Онъ со слезами на глазахъ разсказывалъ, что доктора его посылаютъ обратно на Кавказъ подъ угрозою чахотки. И такихъ юношей, частью лишенныхъ высшаго образованія, частью умирающихъ на Сѣверѣ, можно назвать много. Неужели и этого не надо принимать во вниманіе?

А сколько русскихъ съ радостью переселились бы учиться на Кавказъ, въ климатѣ менѣе опасномъ для лицъ, не одаренныхъ здоровьемъ и крѣпкими легкими? Мало ли у насъ испытыхъ студентовъ, которые, небось, думаютъ: а кабы было учебное заведеніе на Югѣ, мы бы не рисковали получать чахотку, чтобы дотянуть нашъ четырехлѣтній курсъ. И для нихъ это было бы великое счастье.

А сколько русскихъ чиновниковъ, бѣгущихъ съ Кавказа, несмотря на лучшія въ матеріальномъ отношеніи условія службы, только потому, что не хотятъ разставаться съ сыномъ на такое разстояніе, при которомъ письмо доходитъ черезъ недѣлю? Неужели страхъ передъ несуществующимъ распространеніемъ армянскаго сепаратизма можетъ пересилить заботы о тысячахъ русскихъ чиновниковъ, какъ-никакъ укрѣпляющихъ русское вліяніе на Кавказѣ.

Нѣтъ, съ какой стороны ни смотрѣть на дѣло, нельзя не придти къ убѣжденію, что чѣмъ болѣе мы медлимъ съ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе вредимъ главной нашей задачѣ — обрусѣнію края.

Этимъ я, думаю, доказалъ безопасность, полезность и даже необходимость высшаго учебнаго заведенія въ Тифлисѣ. Говоря о таковомъ, я имѣлъ въ виду политехникумъ,

[1]) Статья напечатана 26 марта 1900 г.

во-первыхъ, потому, что больше шансовъ на открытіе спеціальнаго заведенія, нежели университета; во-вторыхъ, потому, что польза его осязательнѣе, такъ какъ заключается въ лишнихъ рубляхъ, которые перепадутъ не только жителямъ нашей окраины, но и метрополіи.

Но вовсе я этимъ не хотѣлъ сказать, чтобы надо было учреждать непремѣнно политехникумъ, а не университетъ. Наоборотъ, если бы предстояло выбрать одно изъ двухъ, то, по-моему, слѣдовало бы остановиться именно на заведеніи общеобразовательномъ. Меньше этимъ достигались бы цѣли обогащенія, но главная наша задача въ настоящее время—задача обрусѣнія края—несомнѣнно скорѣе была бы рѣшена именно такъ.

Начну съ юридическаго факультета и постараюсь какъ можно осязательнѣе показать ту пользу, которую онъ бы принесъ. Нравы кавказскіе совершенно не похожи на нравы русскіе. Въ особенности это касается взглядовъ мусульманъ на обязанности. То, что у нихъ считается доблестью, то у насъ является тяжелымъ преступленіемъ. Я, конечно, говорю о мести и сопряженныхъ съ нею убійствахъ. Врядъ ли кто будетъ оспаривать то положеніе, что отъ мести татары и горцы откажутся тогда, когда они этику мусульманскую перемѣнятъ на этику христіанскую. Скоро это сдѣлаться не можетъ и, очевидно, можетъ быть достигнуто только путемъ школы. Но ждать этого, конечно, нельзя. Пока измѣнится ихъ міровоззрѣніе, нужно принять немедленно мѣры къ тому, чтобы жить было возможно и безопасность личности была ограждена. Для этого учрежденъ судъ на общихъ съ Россіей основаніяхъ. Понятно, что когда туземецъ видитъ, что за убійство вѣшаютъ или ссылаютъ на каторгу, онъ получаетъ представленіе, что убивать дурно. Другого дѣйствительно воспитательнаго

средства въ настоящее время не примѣняется. Тѣмъ важнѣе является вопросъ о томъ, какъ поставленъ судъ.

Что бы сказали въ Россіи, если бы составъ суда, въ томъ числѣ и прокуроръ съ защитникомъ, состоялъ изъ глухихъ? Привели бы человѣка, знающаго азбуку глухонѣмыхъ, и онъ сталъ бы знаками передавать суду то, что говорятъ обвиняемые и свидѣтели. Думаю, что такой судъ не удовлетворилъ бы потребностямъ правосудія. Не то ли же самое ежедневно повторяется здѣсь, когда судъ не можетъ иначе сноситься съ обвиняемыми, какъ черезъ переводчика? Но дѣло стоитъ еще хуже. Глухіе судьи въ Россіи, понявъ знакъ переводчика, знали бы, въ чемъ дѣло, потому что имъ знакомы обычаи и жизнь подсудимыхъ. Здѣсь и этого нѣтъ. Судья, пріѣхавшій изъ Рязани, понятія не имѣющій о здѣшнихъ нравахъ и о побужденіяхъ обвиняемаго поступить такъ или иначе—въ худшемъ положеніи, чѣмъ предполагаемый нами глухой судья.

Чего ожидать отъ этого суда? Переводчикъ, переиначающій показанія; судья, которому чужда психологія обвиняемаго; обвиняемый, не знающій, чего отъ него требуютъ—что изъ этого получится, какъ не полнѣйшій сумбуръ? Спорный вопросъ: что лучше для края, судъ ли по уставамъ Александра II или судъ по адатамъ, т. е. мѣстнымъ, вполнѣ опредѣленнымъ обычаямъ (не такъ, какъ въ нашихъ волостныхъ судахъ). Но, во всякомъ случаѣ, разъ судъ русскій здѣсь почти введенъ повсемѣстно, назадъ идти нельзя. Но приспособить этотъ судъ къ мѣстнымъ условіямъ, образовать контингентъ судей, знающихъ языкъ и обычаи края, можно. Такова была бы благодарная задача тифлисскаго юридическаго факультета.

Тутъ часть оканчивающихъ состояла бы изъ туземцевъ, знающихъ родной языкъ и обычаи и вмѣстѣ съ тѣмъ усвоившихъ русскую культуру, часть, и притомъ большая,

судя по проценту оканчивающихъ курсъ, изъ русскихъ, тоже ознакомившихся съ мѣстными условіями, а можетъ быть и языкомъ. Только тогда можно будетъ смотрѣть на судъ, какъ на дѣйствительный проводникъ русскаго вліянія въ краѣ. Только тогда судъ пріобрѣтетъ значеніе не только карательное, но и воспитательное.

Перейду къ другому факультету—медицинскому. Лечить животныхъ мнѣ, да и многимъ другимъ, казалось всегда гораздо труднѣе, чѣмъ людей. Стоитъ лошадь опустивъ голову, корма не ѣстъ. Какъ опредѣлить ея болѣзнь ветеринару? Очень часто они ошибаются, навѣрное. Вѣдь не скажетъ животное, что, гдѣ и какъ болитъ. Такимъ же образомъ изъ врачей чаще всего долженъ затрудняться діагнозомъ дѣтскій врачъ. Плачетъ ребенокъ, кричитъ, а что болитъ — не говоритъ. Приходится врачу судить по шаткимъ признакамъ: отмахивается ребенокъ около уха, точно муху прогоняетъ—значитъ воспаленіе уха. Часто, думаю, и они ошибаются. Наконецъ, всякій врачъ, со скамьи университетской попадающій въ земство, чувствуетъ неудобство разговаривать съ паціентами изъ крестьянъ, потому что они сплошь да рядомъ употребляютъ мѣстныя выраженія: сердце болитъ — значитъ подъ ложечкой; крешки болятъ, — и тому подобныя выраженія, сначала, пока они не выучатъ этого языка, очень ихъ смущаютъ.

Въ гораздо большей степени должны затрудняться врачи, пріѣхавшіе изъ Россіи и попавшіе въ какой-нибудь Шаруро-Даралагезскій уѣздъ. Имъ тоже приходится, чтобъ опредѣлить болѣзнь, смотрѣть, не треть ли паціентъ уха. Какъ тутъ лечить? И какое, спрашивается, довѣріе къ такому врачу будетъ имѣть мѣстное населеніе. Врачъ при низкой культурѣ населенія долженъ не только быть хорошимъ врачомъ, но и пріобрѣсти довѣріе паціентовъ.

Ясно, что такового можетъ добиться только человѣкъ, знающій языкъ.

Разсчитывать на туземцевъ, обучившихся въ Россіи, нельзя, потому что, какъ мы видѣли, ихъ очень мало. Многіе, по недостатку средствъ и по невозможности перенести климатъ Россіи, не дотягиваютъ до конца. Изъ тѣхъ же, которымъ это удалось и которые акклиматизировались на Сѣверѣ, многіе предпочитаютъ остаться тамъ, такъ какъ условія жизни и практики лучше. Вотъ почему такъ страдаетъ на Кавказѣ медицинская часть. Ясно, что помочь дѣлу могъ бы только медицинскій факультетъ тифлисскаго университета.

Я пока остановлюсь на этихъ двухъ факультетахъ. Несомнѣнно, полезенъ бы былъ и филологическій факультетъ съ восточнымъ отдѣленіемъ. Населеніе Кавказа столь разнообразно, говоритъ на столькихъ различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, что необходимы люди, которые бы занялись этнографическимъ изученіемъ края и изслѣдованіемъ мѣстныхъ языковъ. Теперь же, хотя и есть сочиненія по этимъ отраслямъ кавказовѣдѣнія, но они далеко не удовлетворяютъ потребности. Впрочемъ, это въ сравненіи съ предыдущими факультетами далеко не такъ важно.

Нелишнимъ, конечно, былъ бы и математическій факультетъ съ его двумя отдѣленіями по связи его съ предметами, проходящимися въ техническихъ заведеніяхъ, но и безъ него обойтись можно. Юридическій и медицинскій факультеты, наиболѣе практическіе, наиболѣе нужные и ими пока ограничивается Томскій университетъ, менѣе нужный, чѣмъ тифлисскій, по большему сходству сибирскихъ нравовъ съ русскими, чѣмъ кавказскихъ.

Тѣмъ, что я сказалъ, далеко не исчерпывается та польза, которой можно ожидать отъ юридическаго и медицинскаго факультетовъ. Начну съ частнаго примѣра.

Главный видъ преступленій на Кавказѣ—это убійство и нанесеніе тяжелыхъ ранъ. Совершенно справедливо приписывается это, между прочимъ, обычаю населенія ходить вооруженными. Русскій, когда разсердится, ударитъ товарища кулакомъ или палкой; южанинъ, притомъ гораздо болѣе горячій, хватается за кинжалъ. Въ результатѣ трупъ или смертельная рана. Часто говорили о томъ, что надо обезоружить населеніе, но каждый разъ приходилось отказаться отъ этой мѣры. Оружіе—часть одежды туземца, и обезоружить населеніе значитъ оскорбить его, нарушивъ его исконные обычаи. Съ другой стороны, это не такъ легко сдѣлать: вѣдь мало приказать. Да, наконецъ, у разбойниковъ, которыхъ прежде всего надо бы обезоружить, останется оружіе, а отнимется только у мирныхъ гражданъ.

Очевидно, что надо добиваться не обезоруженія, а разоруженія, т. е. чтобы само населеніе отказалось отъ обычая носить кинжалы. Очевидно также, что обычный уѣздный или участковый начальникъ этого не добьется ни приказаніями, ни уговорами. На Кавказѣ имѣлъ мѣсто такой случай. Участковымъ начальникомъ случайно былъ назначенъ молодой человѣкъ изъ мѣстныхъ дворянъ, получившій высшее образованіе. Онъ всей душой отдался службѣ на пользу родного края и вскорѣ пріобрѣлъ громадное вліяніе въ участкѣ. Между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на пользу, которую извлекло бы населеніе, брось оно обычай носить оружіе. Но сразу и онъ ничего сдѣлать не могъ. Тогда онъ сталъ уговаривать крестьянъ составлять приговоры, коими запрещено было бы носить оружіе молодымъ людямъ въ возрастѣ сначала 25, а затѣмъ до 30 лѣтъ. И этого онъ добился не угрозами, а убѣжденіями, доказавъ, что совѣты его направлены на благо самого же населенія.

Съ одной стороны, ему вѣрили, потому что въ немъ видѣли своего и не чуждались его. Съ другой — образованіе дало ему ту силу, благодаря которой онъ могъ пріобрѣсти вліяніе на родинѣ. Этимъ путемъ, и только этимъ путемъ, можно дѣйствовать, когда хотятъ видѣть плоды не столько быстрые, сколько прочные. Только такъ можно насадить на Кавказѣ русскую культуру. Не насильно, не висѣлицами и каторгами, а убѣжденіемъ и преимуществомъ высшей культуры надъ низшей.

Поэтому и нужно, чтобы низшія административныя мѣста были заняты туземцами не полудикими, какъ бывало, которые содѣйствовали часто укорененію зла, а образованными, т. е. прошедшими русскій университетъ. Русскій кандидатъ университета бѣжитъ изъ деревни, потому что ему въ Петербургѣ лучше. Здѣшній бѣжать не будетъ. Мѣстныя условія, климатическія и другія, настолько разнятся отъ петербургскихъ, что туземецъ, прошедшій тифлисскій университетъ и не переѣзжавшій никогда Кавказскихъ горъ, тутъ и останется и посвятитъ свою жизнь своему же родному краю.

Недавно разбойники остановили проѣзжаго и, увидавъ, что это офицеръ русскій, извинились и ускакали. Это ли не доказываетъ, какъ велико обаяніе русской власти на Кавказѣ и какъ охотно Кавказъ принялъ бы русскую культуру, пожелай мы ее прививать такъ, какъ слѣдуетъ.

А слѣдуетъ и можно ее прививать только тѣмъ путемъ, о которомъ я говорю.

Еще разъ вернусь къ возраженію, котораго я ожидаю. Да чѣмъ вы гарантируете, что въ Тифлисѣ университетъ будетъ русскій, а не армянскій? что культура будетъ русская, а не антирусская? что мѣра эта послужитъ къ обрусѣнію Кавказа, а не къ отчужденію его отъ Россіи? На это отвѣтомъ пусть служатъ опять знаменательныя

цифры, о которыхъ я уже говорилъ: въ кавказскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ кончаетъ курсъ 52 проц. русскихъ, 28 проц. грузинъ, татаръ и другихъ инородцевъ и всего 20 проц. армянъ. Это ли не убѣдительно? Да, наконецъ, въ чьихъ рукахъ будетъ университетское начальство, какъ не въ русскихъ? И отъ кого будетъ зависѣть то или другое направленіе? Это простой вопросъ такта, и не обидно ли намъ—русскимъ—до такой степени не вѣрить въ себя?

Итакъ что же нужно: политехникумъ или университетъ? И то, и другое. Да, несомнѣнно, на благо нашего же центра, нужно и то, и другое.

Да будетъ ли кому учиться? Будетъ, скажемъ мы. Если теперь кончаетъ курсъ на Кавказѣ 400 человѣкъ, то несомнѣнно, что это число ежегодно будетъ увеличиваться. Съ моей привычкой на каждаго подростка смотрѣть, какъ на ученика, я былъ пораженъ съ перваго дня пріѣзда въ Тифлисъ массой учащихся на улицахъ; съ шести до двадцатилѣтняго возраста всѣ учатся: и мальчики, и дѣвочки, всѣ бѣгутъ въ мундирахъ, формахъ, съ ранцами, съ книгами, завязанными въ ремни... Просто глазъ радуется. Хоть сейчасъ начинай строить и то, и другое—учащихся хватитъ, что бы кто ни говорилъ.

А средства? Со стороны казны на оба заведенія нужно 200 тысячъ въ годъ, и то не сразу. Даже если мы не признаемъ, что эти деньги вернутся въ скоромъ времени въ видѣ нефти, марганца, мѣди, риса, шерсти, вина, то нельзя ли удѣлить эти 200 тысячъ изъ 2 милліоновъ, назначенныхъ недавно на новую земскую стражу на Кавказѣ? Слова ропота не услышитъ никто, если деньги эти взять съ кавказской же земли.

Не это ли важнѣйшая наша государственная задача на богатой, но полудикой окраинѣ?

СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ ПОЛИТИКИ.

Христіанство и язычество[1]).

Когда читаешь и слышишь, какъ Спаситель послѣ воскресенія Своего привѣтствовалъ учениковъ Своихъ словами: «Миръ вамъ», невольно возникаетъ сомнѣніе, христіане ли мы въ томъ смыслѣ, въ какомъ должны бы быть, если бы слѣдовали безъ разсужденія заповѣди новаго завѣта о любви къ ближнему. Невольно хочется проникнуть сквозь завѣсу неизвѣстности, облекающую предстоящую Гаагскую конференцію. Хочется вѣрить, что не однимъ разговоромъ кончится она. Неужели не видна связь между заповѣдью о любви къ ближнему и привѣтствіемъ «миръ вамъ» съ одной стороны и давнишнимъ стремленіемъ къ миру человѣчества и призывомъ къ нему Русскаго Царя—съ другой.

Два тысячелѣтія христіанство борется съ язычествомъ и мало-по-малу человѣчество приближается къ торжеству Христовой заповѣди: «Любите другъ друга». Я говорю, что христіанство борется съ язычествомъ, потому что нельзя же признать, что христіанство торжествуетъ, когда во имя Христа преступаютъ Его величайшіе завѣты.

---

[1]) Напечатано въ апрѣлѣ 1899 г.

Когда распространялось христіанство? Когда оно было чисто отъ языческихъ вліяній. Шли апостолы и ученики ихъ, безъ войскъ, безъ оружія, безъ висѣлицъ, и обращали тысячи и милліоны людей, раскрывъ имъ то, что уже искони таилось въ нихъ. Слышалъ римлянинъ, галлъ, готѳъ, а впослѣдствіи и славянинъ, что надо любить ближняго и врага, какъ самого себя, и, почувствовавъ отзвукъ проповѣди этой въ самомъ себѣ, шелъ за Христомъ. Въ гоненіи христіанство было торжествующимъ.

Не такова картина среднихъ вѣковъ. Христіанство распространяется мечомъ, инквизиція зажигаетъ костры, судъ суевѣрія и звѣрства называется Божіимъ судомъ, дуэль рѣшаетъ споры, война благословляется духовенствомъ. Неужели же это христіанство? Вся жизнь средневѣковая является сплетеніемъ лжи съ фарисейской маской, христіанства съ язычествомъ, мишурнаго блеска съ внутреннимъ растлѣніемъ и безбожіемъ. Рыцарю изящному и доблестному, чтобы получить руку возлюбленной, надо было побѣдить въ турнирахъ побольше людей, почти всегда съ кровопролитіемъ: ея нѣжное христіанское сердце иначе не могло быть тронуто, какъ этимъ языческимъ подражаніемъ гладіаторамъ. Христіанство уже не проповѣдью апостольской распространяется, а огнемъ и мечомъ. И что же? Съ этой минуты его успѣхи прекращаются. Папа, благословляющій Готфридовъ и Раймундовъ, не можетъ вернуть Гроба Господня; Барбарусса, Львиное Сердце, Филиппъ-Августъ, вся тогдашняя просвѣщенная Европа перессорилась, забывъ великую задачу. Мечъ вынимается во имя Христово, и все-таки вынувшіе его мечомъ погибаютъ. Папы только о войнѣ и думаютъ и больше похожи на грозныхъ военачальниковъ, чѣмъ на апостольскихъ преемниковъ. Юлій II на конѣ подъ Равенной—не насмѣшка ли надъ Христомъ? Не во имя ли Христа черногор-

скій священникъ рѣзалъ турецкія головы? Христіанство ли это?

Нѣтъ, это не христіанство, а смѣсь христіанства съ язычествомъ. Христіанство стремится къ идеаламъ Христовымъ: «Не убій», «возлюби ближняго, какъ самого себя». Средніе вѣка и то, что отъ нихъ осталось, даютъ картину грубаго язычества, надѣвшаго христіанскую маску... То, что не только не согласно съ ученіемъ Христа, но и противно ему, есть чистое язычество. Вотъ почему и дуэль можно назвать институтомъ языческимъ и войну надо считать языческимъ учрежденіемъ, хотя бы и велась она во имя Христа. Въ средніе вѣка борьба между христіанствомъ и язычествомъ идетъ съ преобладаніемъ какъ будто язычества. Затѣмъ болѣе и болѣе человѣчество начинаетъ сбрасывать языческія оковы и свѣтъ начинаетъ побѣждать тьму. Люди идутъ во имя прогресса. Но прогрессъ только тамъ, гдѣ приближается къ завѣтамъ Христа; регрессъ, спутникъ невѣжества и суевѣрія, борется съ Христовыми заповѣдями.

Возьмемъ судъ и право. «Судъ Божій», или скорѣе судъ діавола, суевѣрно хранимый духовенствомъ, прекращается. Возмущенное человѣчество возстаетъ противъ инквизиціи, противъ сожиганія, истязанія и пытокъ во имя Христа душевно-больныхъ и истеричныхъ. Наконецъ, измѣняется самое понятіе о судѣ и объ осужденіи, какъ о возмездіи. Судъ беретъ девизомъ не месть общества по отношенію къ преступнику, какъ прежде, а огражденіе отъ него общества и исправленіе его. Богъ сказалъ: «Не убій», а мы Ему отвѣчаемъ: «Пускай начинаютъ убійцы». Теперь поняли, что съ Богомъ не спорятъ, и смертная казнь примѣняется все рѣже и рѣже. Богъ сказалъ: «Не судите, да не судимы будете» — и наука видитъ въ судѣ не возмездіе общества, а самоогражденіе. Той же заповѣди

«не убій» противорѣчитъ тѣлесное наказаніе, какъ оскорбленіе человѣка во имя закона; тѣлесное наказаніе большею частью отмѣняется или по крайней мѣрѣ ослабляется, и близокъ день, гдѣ про него говорить будутъ, какъ теперь говорятъ про «Божій судъ». Но идетъ ли наука о правѣ по слову Христа?

Возьмемъ рабство. Христосъ всѣхъ людей называетъ нашими братьями. А развѣ рабъ — братъ господину своему? Могу ли я, имѣя раба, не фарисействуя, говорить о христіанствѣ? Очевидно, нѣтъ. И вотъ человѣчество сбрасываетъ съ себя этотъ страшный грѣхъ и всѣхъ людей объявляетъ братьями. Но людямъ зло присуще. Вѣчный Законодатель, давшій намъ законъ, и путь намъ указалъ, по которому идти. Когда мной распоряжается какъ рабомъ господинъ мой, я не братъ ему. Но когда всѣ люди подчиняются одному безличному закону—они братья. Итакъ, управляясь законами, человѣчество не отступаетъ отъ слова Христова. На этомъ же основаніи улучшается положеніе женщины. Изъ куклы турнировъ, изъ узницы терема она понемногу превращается въ человѣка. И слова апостола: «Жена да боится своего мужа» начинаютъ пониматься не въ смыслѣ кулака и издѣвательства надъ нею, а въ смыслѣ любви и добровольнаго подчиненія сильнѣйшему.

О дуэляхъ я уже говорилъ [1]). И церковь, и наука высказались противъ нихъ. Практическая мудрость англичанъ выработала противъ нихъ средство—джентльменство, по-нашему — порядочность и хорошее воспитаніе. Никакой софизмъ не опровергнетъ шестой заповѣди и напрасно стараться условную честь мундира поставить выше Бога. Человѣчество справилось съ болѣе сильными софизмами, съ болѣе укоренившимися предразсудками.

---

[1]) Въ статьѣ «Не убій», напечатанной въ апрѣлѣ 1899 г. и друг.— см. «Статьи о дуэляхъ» стр. 199 послѣдующія въ настоящемъ изданіи.

Педагогика? Педагогика тоже идетъ согласно ученію Христову. Христосъ запретилъ дѣтей отгонять отъ Себя и благословилъ ихъ. И наука современная предписываетъ близость воспитателя къ дѣтямъ и въ любви къ дѣтямъ видитъ спасеніе ихъ. Образованное общество поняло, что съ малолѣтства человѣкъ долженъ къ себѣ видѣть отношенія гуманныя, Богомъ показанныя. Теорія розогъ, теорія слѣпого повиновенія, теорія моментальнаго сотрясенія (такъ, кажется, назывался этотъ педагогическій пріемъ)— отжили или отживаютъ свой вѣкъ.

Труднѣе всего поддается война; но и тутъ замѣтно движеніе въ пользу соблюденія заповѣди. Странное дѣло. Если человѣкъ стрѣляетъ въ другого, то онъ — убійца. Если милліонъ нѣмцевъ и милліонъ французовъ стрѣляютъ другъ въ друга, то это — хорошее дѣло. Ну, не нелѣпость ли это? Не нелѣпость ли, противная Богу и противная здравому смыслу? Что противнѣе всего въ этомъ, это то, что мы облекаемся въ фарисейскія мантіи и на знамени вывѣшиваемъ великіе принципы. Величайшее военное движеніе въ христіанскую эру было движеніе Европы на освобожденіе Гроба Господня. Шли дѣйствительно во имя Христово, эмблемой войны былъ крестъ. Но и тутъ Богъ не благословилъ крестоносцевъ, и Гроба Его окончательно они не отвоевали. Чего же стоятъ въ сравненіи съ этимъ всѣ остальные принципы, во имя коихъ будто бы начинаются войны? Въ средніе вѣка шли часто такъ себѣ, поддержать родственника, а то просто чтобы рука не отвыкла. Впослѣдствіи, когда нельзя уже было вести народы такъ грубо, начали воодушевлять ихъ громкими фразами о народномъ достоинствѣ, о поддержаніи принциповъ, о единствѣ народности и т. п. Теперь американцы во имя свободы борются съ филиппинцами, ее же отстаивающими. Причина, впрочемъ, почти всегда одна: мате-

ріальныя выгоды. Способъ ихъ добиваться тоже одинъ, хорошо извѣстный сибирской тайгѣ, — способъ разбойническій, основанный на наиболѣе часто въ международныхъ отношеніяхъ фигурирующемъ правѣ: правѣ кулака. Все это прикрывается фразами изъ международнаго словаря: право защиты своихъ миссій (думаютъ въ это время о Христѣ!), право перваго занявшаго, право сферъ вліяній, право надъ вещью, никому не принадлежащею (напр. Китай) и т. д. Впрочемъ и то уже прогрессъ, что считаютъ нужнымъ надѣвать маски, какъ бы онѣ ни были прозрачны.

Итакъ въ громадномъ прогрессивномъ движеніи исторіи послѣднихъ вѣковъ наиболѣе темнымъ пятномъ остается война, приведшая Европу къ положенію вооруженнаго лагеря, — и тутъ раздалось слово Государя Императора! Странно! Нѣтъ того сочувствія, какого можно бы ожидать. Вѣдь слово это основано на заповѣди Спасителя о любви къ ближнему! Спаситель всѣхъ зоветъ за Собой, и іудеевъ, и еллиновъ, а язычники упираются: нѣтъ, нужна жертва Марсу и Тору!

Много еще остается сдѣлать человѣчеству, чтобы приблизиться къ идеалу Христову. Христосъ сказалъ: «Войти человѣку богатому въ Царствіе Божіе такъ же трудно, какъ канату пройти въ игольныя уши». Что же мы видимъ? Человѣчество теперь только о деньгахъ и думаетъ, и не о тѣхъ деньгахъ, которыя нужны, чтобы быть сыту и теплу, а о милліонахъ, нужныхъ не для благотворенія, а для бросанья денегъ на вѣтеръ изъ-за тщеславія, или для собиранія въ неоткрывающуюся сокровищницу. Тутъ даже и наука отстала и въ этомъ накопленіи богатства видятъ какую-то силу, точно можетъ быть сила, противная Слову Христову.

Странное замѣчается явленіе. Наука приходитъ болѣе

и болѣе къ тѣмъ истинамъ, къ которымъ приводитъ насъ другимъ путемъ христіанство. Отмѣна инквизиціи, рабства, висѣлицы и пытокъ, дуэлей и войны—все это наука приписываетъ себѣ, когда только слѣпой или недобросовѣстный не видитъ, что уничтоженіе всего этого прямо истекаетъ изъ проповѣди Христовой. Если и могла наука дойти до этихъ истинъ безъ откровенія, если могло внѣдриться понятіе объ альтруизмѣ въ обществѣ, то не потому ли только, что толчокъ этой мысли данъ ученіемъ Христа? А между тѣмъ наука, по странному заблужденію, противопоставляется христіанству, а защитниками христіанства провозглашаютъ себя тѣ, которые всѣми силами стараются отстаивать языческіе принципы. Много времени еще пройдетъ, пока человѣчество разберется во всемъ этомъ и пока свѣтъ Христовъ возсіяетъ во всей своей силѣ.

Теперь же, охъ! какъ хотѣлось бы заснуть, какъ Потокъ-богатырь, лѣтъ на триста и, проснувшись, посмотрѣть, воюютъ ли люди на свѣтѣ или вняли, по слову Христову «не убій», призыву Русскаго Царя!

Что препятствуетъ идеѣ мира.

Чѣмъ болѣе разрабатывается вопросъ о мирѣ, тѣмъ болѣе, повидимому, съуживается программа государственныхъ дѣятелей, призванныхъ его обсуждать. Вопросъ о разоруженіи сводится, кажется, къ вопросу о третейскихъ судахъ. Врядъ ли результатомъ конференціи явится не только частичное разоруженіе и уменьшеніе расходовъ на войска, но и уменьшеніе ужасовъ войны уничтоженіемъ тарановъ, подводныхъ лодокъ и тому подобныхъ орудій самоуничтоженія человѣчества. По моему, это логично. Разъ война заключается въ томъ, чтобы осилить непріятеля, выводя его

изъ строя, то какъ, желая воевать, государство будетъ связывать себѣ руки въ способахъ достиженія этой цѣли? Да наконецъ, почему судно можно потопить бомбами, а нельзя стремиться къ тому же болѣе легкимъ, вѣрнымъ и дешевымъ способомъ — подводной лодкой? Бороться надо съ самой идеей войны, а не съ отдѣльными способами истребленія человѣческихъ массъ.

Третейскіе суды были бы, конечно, очень хороши, если бы ими можно было достигнуть, чтобы не было войнъ. Но вѣдь, учреждая ихъ, ни одно государство не будетъ считать себя застрахованнымъ отъ войны, хотя бы на столько, чтобы уменьшить количество войскъ. А вѣдь вредъ войны не столько въ самой войнѣ, сколько въ вѣчныхъ къ ней приготовленіяхъ, отнимающихъ у народовъ цвѣтъ ихъ молодежи и большую часть ихъ бюджетовъ. Если вѣчно суждено Европѣ быть въ положеніи вооруженнаго лагеря, если вѣчно нужно жертвовать приготовленіямъ къ войнѣ всей культурной работой, которая могла бы быть произведена на эти средства и этими людьми, то ужъ не лучше ли было бы разъ сцѣпиться и войной разрѣшить это натянутое, разорительное положеніе.

Что-же? Или подлинно война необходима? Или дѣйствительно призывъ къ миру Государя Императора есть не что иное, какъ чудная утопія и попытка бороться съ неизбѣжнымъ зломъ? Нѣтъ, нѣтъ — тысячу разъ нѣтъ! Если кто вѣрно понялъ современную народную психологію, то именно нашъ Царь, призвавшій народы къ миру. И они откликнутся, несомнѣнно откликнутся и, надо надѣяться, откликнутся довольно скоро! Въ чемъ же дѣло? Что препятствуетъ немедленному введенію въ жизнь великихъ мирно-культурныхъ завѣтовъ Государя Императора?

Думаю, что препятствіемъ является несоотвѣтствіе идеаловъ народныхъ съ идеалами ихъ правительствъ. Говорилъ

ли когда кто, что македоняне ходили на персовъ и въ Индію? Нѣтъ: ходилъ Александръ Македонскій, а народъ шелъ за нимъ. Французы ли ходили въ Египетъ и въ Россію? Думаю, что нѣтъ: ходилъ Наполеонъ. Народы же слѣпо слѣдовали за своими вождями. Думаю, что если бы передъ походами Александра и Наполеона спросить народы, хотятъ ли они этихъ походовъ — они отвѣтили бы отрицательно. Не можетъ желать наступательной войны народъ осѣдлый, несомнѣнно болѣе желающій мирно развиваться, чѣмъ отдавать своихъ сыновъ на убіеніе врагамъ. Въ наступательной войнѣ бываютъ у народовъ минуты увлеченія, которыя, при неразвитости этихъ народовъ, всегда легко вызвать искусственно. Но врядъ ли правильно будетъ эти минуты энтузіазма принимать за дѣйствительно обдуманныя народныя желанія.

Народъ воюетъ до полнаго истощенія средствъ, до самозабвенія и притомъ сознательно, когда обороняется, защищаетъ свою семью, свою хату. Таковы были русскіе въ 1612 и 1812 годахъ, таковы были французы къ концу войны 71 года; но тѣ же французы (я говорю про милліоны, а не про кучку крикуновъ) врядъ ли желали идти на пруссаковъ, чтобы во славу Наполеона III завоевать лѣвый берегъ Рейна.

Бывали войны, гдѣ дѣйствительно шли народы. Таковы Крестовые походы. Но и тутъ мы видимъ, что раздоры вождей крестоносцевъ брали верхъ надъ главною цѣлью походовъ, и народы возвращались, не достигнувъ ея.

Послѣднее время даетъ блестящіе примѣры того, какъ народныя стремленія не совпадаютъ съ желаніями ихъ правительствъ, когда эти правительства стремятся вести ихъ по пути завоеваній. Припомнимъ «тонкинца» Ферри, свергнутое въ маѣ 1899 г. министерство Пеллу, захотѣвшее вовлечь Италію въ китайскія дѣла.

Съ развитіемъ народовъ и съ увеличившеюся для нихъ возможностью выражать свои желанія, и правительствамъ приходится считаться съ ихъ миролюбіемъ. Во Франціи министръ иностранныхъ дѣлъ, подписавшій договоръ объ уступкѣ Фашоды, считается совершившимъ патріотическое дѣло; ни одинъ голосъ въ Германіи не поднялся противъ уступки въ вопросѣ о Самоа. Это ли не доказываетъ миролюбивое настроеніе народовъ? Близко знакомые съ англійскими дѣлами утверждаютъ, что и англійскій народъ не желаетъ подвергать себя опасностямъ войны, и что развязки вопросовъ о Фашодѣ и о Самоа, съ угрозами войны, принимаются народомъ восторженно только потому, что «побѣдителя не судятъ».

Что же вредитъ движенію въ пользу мира? Почему предложеніе Русскаго Царя многимъ кажется утопіею?

Дѣло въ томъ, что, хотя всѣ народы настроены миролюбиво, но нельзя сказать безусловно того же о всѣхъ правительствахъ, которымъ иногда приходится изъ личныхъ интересовъ возбуждать войны; такова была несчастная для Франціи война 1870—1871 годовъ: Наполеону она была нужна, такъ какъ безъ войны его престолу грозила опасность. Русскій Царь настолько могущественъ, настолько увѣренъ въ преданности своего народа, что Ему нечего изъ личныхъ цѣлей вести его на бойню. Высшую славу даетъ Ему не побѣдоносная война, а мирная работа на поприщѣ улучшенія народнаго благосостоянія и развитія народной культуры. Поэтому естественно было Ему стать во главѣ народнаго движенія въ пользу мира. Не могутъ того же сказать всѣ остальные правители Европы. А такъ какъ одна фальшивая нота можетъ разстроить весь концертъ, то и кажется намъ, что рѣшеніе вопроса еще далеко.

Кромѣ этой причины—несоотвѣтствія стремленій правителей съ желаніями народовъ—существуетъ еще важный тор-

мазъ движенію въ пользу мира. Это сильно развившійся кое-гдѣ ложный патріотизмъ, который часто выставляется людьми, преслѣдующими цѣли, ничего общаго съ благомъ народнымъ не имѣющій, но которымъ очень легко иногда бываетъ увлечь народныя массы. Этотъ шовинизмъ и есть главный врагъ мира. Страшенъ онъ тѣмъ, что часто принимается за патріотизмъ, хотя ничего общаго съ нимъ не имѣетъ. Шовинизмъ относится къ патріотизму, какъ религіозный фанатизмъ, доходящій до самозамуравливанія и до самосожиганія, относится къ религіи. Шовинизмъ есть во всѣхъ государствахъ и тѣмъ страшенъ, что всегда надѣваетъ личину патріотизма. Именующіе себя патріотами, потрясающіе оружіемъ и говорящіе громкія фразы,—скрытые враги своего отечества, въ отличіе отъ истиннаго патріота, который безъ шума умираетъ за свое отечество при непріятельскомъ нашествіи, а въ мирное время ненавидитъ войну и захваты. Наиболѣе ярко это видно во Франціи, гдѣ свободнѣе проявляются всякія общественныя стремленія и движенія. Возьмемъ Дерулэда: онъ состояніе отдалъ на лигу патріотовъ, онъ былъ солдатомъ, онъ храбръ, знамя патріотизма онъ держитъ высоко. Но патріотъ ли онъ или шовинистъ? Мы видимъ его другомъ Буланже, осужденнаго за стремленіе произвести переворотъ, тоже потрясавшаго оружіемъ и выдававшаго себя за патріота. Теперь [1]) онъ опять, во имя отечества, хочетъ вести солдатъ противъ Елисейскаго дворца. Кто болѣе Дерулэда говоритъ громкихъ фразъ? Никто. Между тѣмъ это чистѣйшей воды революціонеръ, для своей славы готовый пожертвовать всѣмъ, даже отечествомъ! Другіе эти фразы употребляютъ, чтобы составить себѣ положеніе; третьи, чтобы половить рыбу въ мутной водѣ и разбогатѣть. Даже искон-

[1]) Въ маѣ 1899 года.

ная идея revanche, и та чуть ли не искусственно поддерживается Деруледами и компаніей. Видно это изъ проявившагося послѣ Фашоды движенія въ пользу сближенія съ Германіей. То ли было бы, если бы дѣйствительно французскій народъ не могъ помириться съ потерей провинцій?

Криспи, Шенереръ, Чемберлэнъ, Родсъ—неужели они ищутъ блага своего отечества, а не личныхъ выгодъ, тѣхъ или другихъ? Конечно, нѣтъ! Неужели они выражаютъ желанія своихъ народовъ? Опять же нѣтъ! Патріотизмъ фразъ и посыланія другихъ на бойню не есть патріотизмъ!

Даже у насъ Боже избави вѣрить громкимъ фразамъ незваныхъ спасителей отечества. Народъ русскій не разъ уже доказалъ, какъ молча умираютъ за отечество. Къ сожалѣнію, фразы часто принимаются за чистую монету и многимъ внушаютъ довѣріе. Памятно всѣмъ, какъ нашъ министръ финансовъ обличилъ въ рѣчи комиссіи по упорядоченію хлѣбной торговли патріотическія фразы тѣхъ, которые, прикрываясь этими фразами, преслѣдовали интересы своего кармана.

Если мое положеніе о безусловномъ миролюбіи народовъ вѣрно, если наступательная война возможна только при несоотвѣтствіи желаній правительствъ и стремленій народныхъ (а если бы не было наступательныхъ, то не было бы и оборонительныхъ войнъ); если, наконецъ, убѣдиться, что шовинизмъ и патріотизмъ—понятія совершенно различныя, то нельзя не вывести заключенія, что не такъ далекъ день, когда завѣты Русскаго Царя, несмотря на теперешніе видимые тормазы, будутъ приняты всѣмъ образованнымъ міромъ на благо призываемыхъ нынѣ къ мирной и культурной жизни народовъ.

Патріотизмъ и шовинизмъ.

Cordelia. What can Cordelia do? love and be silent?

Shakespeare.

I.

Почему, когда мы любимъ отца, мать, дѣтей, мы не кричимъ про нашу любовь на всѣхъ перекресткахъ? Почему мать отдаетъ ребенку своему покой, здоровье, жизнь молча? Почему, расходясь во взглядахъ на воспитаніе дѣтей, мы не называемъ другъ друга извергами, не упрекаемъ другъ друга въ отсутствіи любви къ дѣтямъ? Думаю, потому, что чувство это такъ естественно, что о немъ и говорить не стоитъ. Какъ не любить своего ребенка? Вѣдь и животныя, птицы и гады любятъ дѣтей своихъ!

Такъ же естественно любить свое отечество. Доказывать естественность этого чувства такъ же излишне, какъ доказывать врожденность любви къ родителямъ и дѣтямъ. Какъ мнѣ не любить ту страну, въ которой я родился, провелъ свое дѣтство, въ которой говорятъ на моемъ языкѣ, чувствуютъ въ унисонъ со мною, интересы которой — мои интересы, съ которой я связанъ всѣми привычками, съ колыбели пріобрѣтенными? Тоска по родинѣ присуща каждому. Эскимоса тянетъ къ странѣ бѣлыхъ медвѣдей и тюленей изъ страны апельсиновъ и лимоновъ. Не будетъ ошибкой переставить предложенія въ древнемъ изреченіи и сказать: «Ubi patria, ibi bene». — Что проще, что естественнѣе этого чувства?

Между тѣмъ ни про одно чувство такъ много не кричатъ, какъ про любовь къ отечеству. Почти всякій писатель во всѣхъ странахъ прежде всего старается убѣдить

читателя, что все, что онъ пишетъ, продиктовано ему ничѣмъ инымъ, какъ патріотизмомъ самой чистой воды. Про что бы онъ ни писалъ, онъ прибавляетъ, что всякій любящій свое отечество непремѣнно долженъ быть съ нимъ согласенъ. Такъ же легко обвиняютъ другъ друга въ измѣнѣ, когда опонентъ другого мнѣнія. Каждый считаетъ себя въ правѣ говорить и писать отъ имени всего народа, признавая только за собой монополію чувствовать, какъ чувствуетъ народъ; у насъ появилось даже выраженіе «чувствовать по-русски».

Почему же такъ много кричатъ про патріотизмъ, когда это такое простое и естественное чувство? Думаю, что эти крикуны во всѣхъ странахъ міра принимаютъ за патріотизмъ не естественную, врожденную любовь къ отечеству, а другое чувство, ничего общаго съ патріотизмомъ не имѣющее и даже противоположное ему—чувство шовинизма. Къ этому присоединяется еще, что многіе (не большинство ли крикуновъ?) не о нищихъ пекутся, а о своей сокровищницѣ. Въ особенности ярко это проявляется, когда стремятся каждый вопросъ, даже экономическій, свести на почву политическую. Если я пекусь о благѣ моей родины, то естественно многіе политическіе вопросы рѣшать при экономической ихъ постановкѣ, а не эксплуатировать вопросы народнаго быта, народной этики, народнаго хозяйства, разрабатывая ихъ съ цѣлями политическими. А именно такъ стараются рѣшать народные вопросы всевозможные политиканы разныхъ странъ. Гдѣ же граница патріотизма и шовинизма? Вотъ не легко разрѣшимый вопросъ; вѣдь никто себя шовинистомъ не называетъ, а всякій гордится своимъ патріотизмомъ. Шовинистомъ можно быть въ вопросахъ внѣшней политики и въ рѣшеніи внутреннихъ вопросовъ. Начну съ первыхъ, т.-е. внѣшнихъ.

II.

Возьмемъ чеховъ и посмотримъ, чѣмъ долженъ быть чехъ-патріотъ? Положимъ, Палацкій, лучшій изъ нихъ, сказалъ, что если бы не было Австріи, то надо бы ее выдумать; но вѣдь сказано это въ виду неизбѣжности: въ случаѣ распаденія Австріи, Чехія поглощается другими сосѣдями. Но внѣ альтернативы быть съѣденными тѣмъ или другимъ, очевидно, чехъ скажетъ, что онъ хочетъ свободную Богемію. То же скажетъ русинъ: для него не можетъ быть мила ни Галиція, къ которой онъ принадлежитъ, ни Австрія, подъ скипетромъ коей онъ находится. Онъ захотѣлъ бы или принадлежать Россіи или, что вѣрнѣе, быть свободнымъ. Ирландецъ ненавидитъ Англію искони. Между тѣмъ Австрія держитъ Богемію и русинъ, Англія не хочетъ дать Ирландіи даже гомруля и съ трудомъ согласилась съ доводами великаго Гладстона не навязывать государственною религіей католикамъ—англиканство. Каковъ же долженъ быть патріотизмъ чеха, русина, ирландца?

Разъ мы признали, что патріотизмъ, какъ и любовь къ дѣтямъ, чувство естественное, мы тѣмъ самымъ должны признать его святость; но, требуя уваженія къ своей святынѣ, мы такъ же должны относиться и къ чужой. Поэтому позволю себѣ сказать, что Англія, не давая свободы Ирландіи, проявляетъ чувство не патріотизма, а шовинизма. Такимъ образомъ шовинизмомъ во внѣшней политикѣ надо признать желаніе нарушить естественныя, а тѣмъ самымъ законныя въ смыслѣ этики права подчиненнаго или сосѣдняго народа. Поэтому шовинисты: Шенереръ, притѣсняющій чеховъ, Чемберлэнъ, требующій отъ

ирландцевъ подчиненія Англіи; шовинистомъ былъ даже великій Бисмаркъ, покорившій Шлезвигъ.

Конечно, эти вопросы легче разрѣшить на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ: такъ въ Богеміи есть и нѣмцы, и чехи. Какое устройство имъ ни давай, вражда всегда будетъ. Но такое смѣшеніе народностей въ одной землѣ могло явиться только какъ результатъ прежняго насилія однихъ надъ другими, т.-е. того же шовинизма. При обуревавшемъ и продолжающемъ обуревать весь міръ шовинизмѣ ставятся иногда вопросы о правѣ: напримѣръ, есть ли право давности у государства надъ покореннымъ народомъ. Такъ чехъ говоритъ: «Я чехъ и чехомъ хочу остаться, это мое право», а ему отвѣчаютъ: «Съ начала XVI вѣка чешское государственное право не существуетъ, это право — археологическое и на немъ никакой системы основывать нельзя». Такъ же Германія отбираетъ Эльзасъ и Лотарингію, какъ бывшія нѣмецкія земли, Франція же говоритъ: «Я столѣтіями пріобрѣла надъ ними право давности, онѣ мои». Точно можетъ быть давность въ вопросѣ владѣнія народа другимъ народомъ. Не лучше ли бы рѣшилъ этотъ вопросъ тотъ самый народъ, который тянутъ въ ту или другую сторону? Вотъ какъ можетъ шовинизмъ сильныхъ побуждать къ полному отрицанію самыхъ естественныхъ правъ слабыхъ, основанныхъ на священномъ чувствѣ патріотизма.

Какъ можетъ быть шовинизмъ завоевательный, захватывающій, объединяющій, такъ бываетъ шовинизмъ раздѣляющій цѣлое на части, узкій. Примѣры мы видимъ въ русскомъ удѣльномъ періодѣ, въ Италіи, Германіи. Принято говорить, что въ Италіи, Германіи выросло, созрѣло національное чувство. Вѣрно ли это такъ? Дѣйствительно ли былъ въ Россіи патріотизмъ рязанскій, владимірскій, новгородскій? Дѣйствительно ли неаполитанецъ

чувствовалъ себя врагомъ пьемонтца, а пруссакъ врагомъ баварца? Не наоборотъ ли было? Не разъединяла ли ихъ вражда ихъ правительствъ, которымъ изъ личныхъ выгодъ нужно было раздувать шовинизмъ, на этотъ разъ не племенной, а частей одного и того же племени. Если теперь легко возбудить народы, то тѣмъ болѣе тогда, когда народы по своей дикости легко поддавались вліянію фразъ. А вѣдь какія орудія были въ рукахъ правительствъ! И администрація, и наука, и духовенство—неужели съ этимъ трудно разогрѣть какія угодно чувства народныя, выдавая ихъ за патріотизмъ?

III.

Посмотримъ, какими принципами руководится внѣшняя политика и близка ли она къ патріотическимъ народнымъ идеаламъ. Въ XVII вѣкѣ дипломатія говоритъ про «принципъ равновѣсія», въ XVIII выдвигается «принципъ округленія», въ началѣ XIX она признаетъ только «принципъ легитимизма», мало-по-малу уступающій во второй половинѣ столѣтія «принципу національностей». Къ сожалѣнію, всѣ эти «принципы» выставляются только напоказъ, въ дѣйствительности же все время служатъ масками одного и того же «кулачнаго права». Вотъ дѣйствительно право, никѣмъ не оспариваемое. Тѣмъ противнѣе кажутся всѣ маски, которыя теперь принято надѣвать. Протектораты, временныя окупаціи, открытыя двери, сферы интересовъ—все это теперь пустыя слова, прикрывающія одно — захваты. И что въ этой политикѣ разбоевъ наиболѣе противно, это фарисейскія маски, за которыми, не улыбаясь какъ римскіе авгуры, щеголяютъ современные шовинисты, таскающіе на поляхъ битвъ и на почвѣ

народнаго невѣжества и народнаго разоренія великое, врожденное, святое чувство любви къ родинѣ.

Изъ ложнаго принципа нельзя выпутаться безъ лжи. Если бы дѣйствительно принципъ національности руководилъ правительствами, то не стали бы нѣмцы лѣзть въ Китай. Вѣдь Китай тоже національность; или этотъ принципъ хорошъ для Германіи, а для Китая не нуженъ? Соединенные Штаты провозгласили другой принципъ, повидимому, еще болѣе высокій: принципъ свободы. Симпатіи людей просвѣщенныхъ были на ихъ сторонѣ въ войнѣ съ Испаніей, на знамени у нихъ было: освобожденіе Кубы и Филиппинъ. Испанцы разбиты, цѣль достигнута, и что же? На этихъ же Филиппинахъ война продолжается между Штатами, борющимися во имя свободы, и филиппинцами, отстаивающими дѣйствительно свою свободу отъ Штатовъ, и что странно, это то, что ложь эта никого уже не удивляетъ. Будто такъ и быть должно, чтобы сильный грабилъ слабаго, прикрываясь великими принципами. На выручку и тутъ приводятъ «принципъ совершившагося факта». Все это беззаконіе совершается—говорятъ намъ—во имя патріотизма. Да неужели же это патріотизмъ? Говорятъ, народы сами этого хотятъ,—а кто ихъ спрашивалъ? Кучка крикуновъ, часто подкупленная и которой ничего не дорого, потому что ей нечего терять—вотъ народъ, на который ссылаются правительства. А дѣйствительный народъ посылаетъ сыновъ своихъ на бойню, жертвуетъ всѣмъ, потому что, обманывая его, отуманиваютъ его громкими словами о патріотизмѣ.

Если бы культура народовъ была достаточна, чтобы ихъ голосъ покрылъ крики Деруледовъ и Чемберлэновъ, они бы во имя святой любви къ родинѣ сказали: бросьте ложь эту, мы хотимъ жить и давать жить другимъ. Вотъ вѣчно великій принципъ, который можетъ удовлетворить

и народы: «Не дѣлай другимъ того, чего не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ!» Основанное на немъ международное право не будетъ нуждаться въ маскахъ, во лжи, въ фарисействѣ; негодныя средства не могутъ служить великимъ стремленіямъ, каковы стремленія патріотическія. Поэтому мнѣ кажется, что во внѣшней политикѣ патріотизмъ долженъ слѣдовать одному принципу: дать народамъ жить такъ, какъ они хотятъ, не благодѣтельствуя ихъ насильно. Патріотизмъ долженъ побуждать искать счастья своего народа,—счастья, которое достигается только культурой; національная же ненависть, подогрѣваемая шовинизмомъ, главный врагъ всякаго прогресса.

IV.

Какъ правда одна, такъ и путь патріотизма одинъ—путь правды. Но ложь безконечно разнообразна, поэтому и шовинизмъ, эта политическая ложь, тоже различенъ. Во внутренней жизни народовъ онъ проявляется прежде всего въ отношеніяхъ народовъ сильныхъ къ народамъ подвластнымъ. Очевидно, стремленіе можетъ быть только одно: вселить въ нихъ вмѣсто ихъ узко-національнаго патріотизма, новый патріотизмъ побѣдителей, т.-е. чтобы они вмѣсто своего бывшаго отечества начали любить новое отечество. Какъ этого достигнуть? Нѣкоторые народы мѣрами притѣсненія доведены до полнаго обезличенія, даже нѣкоторыя націи вымерли, чтобы дать мѣсто побѣдителю; таковы краснокожіе американцы. Но такія мѣры достигаютъ цѣли только съ народами и расами низкой культуры, можетъ быть предназначенными къ вымиранію, и никуда не годится съ народами культурными. «Насильно милъ не будешь», говоритъ пословица. Русскій языкъ

употребляетъ выраженіе «заставить себя любить» не въ смыслѣ насилія, а въ смыслѣ ласки, когда человѣкъ такъ милъ, что нельзя его не полюбить. Вотъ единственное средство заставить побѣжденнаго признать новое отечество.

Поучимся у мудрыхъ древнихъ: Цезарь, сдѣлавшись полнымъ властителемъ Рима, сдѣлалъ сенаторами многихъ жителей Галліи, Испаніи и Венетскаго края; нѣкоторые римляне возстали противъ этого. Клавдій же, защищая эту систему, говорилъ, по свидѣтельству Тацита: «И спокойствіе и внѣшнія дѣла у васъ дома процвѣтаютъ съ тѣхъ поръ, какъ транспаданцы (т.-е жители Сѣверной Италіи) приняты въ число полноправныхъ гражданъ». Вотъ какъ римляне распространяли по всему свѣту свое могущество, вотъ какъ прививали подвластнымъ народамъ римскій патріотизмъ.

Перейду теперь къ шовинизму самому опасному: шовинизму партій. Типичнымъ народомъ въ этомъ отношеніи надо считать французовъ; возьмемъ Деруледа: если вы не требуете реванша, если вы довольны настоящей республикой, а также если вы хотите монархіи, если вы вопреки очевидности не считаете Дрейфуса невиновнымъ, если вы не кричите кстати и некстати: «Vive l'armée», если вы не думаете, не желаете, не чувствуете, какъ онъ, Деруледъ, вы—измѣнникъ. Спрашиваю: не нелѣпо ли это и можетъ ли быть объяснено любовью къ родинѣ? Я ей желаю одного, вы другого—и оба мы патріоты. Патріотизмъ же патентованныхъ патріотовъ въ лучшемъ случаѣ является шовинизмомъ.

Шовинистъ правды не любитъ: все свое хорошо, даже плохое; все чужое—плохо, даже хорошее. Не есть ли это первое условіе, исключающее всякое самоисправленіе, всякій прогрессъ? Шовинистъ лжетъ себѣ и людямъ — па-

тріотъ ищетъ правды. Не есть ли это главный признакъ, по которому ихъ можно различить?

Если ужасна война международная, тѣмъ еще отвратительнѣе война междоусобная: фигура Каина обрисовывается еще яснѣе. Если спросить народы (опять же не крикуновъ столицъ), то они скажутъ: ведите насъ по пути прогресса, но, главное, не ввергайте насъ въ ужасы революціи. Революція еще тѣмъ неразумна, даже когда преслѣдуется цѣль, повидимому, хорошая, что завтра контръ-революція можетъ все вернуть къ старому порядку. Сколько примѣровъ этого намъ дала Франція! Но если народы прежде всего миролюбивы и внутри, и снаружи, а врядъ ли кто противъ этого будетъ возражать, то, очевидно, человѣкъ, любящій свой народъ, патріотъ, прежде всего будетъ избѣгать революціи и добиваться того, что считаетъ для народа полезнымъ, мирными, т.-е. законными путями. Но такъ какъ революція дѣлается всегда людьми, кричащими о своемъ патріотизмѣ, то тутъ-то и есть главное гнѣздо шовинизма.

Отвратительна тутъ опять ложь. Возьмемъ того же Деруледа: что это за натравливаніе войска на существующую форму правленія? Что это за героизмъ особенный Галліени, побѣдителя Мадагаскара, или Маршана, безъ выстрѣла прошедшаго съ войскомъ въ мѣстахъ, гдѣ проходили другіе безъ войскъ? Что это за комедія? Къ сожалѣнію, та же армія можетъ не видѣть этой лжи и принять эту лесть за чистую монету. А что бываетъ съ политиканствующей арміей, показали южно-американскія республики, да и сама Испанія: съ 1808 по 1868 годъ въ Испаніи было 45 военныхъ революцій. Группы генераловъ и офицеровъ дѣлали революцію, чтобы самихъ себя произвести въ слѣдующій чинъ. Поэтому отношеніе числа офицеровъ, а тѣмъ болѣе генераловъ къ числу солдатъ

въ Испаніи непомѣрно велико. Таковы результаты заигрыванія съ войскомъ. Патріотъ это видитъ и боится этого; шовинистъ тоже видитъ, но все-таки лжетъ: не объ отечествѣ онъ думаетъ!

V.

Какъ же формулировать намъ разницу между патріотизмомъ и шовинизмомъ? Патріотизмъ есть естественное и разумное чувство любви къ отечеству; шовинизмъ чувство неразумное, а потому и неестественное, а напускное. Патріотизмъ любитъ правду, не ищетъ обманывать ни себя, ни людей; шовинизмъ начинаетъ съ самообмана и кончаетъ обманомъ другихъ. Патріотизмъ, какъ чувство естественное, ни въ цѣляхъ, ни въ средствахъ не можетъ разойтись съ истиной, т.-е. съ Христовымъ ученіемъ; шовинизмъ лживъ, шовинизмъ воинственъ, а потому, противорѣча истинѣ, т.-е. христіанству, не можетъ быть чувствомъ ни естественнымъ, ни культурнымъ.

Наибольшее сходство видно между двумя искаженіями величайшихъ чувствъ: фанатизмомъ и шовинизмомъ. Какъ за вѣру принималось грубое суевѣріе, доводившее до Божьяго суда, до инквизиціи, до религіозныхъ преслѣдованій, такъ шовинизмъ и теперь еще ставится часто на мѣсто любви къ отечеству. Но если возможно было государствамъ свергнуть съ себя почти вездѣ нелѣпость государственнаго офиціальнаго фанатизма (суевѣріе остается въ культурныхъ странахъ какъ удѣлъ необразованныхъ классовъ, государства же стремятся къ его искорененію), то почему бы человѣчеству, съ возрастаніемъ культуры, не добиться и чистаго понятія патріотизма безъ примѣси шовинизма?

Христіанство учитъ насъ, что не должно быть ни эллина, ни іудея, но что всѣ мы должны стремиться къ братской христіанской любви. Но этотъ идеалъ—это всечеловѣчество, къ которому надо стремиться,—далекъ отъ современныхъ чувствъ и понятій, не противорѣча, впрочемъ, разумной любви къ родинѣ, какъ любовь къ родинѣ не противорѣчитъ болѣе близкому еще чувству—любви къ семьѣ. Самъ Христосъ одного ученика любилъ больше другихъ, хотя жизнь положилъ за все человѣчество.

Но если нѣмецъ еще тысячи лѣтъ будетъ больше любить нѣмца, чѣмъ француза, то развѣ не можетъ онъ гораздо раньше понять и научиться уважать (на дѣлѣ, а не на словахъ) то же чувство у француза? Вѣдь фанатизмъ религіозный куда, казалось, труднѣе искоренить, чѣмъ фанатизмъ въ политикѣ, а между тѣмъ человѣчеству не потребовалось болѣе двухъ-трехъ столѣтій, чтобы изъ полной инквизиціи и сожиганія колдуновъ дойти до признанія полной государственной вѣротерпимости. Первый ударъ политическому международному шовинизму нанесенъ Гаагской конференціей, работающей по почину Русскаго Царя.

Есть, повидимому, признаки движенія человѣчества по этому пути. Нѣсколько десятилѣтій назадъ культурные слои были заняты всецѣло интересами литературными, художественными, религіозными; теперь (конечно, временно) это отходитъ на задній планъ: все обратилось къ политикѣ. Никогда человѣкъ не былъ такъ близокъ къ Аристотелеву ζῷον πολιτικόν, какъ теперь. Почему это? Конечно, не потому, что религія и литература отжили свой вѣкъ, а потому, что гнетъ шовинизма и соединеннаго съ нимъ милитаризма слишкомъ тяжелъ. Не есть ли теперешнее вооруженное состояніе послѣдняя вспышка огня передъ полнымъ его потуханіемъ?

Теперь еще между интеллектуалами и народомъ (въ

узкомъ смыслѣ) есть пропасть, которая мало-по-малу заполняется. Чѣмъ уровень развитія народовъ будетъ выше, тѣмъ легче будетъ народамъ провести въ жизнь свои миролюбивыя стремленія, основанныя на естественномъ великомъ патріотизмѣ, тѣмъ ближе день мира и любви.

Будемъ же всѣ, русскіе, нѣмцы, французы, любить свою родину беззавѣтно, до самозабвенія, любовью сыновнею, какъ Корделія любила Лира, т.-е. готовые безъ громкихъ фразъ за нее умереть.

P. S. Статья эта была написана, когда появилась передовая статья «Новаго Времени» «Путаныя идеи». Меня упрекаютъ въ неясности и опровергаютъ историческими фактами. Настоящая статья, какъ она есть, составляетъ попытку разъяснить кажущуюся «Новому Времени» неясность. Относительно же фактовъ напомню слова Шопенгауера, что изъ исторіи можно почерпнуть что хочешь. Теперь же скажу только, что слава Александра II не въ войнахъ и не въ побѣдахъ, а въ мирной работѣ на благо народа. Слава Александра III вѣдь не въ покореніи крошечнаго Мерва, а въ томъ, что Онъ заслужилъ наименованіе Миротворца. Наконецъ, признавать одновременно всемірную любовь Христа и необходимость войны, по моему, явное противорѣчіе.

Объ идеалахъ въ политикѣ.

Недѣли двѣ тому назадъ (18-го мая 1899 г.) я помѣстилъ въ «Россіи» небольшую статью «Что препятствуетъ идеѣ мира». Въ ней я доказывалъ, что главными врагами мира, по моему, являются несоотвѣтствіе стремленій къ миру народовъ съ часто завоевательными тенденціями ихъ правительствъ и

ложный патріотизмъ, именуемый шовинизмомъ. Я привелъ нѣсколько примѣровъ и собирался болѣе подробно развить свою мысль. Въ это время появилось въ «Новомъ Времени» возраженіе мнѣ подъ заглавіемъ «Путаныя идеи». Болѣе длинная статья моя, пояснявшая первую, вышла въ «Новомъ Времени» отъ 9-го іюня, подъ заглавіемъ «Патріотизмъ и шовинизмъ». Эта статья была уже написана, когда я прочелъ «Путаныя идеи». Въ томъ же нумерѣ 9-го іюня появилось второе мнѣ возраженіе «Міръ Евангелія и міръ дѣйствительности». Наконецъ, въ нумерѣ отъ 11-го іюня я нашелъ третью статью: «Обманчивыя слова». Такъ какъ многое у меня, очевидно, осталось недоговорено, то я вынужденъ болѣе подробно развить свою мысль и тѣмъ самымъ отразить обвиненія «Новаго Времени».

Прежде всего я протестую противъ заглавія «Путаныя идеи». Недоговоренное, неразъясненное не есть путаное. Путаны идеи тогда, когда въ нихъ можно найти противорѣчіе, логическую ошибку. Такого рода обвиненія я ни въ первой, ни во второй статьѣ не вижу. Почему же первая озаглавлена «Путаныя идеи»? Заглавіе второй статьи «Міръ Евангелія и міръ дѣйствительности» очень вѣрно характеризуетъ содержаніе ея и потому стоитъ на немъ остановиться. Мой опонентъ начинаетъ съ того, что я остаюсь въ сферѣ хорошихъ намѣреній и не хочу спуститься къ міру реальному, что мое разсужденіе о несоотвѣтствіи войны съ заповѣдями евангельскими не есть открытіе и что вопросъ еще, можетъ ли евангельская мораль теперь же стать практическою моралью.

Хорошія намѣренія противопоставляются дурнымъ намѣреніямъ. Очевидно, и міръ реальный никакъ не долженъ отступать отъ хорошихъ намѣреній. По французской поговоркѣ, даже адъ ими вымощенъ. Выходитъ такъ:

все, что говоритъ г. Новиковъ, вѣрно, мы это давно знаемъ, а будемъ дѣлать обратное. Онъ говоритъ объ идеалахъ Христовыхъ, а мы тутъ на землѣ будемъ обдѣлывать свои дѣлишки. Врядъ ли это правильный путь.

Идеалъ—не утопія, къ нему надо стремиться по мѣрѣ силъ и возможности, хотя бы очень медленно. Въ данномъ случаѣ я могу говорить только съ людьми, принимающими христіанскіе идеалы. Если ихъ отвергать, то всѣ мои разсужденія падаютъ сами собой. На разныхъ языкахъ мы говорить не можемъ. Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ объ истинѣ, конечно, тоже не новой, что христіанство ведетъ именно по тому пути, по которому идетъ человѣчество, отчасти подъ вліяніемъ того же христіанства, отчасти по собственному влеченію. Все-таки надо идти по этой дорогѣ, а не по обратной, и въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Христосъ сказалъ богатому юношѣ: «Если хочешь быть совершенъ, продай все имѣніе и раздай нищимъ». Вотъ христіанскій идеалъ. Современныя условія человѣческой жизни таковы, что если бы кто это и сдѣлалъ, то его назвали бы дуракомъ, сумасшедшимъ, юродивымъ. Онъ бы и самъ замерзъ подъ заборомъ, да и людямъ сдѣлалъ бы гораздо меньше пользы, чѣмъ не разоряясь и благотворя понемногу. Но все-таки этого идеала Христова нельзя терять изъ виду. По мѣрѣ возможности надо дѣлиться съ ближнимъ. Если называешь себя христіаниномъ, то хоть копѣйку подай, хоть не противодѣйствуй чужому доброму дѣлу. Тѣмъ-то и противны типы Іуды, Гарпагона, Плюшкина, Скупого рыцаря, что они не только не шли по указанному пути, но противодѣйствовали этому движенію.

Если я хочу идти въ Римъ, то могу выбрать болѣе длинный, но дешевый путь моремъ, болѣе пріятный, но

дорогой—экспрессомъ на Парижъ, болѣе скорый—на Вѣну, путь на Одессу и т. д.; все это будетъ приближеніе къ Риму. Но если я поѣду на Иркутскъ, признавая необходимость идти въ Римъ, то дѣло мое не будетъ сходиться со словами.

Такимъ образомъ, если мы признаемъ, что Христовъ завѣтъ о любви къ ближнему есть идеалъ и что ближній нашъ, по слову Христову, столько же житель Сіама и Тимбукту, какъ и русскій и нѣмецъ, то должны мы и въ политикѣ, признавъ его, не поворачивать ему спины, а хоть немного къ нему приближаться. Правитель, не отступая отъ слова Христова, поведетъ насъ въ Женеву, въ Брюссель, въ Гаагу, изберетъ при конфликтѣ путь третейскаго суда. Проповѣдникъ будетъ проповѣдывать о любви къ ближнему въ широкомъ смыслѣ этого слова, о вѣротерпимости, о прощеніи обидъ. Частный человѣкъ тоже, если признаетъ христіанскій идеалъ, не будетъ смотрѣть на нѣмца, какъ на врага, не будетъ бить евреевъ и т. д. Міръ дѣйствительности далекъ отъ міра Евангелія, но не противорѣчитъ ему, и чѣмъ лучше дѣйствительность, тѣмъ она ближе подходитъ къ Евангелію. «Code Napoléon» необходимъ, такъ какъ на свѣтѣ есть зло, но мало-по-малу онъ будетъ передѣлываться и все ближе и ближе подходить къ завѣтамъ Евангельскимъ. Въ этомъ и заключается прогрессъ.

Все это уже тысячу разъ говорено и въ этомъ всѣ согласны. Но приходится начинать съ начала, потому что мы приходимъ къ діаметрально противоположнымъ выводамъ. О тѣхъ же идеалахъ говорилъ Достоевскій въ своей безсмертной рѣчи 8-го іюня 1880 года, но при этомъ, какъ видно изъ вышеприведенной цитаты, онъ тоже не мечомъ совѣтовалъ распространять русскіе идеалы, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію лю-

дей. «Стать настоящимъ русскимъ», говоритъ онъ въ этой же рѣчи, «стать вполнѣ русскимъ и значитъ только стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ». Если бы Достоевскій витали въ облакахъ, а міра дѣйствительности не хотѣлъ видѣть, то не привелъ бы въ неописуемый восторгъ собравшуюся соль земли русской. Таковы идеалы, найденные имъ у Пушкина. Пушкинъ и Достоевскій въ идеалахъ русскихъ видѣли идеалы міра, и наоборотъ. Или къ нимъ тоже надо относиться какъ къ Евангелію, что, молъ, это пророки для будущихъ поколѣній, а мнѣ молъ такъ высоко заглядывать нельзя? Пушкиныхъ и Достоевскихъ будемъ прославлять на празднествахъ, а по буднямъ будемъ точить оружіе. Хорошо же мы учимся у учителей нашихъ! У меня ли обманъ, или у тѣхъ, у которыхъ слово расходится съ дѣломъ?

«Г. Новиковъ живетъ внѣ времени», слышимъ мы. Что это значитъ? Это значитъ, что исполненіе идеаловъ, о которыхъ я говорилъ, такъ отдалено, что теперь можетъ о нихъ говорить только мечтатель. Исполненіе идеала, приближеніе къ нему, даже попытка идти по его дорогѣ признается нарушеніемъ требованій міра дѣйствительности. Трудно, даже невозможно опредѣлить, когда идеалъ братства будетъ болѣе или менѣе достигнутъ, но судить по аналогіи можно. Совсѣмъ онъ достигнутъ, вѣроятно, никогда не будетъ, но дѣло будетъ сдѣлано, когда человѣчество придетъ къ полному убѣжденію, что къ нему надо стремиться на дѣлѣ столько же, сколько и на словахъ. Аналогія съ религіей можетъ освѣтить вопросъ. Сравнительно недавно было преступленіе говорить о вѣротерпимости. Гуссъ, передъ которымъ теперь мы преклоняемся, умеръ на кострѣ: толпа бросала въ него камнями. Послѣдній костеръ во имя Христа зажигался въ XIX-мъ вѣкѣ. А теперь? Теперь вѣротерпимость общепризнанный всѣми

культурными націями принципъ. Что бы сказали инквизиторы, если бы кто имъ заговорилъ про вѣротерпимость на основаніи словъ Христа: «Не судите, да не судимы будете...». Они бы назвали его утопистомъ, фантазеромъ, витающимъ въ облакахъ. А между тѣмъ это теперь дѣйствительность. Не полная ли аналогія между уничтоженіемъ государственнаго фанатизма и уничтоженіемъ государственнаго шовинизма? Времени на это потребовалось не столько ужъ, чтобы Гусса назвать фантазеромъ. Можетъ быть и въ дѣлѣ войны черезъ двѣсти, триста лѣтъ войско нужно будетъ для христіанскаго государства только какъ защита его отъ шовинизма немногихъ некультурныхъ людей, какъ теперь въ дѣлѣ религіи тюрьма необходима, какъ защита вѣротерпимости отъ изувѣрства скопцовъ.

Если это будетъ, или даже если это возможно, то не слѣдуетъ ли приступать къ дѣлу активно, немедленно? Говорить—это значитъ ли давать совѣты внѣ времени и пространства? Конечно, нѣтъ! Это значитъ стремиться къ идеалу, идти къ нему. Признавать же идеалъ на словахъ, а на дѣлѣ поворачиваться къ нему спиной — значитъ не имѣть его.

Признавъ это, надо будетъ обсудить вопросъ: какъ идти по этому направленію? Какими путями? Кому? Я говорилъ, что миру мѣшаетъ несоотвѣтствіе желаній народовъ съ дѣйствіями ихъ правительствъ. Авторъ «Путаныхъ идей» доказываетъ, что такъ и быть должно, что исторію дѣлаютъ правительства, а не народы, что народныя желанія не выходятъ изъ круга ихъ хатъ и деревень. А изъ кого состоитъ человѣчество, о которомъ идетъ рѣчь? Не изъ людей, живущихъ въ хатахъ и деревняхъ? Не ихъ блага мы добиваемся всѣ? Не это цѣль исторіи?

«Г. Новиковъ затруднился бы указать, что изъ активно совершившагося въ исторіи—и прекрасно совершивша-

гося—не только сопровождалось простонароднымъ повиновеніемъ, но и творилось простонародною иниціативой?» Затѣмъ идетъ примѣръ книгопечатанія, Америки, компаса, всемірнаго тяготѣнія и вообще народнаго образованія. Тутъ прямо смѣшеніе двухъ понятій, совершенно различныхъ: политической и культурной жизни народовъ. Книгопечатаніе, Америка и проч.—всемірныя открытія, ничего общаго съ политикой не имѣющія. Во-первыхъ, великое открытіе вызывается потребностью, т. е. народомъ: книгопечатаніе открыто тамъ, гдѣ больше читали и писали; Америка и компасъ, гдѣ больше плавали и торговали; школы, университеты насаждались тамъ, гдѣ жизнь народная того требовала. Поэтому отрицать вліяніе народовъ даже на такія, повидимому, внезапныя явленія, какъ книгопечатаніе, нельзя; притомъ школа часто тормозилась, а не насаждалась правительствами. Во-вторыхъ, культурное открытіе есть неоспоримое благо для всего міра; событіе же изъ исторіи политической иногда благо, иногда зло. Поэтому я вовсе не затруднюсь назвать прекрасно совершившіяся историческія событія, вызванныя народами. Таковы у насъ 1612 и 1861 года. Мининъ и Александръ II совершили великія дѣла именно потому, что явились выразителями воли народной. Не затруднюсь назвать и скверныя дѣла, совершенныя правительствами вопреки или помимо влеченія народнаго. Мексиканская война Наполеона III; Абиссинская война г. Криспи—дѣла не народныя и не прекрасно совершившіяся.

Да, наконецъ, кто сказалъ, что все, что въ исторіи дѣлалось, хорошо? Многое дѣлалось ужасно скверное и, если спросить, что дѣлалось хорошо и что дѣлалось плохо, то не таковъ ли долженъ быть отвѣтъ: что сдѣлано вопреки волѣ народной—сдѣлано плохо, что согласовалось съ желаніями народовъ, то хорошо? Какъ въ дѣлѣ на-

роднаго образованія народная школа стремится къ университету, а университетъ содѣйствуетъ размноженію школъ, такъ и въ народной политикѣ: хата образуетъ деревню, деревни выдѣляютъ изъ себя элементы городскіе и столичные, при полномъ взаимодѣйствіи хаты и столицы. Когда взаимодѣйствіе это нарушается — политика перестаетъ быть народною и врядъ ли совершитъ великія дѣла. Между тѣмъ представленіе автора «Путаныхъ идей» объ исторіи таково, что великія дѣла совершаются правительствами при полномъ повиновеніи народовъ. Неужели къ такимъ выводамъ должна привести насъ философія исторіи? Сомнѣваюсь.

Поясню это на примѣрѣ недавняго прошлаго. Авторъ «Путаныхъ идей» говоритъ, что національнымъ, вполнѣ правымъ дѣломъ было нападеніе Германіи на Францію съ цѣлью отбить Эльзасъ-Лотарингію, такъ какъ этимъ осуществилась идея пангерманизма. Авторъ «Обманчивыхъ словъ», наоборотъ, выхваляетъ Деруледа за его чудный будто бы порывъ вернуть возлюбленной имъ Франціи оторванныя провинціи и видитъ въ этомъ, можетъ быть, спасеніе моральнаго «я» Франціи. Кто же изъ нихъ правъ? Если оба, то Эльзасу суждено переходить изъ рукъ въ руки до безконечности. Это ли будетъ прогрессъ и для Германіи, и для Франціи? Посмотримъ, права ли была Германія? Тремя войнами она достигла объединенія. Объединеніе было желаніемъ всего германскаго народа. Тѣмъ не менѣе можно усумниться, былъ ли путь къ тому геніальнаго Бисмарка наилучшимъ. Не такъ быстро, но можетъ быть болѣе вѣрно то же совершилось бы естественнымъ путемъ безъ завоеваній, безъ ограбленія Даніи. Какъ иначе назвать поступокъ по отношенію къ Даніи? Вѣдь Шлезвигъ не хотѣлъ быть нѣмецкимъ. Война съ Австріей съ точки зрѣнія пангерманизма была междоусобной; это была

война Гогенцоллерновъ съ Габсбургами. Затѣмъ къ окончательному результату еще она не привела: вѣдь Вольфъ и Шенереръ все еще австрійцы. Наконецъ допустимъ, что Эльзасъ-Лотарингія хотѣли быть нѣмецкими: не будутъ ли они вѣчно служить яблокомъ раздора между Германіей и Франціей? Вѣдь плачетъ же по нимъ Деруледъ. Итакъ, идея пангерманизма еще не вполнѣ достигнута и на Западѣ вѣчный врагъ. Кончена ли эпопея Бисмарковской завоевательной политики и что скажетъ германскій народъ еще черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда пройдетъ народный пылъ, вызванный громкими побѣдами? Этимъ я хотѣлъ сказать, какъ трудно правительству дѣлать великія дѣла иначе, какъ прислушиваясь къ голосу народному, и какъ прочные результаты можетъ принести только одна политика—политика хаты.

Политику авторъ «Путаныхъ идей» раздѣляетъ на активную и пассивную, причемъ характеризуетъ и ту, и другую невѣрно. Активною онъ называетъ политику побѣдоносныхъ войнъ. Но, во-первыхъ, когда начинается война, неизвѣстно, будетъ ли она побѣдоносной или нѣтъ: на что ужъ потрясалъ оружіемъ Наполеонъ III, а многое ли далъ своей родинѣ? Во-вторыхъ, и побѣдоносная война не всегда полезна. Ужъ какъ активна была политика Наполеона I, вѣдь предѣла не было его честолюбію, и все-таки главная его заслуга не померкнувшее солнце Аустерлица, а мирный Code Napoléon. Въ-третьихъ, политика активная не есть всегда политика завоеваній: такъ неужели политика Соединенныхъ Штатовъ со времени войны Южныхъ и Сѣверныхъ штатовъ до послѣдней испанской была пассивная? Войны не было, но неужели политика, давшая невѣроятный толчокъ образованію народа и его экономическому благосостоянію, можетъ быть названа пассивной? Мои опоненты войну противополагаютъ сидѣнью на печкѣ.

Неужели нѣтъ середины? Да и далеко не всегда за побѣдой слѣдуетъ культурная работа. Иногда, какъ у насъ послѣ Севастополя, подъемъ народнаго духа бываетъ послѣ пораженія. Такъ не желать же пораженія?! Величайшая эпоха въ смыслѣ культуры—эпоха Возрожденія—не была результатомъ войнъ. Да, наконецъ, послѣ побѣды бываетъ и Капуя. Если пассивной называть политику Годои, то, конечно, авторъ правъ. Но вѣдь это же не политика. Эквилибристика честолюбиваго любовника Маріи-Луизы, чтобы остаться министромъ, и для этого предавшаго двухъ королей да и всю Испанію въ руки Наполеона, называется политикой измѣны, а не пассивной. Испанскій король удила грызъ въ это время и самъ возсталъ. Можно ли этимъ опровергать пользу мирной народной политики? Но защищаться отъ нападенія иноземца и нападать самому—вещи различныя. Развѣ я говорилъ противъ самозащиты?

Но война, слышимъ мы, не всегда бываетъ чисто наступательная или чисто оборонительная; поэтому подъ мое опредѣленіе войнъ, дозволенныхъ христіанскою этикой и недозволенныхъ, нельзя подвести всѣхъ случаевъ. Таковыхъ приводится три: послѣдняя Турецкая война, вмѣшательство въ японско-китайскую распрю и война, которая могла возгорѣться съ Германіей изъ-за ввоза свиней. Разборъ этихъ трехъ столкновеній уясняетъ мою точку зрѣнія и заставляетъ меня коснуться вопросовъ, которыхъ я не затрогивалъ въ предшествующихъ статьяхъ. Начнемъ съ Восточной войны.

Когда я говорилъ о всечеловѣчествѣ, я все свое разсужденіе основывалъ на этикѣ христіанской, которую я приравнивалъ человѣческой этикѣ. Очевидно, я подразумѣвалъ подъ этимъ народы христіанскіе, для которыхъ идеалы Христовы доступны. Хотя, конечно, они таятся во всѣхъ людяхъ, но въ нехристіанахъ они еще не прояви-

лись. Такъ магометанинъ думаетъ, что, избивая гяуровъ, онъ облегчаетъ себѣ доступъ къ гуріямъ Магометова рая. Понятно, что онъ братской всечеловѣческой любви не понимаетъ и не признаетъ. Онъ истязуетъ и убиваетъ христіанъ: грековъ, славянъ, армянъ. Разрѣшаетъ ли христіанство идти на него оружіемъ? Это сводитъ дѣло къ схоластическому вопросу: если при тебѣ рѣжутъ ребенка или женщину и ты не можешь заступиться за жертву иначе, какъ убивъ нападающаго, въ правѣ ты это сдѣлать? Буквально понимая слова Христовы—нѣтъ. Но если и таится въ тайникахъ человѣческой души понятіе о необходимости непротивленія злу, то во всякомъ случаѣ нужны не тысячи, а десятки тысячъ лѣтъ совершенствованія, чтобы христіанскій міръ это воспріялъ вполнѣ. Теперь же на мой вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: да, можешь убить. Такимъ же образомъ и Восточная война была законна. Если смотрѣть на христіанскій міръ глазами Достоевскаго, то Восточная война была оборонительною. Христіанство защищалось отъ магометанства. Россія никогда болѣе не воплощала въ себѣ идеала Достоевскаго, какъ въ эту войну. Рвется человѣческое, а слѣдовательно тѣмъ паче и русское сердце и теперь въ Старую Сербію, въ Македонію, Арменію. Никакая война не будетъ болѣе національна, какъ эта. Не сознаетъ еще этого русская хата, потому что слѣпа она. Но тамъ, гдѣ бьется ея пульсъ въ Достоевскихъ, Аксаковыхъ, Щедриныхъ—тамъ вопросъ давно рѣшенъ.

Перехожу ко второму примѣру: ко вмѣшательству Европы въ японско-китайскую распрю. Прежде всего надо называть вещи своимъ именемъ: разграниченіе сферъ вліянія въ Китаѣ есть попросту раздѣлъ Китая. Причина его, мнѣ кажется, слѣдующая: тысячелѣтія жила желтая раса спокойно, не пріобщаясь ни мало къ христіанской

культурѣ бѣлой расы. Лѣтъ сорокъ назадъ Японія начинаетъ входить въ сношенія съ Европой и перенимать ея культуру. Она крѣпнетъ вслѣдствіе этого и побѣждаетъ Китай. Европа сознаетъ, что если она не вмѣшается, то зашевелятся не 40 милліоновъ японцевъ, а вся 400 милліонная желтая раса. Что дѣлать? Приметъ ли она съ европейской культурой и христіанскіе идеалы братства? Врядъ ли; вѣдь и въ Европѣ на нихъ смотрятъ еще какъ на утопію. Что же будетъ? Столкновеніе, которое при будущей культурѣ можетъ повести къ побѣдѣ надъ Европой? Европа испугалась, остановила прогрессивное движеніе Японіи и сама завладѣла Китаемъ. Хорошо ли это? Что изъ этого выйдетъ? Не знаю. Неподвижность желтаго колосса есть ли временный сонъ, или врожденный фатализмъ? Будетъ ли Китай мало-по-малу приглядываться къ европейскимъ порядкамъ, чтобы черезъ сто лѣтъ воспрянуть и свергнуть иго завоевателей, или сольется съ ними, подчинившись имъ навѣки и потерявъ свою національную обособленность? На эти вопросы я отвѣтить не могу, да врядъ ли кто отвѣтитъ. Во всякомъ случаѣ завоеваніе Китая—мирное, безъ войны, и побѣдѣ культуры христіанской надъ китайской можно только радоваться. Но не есть ли это новая причина для Европы забыть старые споры не славянъ, а христіанъ между собой?

Иду дальше: что бы сказать о войнѣ Россіи съ Германіей, возгорись она изъ-за запрещенія ввоза свиней: я бы сказалъ, что одна изъ двухъ съ ума сошла. Изъ-за свиней, изъ-за рублей не жертвуютъ тысячами людей и сотнями милліоновъ рублей. Конечно, въ случаѣ уступки никто бы не сказалъ, что уступившій потерялъ чувство достоинства, какъ нельзя этого сказать про Францію, уступившую въ вопросѣ о Фашодѣ. Мой опонентъ говоритъ, что на долготерпѣніе Россіи жаловались не шовинисты,

а торговцы, горожане, публицисты и всѣ русскіе люди. Всѣ русскіе люди этого не говорили—они вообще молчатъ, а кто говорилъ, такъ это именно шовинисты, да торговцы, которымъ дороже ихъ свинины нѣтъ ничего на бѣломъ свѣтѣ. А русскіе люди и не слыхали про этотъ конфликтъ, а если бы услышали, такъ стали бы Богу молиться, чтобы Онъ отогналъ эту тучу и сохранилъ бы для семьи сына, мужа, брата...

Послѣднее возраженіе автору «Путаныхъ идей». Онъ говоритъ, что Кутузовъ не называется шовинистомъ, притому что пожаръ Москвы повелъ къ изгнанію Наполеона изъ Россіи, что его разсчетъ на одушевленіе, поднявшее Русь, оправдался. Это невѣрно и происходитъ, мнѣ кажется, отъ неправильнаго пониманія слова «шовинизмъ». Въ 1812 году Наполеонъ явилъ себя шовинистомъ, а въ Россіи былъ чистый патріотизмъ. Планъ Кутузова удался, и онъ сдѣлался народнымъ героемъ; не удайся онъ—назвали бы, быть можетъ, его планъ глупымъ, но шовинизма бы тутъ не было. Шовинизмъ можетъ быть въ намѣреніи, но не зависитъ отъ результата. Наполеонъ, нападающій на Россію, чтобы вплесть новый цвѣтокъ въ свой вѣнокъ побѣдителя, тѣмъ самымъ варваръ, шовинистъ, врагъ человѣчества. Кутузовъ, защищающій родину, для этого жертвующій Москвой, чистѣйшей воды патріотъ и таковымъ бы оба остались передъ судомъ исторіи, даже если бы побѣдилъ Наполеонъ и былъ разбитъ Кутузовъ.

Перехожу ко второй статьѣ «Новаго Времени», направленной противъ меня: «Міръ Евангелія и міръ дѣйствительности». Начинается она съ того, что меня обвиняетъ въ витаніи въ облакахъ. На это я ужъ отвѣтилъ. Затѣмъ идетъ опредѣленіе патріотизма. Я называлъ патріотизмомъ естественную любовь къ родинѣ. Родину я

точнѣе не опредѣлялъ потому, что считаю это невозможнымъ. Дѣйствительно, нельзя же опредѣлять родину географически, морями, да горами, потому что тогда трудно будетъ опредѣлить границы Англіи, или придется весь міръ признать родиной англичанина. Нельзя опредѣлить ее и настоящими границами, обведенными у Киперта извѣстной краской, потому что придется американцу полюбить въ 1899 году Кубу, которую онъ могъ не любить въ 1898 г. Вѣрой тоже нельзя ограничивать родину, ибо итальянецъ и испанецъ вѣдь не одно отечество имѣютъ. Языкъ тоже не составляетъ критерія: вѣдь бельгіецъ и французъ не одинъ народъ. Поэтому я отечества не умѣю опредѣлить, а говорю, что понятіе о немъ каждый носитъ въ своемъ сердцѣ. Посмотримъ опредѣленіе моего опонента: «Патріотизмъ, говоритъ онъ, не есть любовь только къ мѣсту рожденія и мѣсту жизни. Онъ есть двигающая сила практической жизни народовъ, любовь къ собирательной личности націи, вѣра въ ея будущее по тому прекрасному и высокому, что ею совершено въ исторіи». Попробую разобраться въ этомъ. Съ первою отрицательною частью я согласенъ: патріотизмъ не есть любовь только къ мѣсту рожденія и мѣсту жизни. Идемъ дальше. Патріотизмъ есть двигающая сила практической жизни народовъ. Вдумываясь въ эту фразу, я прихожу къ заключенію, что для американца, да и для европейца патріотизмъ есть деньги, ибо что по настоящему времени болѣе двигаетъ практическую жизнь? Врядъ ли авторъ хотѣлъ это сказать. Патріотизмъ, говоритъ онъ дальше, есть любовь къ собирательной личности націи. Почему собирательной? Бываетъ и раздѣлительной, какъ напримѣръ для ирландца. Да наконецъ чего собирать и раздѣлять, ну хоть, Португаліи? Очевидно, и это опредѣленіе не годится. Не есть ли патріотизмъ, согласно послѣдней части пред-

ложенія, вѣра въ будущее націи по тому прекрасному и высокому, что ею совершено въ исторіи. Что прекрасное и высокое представляетъ намъ исторія Либеріи, эскимосовъ и многихъ другихъ? Или они ужъ и патріотами быть не могутъ?

Очевидно, опредѣленіе не вѣрно. Посмотримъ теперь, что авторъ статьи говоритъ о шовинизмѣ. Шовинизмъ, по его словамъ, есть тотъ же патріотизмъ, но только въ той ложной формѣ, которую онъ получаетъ въ умахъ людей, недостаточно свѣдущихъ или слишкомъ запальчивыхъ. Какъ? Неужели шовинизмъ есть только недостатокъ обученія и воспитанія? Не могу согласиться и съ этимъ опредѣленіемъ. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о Деруледѣ, авторъ выставляетъ его патріотомъ, но только усматриваетъ въ немъ нетерпимость. Я о словахъ спорить не люблю и готовъ назвать шовинизмъ нетерпимостью, но ужъ никакъ не соглашусь простить г. Деруледу его политическую нетерпимость. Помилуйте, да вѣдь и фанатизмъ есть не что иное, какъ нетерпимость въ вопросахъ религіи. Но эта нетерпимость вела къ пыткамъ и кострамъ, такъ же какъ политическая нетерпимость Деруледа можетъ отправить на тотъ свѣтъ тысячи сыновъ Франціи, подставивъ ихъ подъ нѣмецкія пули. Да, эта-то нетерпимость и есть мой шовинизмъ, который я считаю врагомъ Христа и мира всего міра. Я готовъ отречься отъ слова «шовинизмъ», но то же понятіе буду называть нетерпимостью въ дѣлѣ патріотизма съ моей прежней нетерпимостью къ шовинизму. Между тѣмъ авторъ относится къ этой нетерпимости снисходительно и даже воспѣваетъ Деруледу диѳирамбы. Этого я уже никакъ понять не могу и вижу въ этомъ слѣдующее логическое противорѣчіе. Любовь къ семьѣ ли, къ отчеству ли, къ человѣчеству ли есть высокое христіанское, а тѣмъ самымъ всепрощающее чувство, исключающее вся-

кую нетерпимость. Отношенія, основанныя на любви, исключаютъ всякія чувства злобы. На это мнѣ скажутъ: Деруледъ любитъ Францію, а нѣмцевъ ненавидитъ. Если я люблю своего ребенка, я понимаю и уважаю это чувство и въ другомъ. Нельзя любить своего ребенка и ненавидѣть другихъ. Какъ чувство отцовское переходитъ въ чувство педагога, такъ любовь къ отечеству рождаетъ любовь къ человѣчеству. На полъ-дорогѣ остановиться нельзя, если искренне чувство патріотизма.

Итакъ, не могу согласиться я съ авторомъ «Міра евангельскаго и міра дѣйствительности» ни въ его опредѣленіи чувства патріотизма, ни въ томъ, что онъ говоритъ о шовинизмѣ, или нетерпимости.

Въ своей статьѣ «о патріотизмѣ и шовинизмѣ» я доказывалъ, что христіанству и всечеловѣчности противна война какъ внѣшняя, такъ и внутренняя и предлагалъ рѣшать всѣ и внѣшніе, и внутренніе конфликты культурнымъ, т.-е. мирнымъ способомъ. Остроумно на это возражаетъ мой опонентъ, что я тѣмъ самымъ признаю, что хороша Германія въ Эльзасѣ, Турція въ Македоніи. «Остановись, мгновенье — ты прекрасно!»—остается мнѣ воскликнуть. Что касается Турціи, я уже сказалъ, что съ моей стороны это была недомолвка и что я, употребляя слово человѣчество, имѣлъ въ виду міръ христіанскій, способный быть носителемъ Христовыхъ завѣтовъ. Что касается Германіи въ Эльзасѣ, то при теперешнихъ теченіяхъ политической жизни, теченіяхъ, которыя я называю шовинистскими, Эльзасъ, очевидно, долженъ быть вѣчно угрозой миру и предлогомъ нескончаемыхъ войнъ между Германіей и Франціей до политической смерти одной изъ нихъ. Но ни того, ни другого я желать не могу и потому вижу одно разрѣшеніе вопроса: помириться имъ на томъ, чтобы Эльзасъ съ Лотарингіей сами рѣшили свою участь, хотя бы

они пожелали быть свободными. Другого международнаго принципа въ христіанствѣ быть не можетъ, какъ «жить и давать жить другимъ». Конечно, для этого нужно, чтобы культура поднялась во всѣхъ христіанскихъ странахъ. А до тѣхъ поръ разоруженіе немыслимо, потому что самозащита законна.

Если шовинизмъ понимать какъ недостатокъ воспитанія, то, конечно, бороться съ нимъ призвана школа, а не Гаагская конференція, но такъ какъ я остаюсь при прежнемъ пониманіи шовинизма, какъ политической нетерпимости, то думаю, что Гаагская конференція можетъ имѣть только одинъ объектъ борьбы—шовинизмъ. Дѣйствительно, съ чѣмъ борется конференція? Съ милитаризмомъ и его послѣдствіями. А милитаризма не было бы, не будь шовинизма и имѣй въ этомъ вопросѣ рѣшающій голосъ народы. Очевидно, слѣдовательно, что все, что конференція отвоюетъ у войны и милитаризма, будетъ побѣдой народовъ и пораженіемъ шовинистовъ. Потому-то и трудна ея задача. Гаагская конференція собралась по почину Русскаго Царя, и исторія съ благоговѣніемъ помянетъ этотъ починъ. Царь въ этомъ случаѣ явился вѣрнымъ выразителемъ желаній не только русскаго народа, но всего человѣчества. Такъ и слышится пророчество Достоевскаго, вычитанное его чуткимъ сердцемъ у Пушкина, о томъ, что Россія не болѣе дорога русскому сердцу, чѣмъ вся Европа или все великое арійское племя, ибо удѣлъ Россіи есть всемірность, не мечомъ, а силой братства пріобрѣтенная.

Съ удовольствіемъ отвѣчалъ на первыя двѣ статьи. Возражая на нихъ, мнѣ удалось разобрать вопросъ, мною поднятый, со всѣхъ сторонъ. Труднѣе возражать автору «Обманчивыхъ словъ». Статья эта содержитъ много громкихъ фразъ, но мало положительныхъ опроверженій моихъ положеній. Тѣмъ не менѣе необходимо остановиться на

главныхъ моментахъ статьи. Въ ней прежде всего заключаются сѣтованія на гибкость современнаго языка. Если подъ гибкостью разумѣется способность точно и опредѣленно выражаться, передавая малѣйшіе оттѣнки рѣчи, то слава Богу. Если же подъ гибкостью надо разумѣть то, что въ просторѣчьи у насъ принято называть «языкъ безъ костей», то авторъ правъ, хотя примѣняетъ это выраженіе не совсѣмъ умѣстно. Такъ не могу же я раздѣлить его поклоненіе временамъ до книгопечатанія, временамъ инквизиціи, войнъ, висѣлицъ и палочной расправы. Въ этихъ временахъ онъ видитъ больше правды, чѣмъ теперь. Поэтому, говоритъ онъ, наша интеллигенція любитъ простой народъ. Я, наоборотъ, думалъ, что она народъ любитъ, несмотря на его дикость, вовсе не вмѣняя ему этой дикости въ заслугу.

Далѣе идутъ эфектныя и громкія фразы о любви къ родинѣ, къ сожалѣнію, нимало не выясняющія вопроса. Такъ спрашивается, что бы отвѣтили въ лагерѣ Батыя или въ осажденномъ русскомъ городѣ на вопросъ, что значитъ любовь къ отечеству. При этомъ авторъ очень основательно отвѣчаетъ самъ себѣ, что не отвѣтили бы трактатомъ о патріотизмѣ. Но вѣдь мы не въ осажденномъ городѣ, мы не безграмотный народъ. Врядъ ли намъ можно ограничиваться нечленораздѣльными звуками и крикомъ. Святые отцы и богословы все время разбираютъ истины христіанскія, хотя и вѣра буіихъ ставится въ заслугу. Одно — народъ въ осажденномъ городѣ, другое — мыслящій человѣкъ въ кабинетѣ. Неужели объ отечествѣ нельзя разсуждать безъ шума, а о Христовомъ ученіи можно?

Что касается Россіи, то авторъ не только не находитъ въ ней избытка кричащаго патріотизма, но даже находитъ нашъ патріотизмъ слишкомъ совѣстливымъ и щекотливымъ.

Напримѣръ Щедрину достается за его антипатріотическія писанія, хотя признается его всероссійская слава.

Достоевскій говоритъ, что чуткость русскаго чувства ставитъ Россію во главѣ всечеловѣческаго движенія, а между тѣмъ слава въ Россіи, по мнѣнію моего опонента, есть удѣлъ людей, всю жизнь, какъ Щедринъ, работающихъ противъ Россіи. Гдѣ же чуткость русская? Она есть, и болѣе всего, въ Щедриныхъ, принесшихъ Россіи громадную пользу, а не работавшихъ противъ Россіи. Щедринъ кровью и слезами размѣшивалъ свою безпощадную сатиру. Читая его, смѣешься, а послѣ чтенія плакать хочется. Польза Щедрина ежеминутно чувствуется: сдѣлалъ бы это, да не хочется быть ташкентцемъ, и воздержишься. Не нова истина, что лучше преувеличивать свои собственные недостатки, чѣмъ шовинистскими фразами ихъ замазывать. Достается отъ автора и Гоголю за то, что онъ изобрѣлъ словцо о «квасномъ патріотизмѣ». Да вѣдь и Гоголь въ «Ревизорѣ», и Грибоѣдовъ въ «Горе отъ ума» работали «противъ» Россіи. Это можно говорить только въ увлеченіи спора.

Встрѣчаются въ статьѣ фразы прямо непонятныя, напримѣръ: «Такъ естественно (это мои слова) любить свое отечество!» Да, но не въ Россіи, не въ пылу той вседневной борьбы, которую мы видимъ передъ собой». Почему? Именно въ борьбѣ-то и проявляется любовь сильнѣе! Вообще эта фраза для меня непонятна.

Непонятно еще слѣдующее мѣсто: я говорилъ, что вездѣ всякій писатель старается убѣдить читателя, что онъ патріотъ. «Вотъ совершенная новость, говоритъ авторъ; да первый г. Новиковъ вовсе не ищетъ въ этомъ никого убѣдить и у насъ не было бы съ нимъ спора, еслибъ дѣло обстояло такъ, какъ онъ думаетъ». Что это? Призывъ къ исповѣданію патріотизма или разсужденіе?

Если призывъ къ патріотизму, то, хотя это лишнее, такъ какъ это чувство естественное, но извольте: да, я люблю Россію, но... фразы меня не только оставляютъ холоднымъ, но даже производятъ обратное дѣйствіе.

Не могу обойти молчаніемъ и слѣдующій пріемъ автора. Онъ приводитъ буквально мои слова: «Мы любимъ дѣтей, жену, семью, но развѣ кричимъ объ этомъ? Ссоримся изъ-за методовъ воспитанія?» Черезъ нѣсколько строкъ тѣ же послѣднія слова передѣлываются, хотя тоже ставятся въ ковычки: «Развѣ спорятъ за методы воспитанія дѣтей?» И идетъ удивленіе, что я незнакомъ съ этими спорами. Что спорятъ, я знаю не меньше автора, десять лѣтъ жизни посвятивъ народной школѣ и перечитавъ всѣ споры. Я не про споры говорилъ, а про ссоры: дѣйствительно, спорятъ горячо, до слезъ, но до обвиненій въ неестественныхъ чувствахъ: измѣны, нелюбви къ дѣтямъ не доходятъ, какъ въ спорахъ объ отечествѣ. Что же въ этомъ такого, на чемъ бы слѣдовало останавливаться?

Я кончилъ и думаю, что вопросъ теперь мною разъясненъ достаточно и всесторонне, а говорить объ этихъ предметахъ можно безъ конца; моихъ опонентовъ же я бы попросилъ найти логическую непослѣдовательность или ошибку въ постановкѣ тезисовъ въ слѣдующемъ рядѣ силлогизмовъ, на которыхъ построено мое разсужденіе:

1) Христовы идеалы — идеалы братства, всечеловѣчества.

2) Ко всякому идеалу надо постоянно стремиться, никогда сознательно не идя въ обратную сторону.

Изъ 1) и 2) вывожу 3) Наша обязанность всегда и теперь стремиться къ всечеловѣчеству.

4) Понятіе всечеловѣчества несовмѣстимо съ одобреніемъ понятія о войнѣ.

Изъ 3) и 4) вытекаетъ 5) Война и все ведущее къ войнѣ не можетъ быть одобрено.

6) Патріотизмъ — чувство хорошее.

Изъ 5) и 6) логически слѣдуетъ 7) Патріотизмъ къ войнѣ вести не можетъ.

8) Шовинизмъ или нетерпимость въ политикѣ ведетъ къ войнѣ.

Изъ 7) и 8) окончательно вытекаетъ 9) Патріотизмъ и нетерпимость въ политикѣ, называемая мною шовинизмомъ, чувства противоположныя.

Все, что здѣсь говорится, конечно, касается только народовъ, преслѣдующихъ христіанскіе идеалы.

СТАТЬИ О ДУЭЛЯХЪ.

Не убій.

Послѣдніе дни вновь поднятъ старый вопросъ о дуэляхъ. Убѣжденнымъ защитникомъ этого обычая, нынѣ узаконеннаго и регламентируемаго, явился генералъ Кирѣевъ, извѣстный болѣе какъ писатель по вопросамъ богословскимъ.

Не будучи военнымъ, я тѣмъ не менѣе считаю себя компетентнымъ въ обсужденіи этого вопроса, какъ человѣкъ, воспитанный въ тѣхъ же дворянскихъ традиціяхъ point d'honneur, въ какихъ и генералъ Кирѣевъ. Самъ же онъ приписываетъ необходимость приказа 20-го мая 1894 г. тому, что офицерами теперь являются не одни дворяне, а и люди другихъ сословій, имѣющихъ другія представленія о чести. Такимъ образомъ чуткость въ этомъ дѣлѣ самъ авторъ признаетъ только за дворянами. Не будь я дворянинъ, я могъ бы сомнѣваться въ своемъ правѣ говорить объ этомъ. Теперь же дѣлаю это смѣло, такъ какъ говорить мы можемъ съ генераломъ Кирѣевымъ на одномъ языкѣ.

Начну съ того, что по-моему генералъ дѣлаетъ маленькую, повидимому, но весьма существенную ошибку

въ переводѣ заглавія какого-то французскаго автора, написавшаго «La science du point d'honneur». Въ переводѣ мы видимъ: «Наука о чести».

«Честь» по-французски — «honneur», для слова же «point d'honneur» нѣтъ соотвѣтствующаго русскаго слова. Этимъ, конечно, и объясняется ошибка. Думаю, что такое слово, говоря о point d'honneur по-русски, слѣдовало бы выдумать, хотя бы неудачно. Назову это «сословною честью», въ отличіе отъ honneur—чести всякаго человѣка. Различіе это потому важно, что во всей статьѣ г. Кирѣева слово честь употребляется вмѣсто «point d'honneur». Выходитъ, повидимому, совсѣмъ не то, что онъ хочетъ сказать. Сословная честь не только не всегда совпадаетъ съ общечеловѣческою, но иногда и прямо ей противоположна. Напримѣръ: двое играютъ въ карты; одинъ сплутовалъ, другой вѣжливо замѣтилъ. Первый, оскорбившись, даетъ второму пощечину и его же убиваетъ на дуэли. Итакъ, если воръ, грубый человѣкъ, по нѣкоторымъ правиламъ, при свидѣтеляхъ убьетъ честнаго, хорошо воспитаннаго, то онъ тѣмъ самымъ сохранилъ свою сословную честь! Нельзя же такія два понятія смѣшивать однимъ терминомъ.

Совершенно вѣрно говоритъ Густавъ Герксель, что дуэли могутъ уничтожиться только съ уничтоженіемъ сословной чести, какъ вѣрно и то, что съ уничтоженіемъ дуэлей уничтожились бы и тѣ понятія сословной чести, которыя существуютъ теперь.

Возьмемъ Англію. Дуэлей въ Англіи нѣтъ съ двадцатыхъ годовъ, послѣ извѣстнаго случая съ Веллингтономъ. Неужели же понятія о чести тамъ нѣтъ? Думаю, что гораздо больше, чѣмъ на континентѣ. Сословная честь нужна тамъ, гдѣ нѣтъ общечеловѣческой.

Бреттерствомъ прикрываются всякія гадости. И обще-

ство, и притомъ высшее, восторгается такимъ негодяемъ, который всегда готовъ не только прострѣлить чужой лобъ, но и подставить свой. Помню разсказъ моего дѣда, приводившаго имена, которыя я помню, какъ къ одному полковому командиру-бреттеру явился помѣщикъ съ жалобой, что его солдаты украли у него стогъ сѣна для лошадей. «Воровъ,—отвѣтилъ командиръ, не разобравъ дѣла,—у меня въ полку нѣтъ, а если вы сомнѣваетесь, то не угодно ли вамъ отъ меня сатисфакцій?» Дикій примѣръ нелѣпаго чувства point d'honneur, нелѣпо защищаемаго!

Перейду къ дуэли. Генералъ Кирѣевъ признаетъ серьезнымъ возраженіе, что поединокъ, могущій кончиться смертью, противорѣчитъ заповѣди Божіей: «Не убій». Но, признавъ это возраженіе серьезнымъ, онъ все-таки его опровергаетъ.

Первое возраженіе статистическое: война уноситъ 35% наличнаго состава войска, а дуэли дерущихся 3%. А война разрѣшается... Но, во-первыхъ, далеко еще не рѣшенъ вопросъ, противорѣчитъ шестой заповѣди война или нѣтъ. Есть глубокіе богословскіе авторитеты, возстающіе противъ войны. Блестяще это доказываетъ одинъ нынѣ здравствующій молодой епископъ. Во-вторыхъ, правительства, какія бы затаенныя цѣли у нихъ ни были, всегда выставляютъ войскамъ идеалы, во имя которыхъ войска и идутъ; таковы: цѣлость, безопасность, честь отечества или освобожденіе единоплеменниковъ, единовѣрцевъ, или объединеніе большихъ государствъ, какъ Италія, Германія. Поэтому и можетъ богословъ перенести вину съ милліона солдатъ на правительство, посылающее на бойню этотъ милліонъ людей. Но врядъ ли тотъ же богословъ оправдаетъ двухъ офицеровъ, выходящихъ на поединокъ по закону 20-го мая.

Второе возраженіе генерала Кирѣева для меня со-

всѣмъ непонятно. Онъ говоритъ: «Божественныя истины не всегда могутъ быть примѣняемы къ нашему несовершенному строю жизни». Это онъ говоритъ людямъ, буквально понимающимъ, безъ разсужденія, тексты Священнаго Писанія, какъ, напр., сектантамъ.

Да, Писаніе объясняется и должно быть объясняемо. Такъ Спаситель часто говорилъ въ притчахъ: надо эти притчи объяснить, что̀ иногда не легко, какъ притчу о домоправителѣ.

Иногда Спаситель говорилъ иносказательно, какъ, напримѣръ, объ исторгніи глаза, о сучкѣ въ глазѣ брата и т. п. Надо эти иносказанія объяснить.

Но изъ «не убій» сдѣлать «убій» не можетъ и не смѣетъ никакой богословъ, когда ветхозавѣтная заповѣдь «не убій» есть не что иное, какъ заповѣдь Спасителя о любви къ ближнему. Никакой авторитетъ—ни богословскій, ни военный—не смѣетъ своимъ измышленіемъ замѣнить заповѣдей, на которыхъ «весь законъ и пророцы висятъ».

Катехизисъ Филарета насъ учитъ, что въ поединкѣ три грѣха: убійство, самоубійство и мятежъ противъ правительства. Можетъ быть, послѣ 1894 года третій грѣхъ и пришлось бы вычеркнуть, но первые два всегда останутся.

Посмотримъ теперь на дуэль съ точки зрѣнія просто человѣческой. Генералъ Кирѣевъ говоритъ, что онъ дуэлью защищаетъ свою честь (point d'honneur), какъ свой кошелекъ отъ грабителя. Это невѣрно. Я револьверомъ защищаю свою собственность, чтобы она была цѣла, т.-е. до ограбленія; дуэлистъ дуэлью защищаетъ свою сословную честь уже потерянную, т.-е. послѣ пощечины. Это не защита предупредительная, какъ отъ вора, а возсозданіе яко бы потерянной чести въ крови оскорбителя или въ своей. Это все равно, что убить вора, когда имуще-

ство уже украдено и растрачено. Это имущества не вернетъ, да и закономъ не дозволено. Не всегда красивое сравненіе вѣрно.

Да, наконецъ, можно ли узаконить нелѣпость? Дуэль прежде всего глупа. Еще понимаю американскую дуэль: тутъ шансы равны. Въ дуэли убійцей будетъ болѣе ловкій, болѣе смѣлый, менѣе нервный, болѣе практиковавшійся въ стрѣльбѣ или фехтованіи. Другой же какъ дуракъ будетъ подставлять свой лобъ. По-моему, это глупѣе картъ. Это все равно, какъ бы я сталъ на большихъ ставкахъ играть въ шахматы съ Чигоринымъ: да меня слѣдовало бы въ сумасшедшій домъ посадить.

Неужели же не ясно, что дуэль, какъ рабство, какъ инквизиція, какъ Божій судъ огнемъ,—устарѣвшій, глупый, безнравственный, языческій обычай? А если это ясно, если дуэль только терпится до поры до времени, какъ терпится война, то не пришла ли давно пора бросить этотъ обычай?

Человѣчество зрѣетъ медленно: столѣтіями, даже тысячелѣтіями. Платонъ и Аристотель думали, что рабство свойственно нѣкоторымъ людямъ и даже племенамъ. Сенека первый изъ язычниковъ возсталъ противъ рабства. Черезъ восемнадцать столѣтій рабство прекратилось. Тотъ же Сенека проповѣдывалъ противъ войны; не есть ли декларація Государя Императора отъ 12-го августа начало мира всего міра?

Генералъ Кирѣевъ хочетъ поднять уровень войска дуэлью. Нельзя зло лѣчить худшимъ зломъ. Нельзя дурное воспитаніе лѣчить высшею безнравственностью. Подрались офицеры, поругались, плохо воспитаны—вонъ изъ полка. Вотъ вамъ и наказаніе. Кровью, часто невиннаго, никакой чести—ни человѣческой, ни военной, ни дворянской—обмывать нельзя.

Болѣе грязныхъ рукъ, какъ руки убійцы, Каина, быть не можетъ.

Послѣднее слово: приказъ 20-го мая 1894 года г. Кирѣевъ называетъ Царскою милостью. Нѣтъ, это не какъ милость надо понимать, а какъ гнѣвъ Царскій. Вы не воспитаны, деретесь, такъ вотъ же вамъ и наказаніе: пусть страхъ дуэли васъ сдерживаетъ.

Мы же, военные и статскіе, будемъ просить милости Царской, чтобы Онъ смиловался и снялъ съ насъ это наказаніе.

Наука объ убійствѣ.

(По поводу брошюры генерала Кирѣева).

I.

Генералъ Кирѣевъ надняхъ [1]) издалъ свои «Письма о поединкахъ». Это сводъ разныхъ статей, написанныхъ имъ по этому вопросу въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ—статей большею частью полемическаго характера. Читая эту брошюрку, мы слышимъ одни возраженія, положеній же его противниковъ передъ нами нѣтъ. Вслѣдствіе этого сочиненіе не является чѣмъ-либо полнымъ и послѣдовательнымъ, что́ признается и самимъ авторомъ. Впрочемъ, главное имъ высказано и заключается преимущественно во введеніи и заключеніи, носящихъ характеръ не полемическій, а поучительный. Генералъ Кирѣевъ почти единственный защитникъ въ печати необходимости поединковъ, притомъ защитникъ весьма убѣжденный. Къ тому же онъ работаетъ по законодательству этого дѣла. Тѣмъ большее значеніе имѣетъ его писаніе, тѣмъ болѣе его нельзя обходить молчаніемъ.

---

[1]) Статья написана въ началѣ 1899 года.

На его брошюрѣ на задней обложкѣ мы видимъ объявленіе о продажѣ сочиненій того же автора «Краткое изложеніе славянофильскаго ученія» и «О папской непогрѣшимости»,—послѣдняго на нѣсколькихъ языкахъ. Кромѣ того есть еще нѣсколько монографій его по вопросамъ богословскимъ, изъ которыхъ его полемика съ профессоромъ Гусевымъ признается вкладомъ въ богословскую науку. Тѣмъ удивительнѣе читать его «Письма о необходимости поединковъ». Очевидно, въ этомъ публицистѣ два человѣка: философъ-богословъ и офицеръ, имѣющій призы за фехтованіе и, кажется, званіе профессора фехтованія въ Италіи. Какъ это совмѣстить, ни я, ни, вѣроятно, громадное большинство читателей не поймете. Но фактъ налицо: стоитъ посмотрѣть обложку его брошюрки, не раскрывая ея. То же мы видимъ изъ его итальянскаго девиза, стоящаго во главѣ его писемъ, нѣкоего Анджелини. Кто этотъ Анджелини, я не знаю, но вотъ что онъ говоритъ и что девизомъ избралъ г. Кирѣевъ: «Дуэль отвратительная и нелогическая привычка—для философа, но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣченіе еще большихъ золъ». Слѣдовательно, противорѣчіе объявленій на обложкахъ не случайное явленіе, ибо самъ авторъ впадаетъ въ противорѣчіе, сознательно признавая, что общественное зло можетъ быть излѣчиваемо отвратительными и глупыми, по его словамъ, нелогическими средствами.

О несовмѣстимости христіанства и убійства, любви къ ближнему и войны, христіанскаго прощенія обидъ и признаваемаго авторомъ обмываніи обидъ въ крови я уже говорилъ (стр. 155: статья «Христіанство и язычество»), и возвращаться къ этому не стану. Генералъ Кирѣевъ, повидимому, требуетъ вѣры въ дуэль. Я думалъ, что можно отказаться христіанину спорить съ послѣдователемъ Ницше—такъ какъ исходныя точки разныя. Можно геометру

не спорить съ человѣкомъ, отрицающимъ аксіомы, потому что аксіома считается положеніемъ очевиднымъ. Но о самомъ понятіи о дуэли, о пригодности ея, о ея необходимости — спорить считалось возможнымъ. Генералъ Кирѣевъ это отрицаетъ. «Я не считалъ», говоритъ онъ, «нужнымъ и даже возможнымъ вступать въ полемику съ ген.-лейт. Навроцкимъ, который, какъ я думалъ, отвергаетъ всякую мысль о поединкѣ: мы, онъ и я, говорили бы на разныхъ другъ другу непонятныхъ языкахъ. Но оказалось, что ген. Навроцкій допускаетъ необходимость дуэли, и потому я готовъ обмѣняться съ нимъ мыслями» и т. д. (стр. 11). Ну, что же дѣлать? и я попробую поговорить на языкѣ для генерала Кирѣева непонятномъ, но, надѣюсь, понятномъ для массы другихъ почтенныхъ людей, а можетъ быть и генераловъ.

Вообще симпатичные пріемы богословской бесѣды нѣсколько обостряются, когда генералъ Кирѣевъ говоритъ о дуэли. Такъ, заявленія людей, высказывающихъ по-моему аксіому, что поединокъ обычай некультурный, варварскій, онъ называетъ тупыми; одно замѣчаніе анонимнаго автора—плоскимъ, легкомысленнымъ (послѣднее для усиленія въ ковычкахъ).

При этомъ невольно вспоминается сердящійся Юпитеръ, который былъ вообще очень сдержанъ, когда былъ правъ и не сердился.

Въ спорѣ съ г. Кирѣевымъ у меня еще важный недостатокъ: я статскій; на разницѣ между военными и статскими генералъ очень настаиваетъ, хотя (стр. 6) полагаетъ, что «дуэльнымъ кодексомъ будутъ пользоваться и дворяне, и окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и хотя (стр. 46) отъ презрѣнія къ статскимъ онъ отказывается». Я все-таки не понимаю, почему статскому не говорить о военныхъ законахъ? Вѣдь это вопросъ не военной науки, а военной этики. Этика же всѣмъ

доступна. Еще бо́льшая разница, чѣмъ между военнымъ и статскимъ, существуетъ между мужчиной и женщиной; однакожъ говоримъ мы о женской этикѣ и наоборотъ, не рискуя слышать, что, молъ, это не вашего ума дѣло. Да наконецъ говорятъ же военные, ну хоть, про публицистовъ и не слышатъ отвѣта, что мундиръ имъ мѣшаетъ говорить про нихъ. Создавать особую этику военныхъ,— значитъ выдѣлять ихъ въ особую касту, воспитывать рознь между ними и нами. Мнѣ кажется это несвоевременнымъ. Въ особенности при всеобщей воинской повинности статскій—сегодня, завтра—военный, и наоборотъ. Далѣе—жизнь постоянно сталкиваетъ военныхъ со статскими. Чисто военный дуэльный кодексъ воспитаетъ нежелательное презрѣніе къ статскому, которое будетъ вызывать постоянныя столкновенія. Кто и какъ ихъ будетъ разрѣшать? Долженъ ли профессоръ университета тоже судиться офицерскимъ судомъ съ офицеромъ, или должны быть особые междусословные суды? Авторъ, требуя особаго законодательства для офицеровъ, ставитъ ихъ выше насъ. Пусть. Ну, а если мы тоже захотимъ подняться до ихъ уровня, то заслужимъ мы своего суда: профессорскаго, чиновничьяго, писательскаго? Этотъ вопросъ слѣдовало бы генералу Кирѣеву развить подробно. Далѣе: у каждаго офицера есть мать, отецъ, братъ, жена, сынъ—да неужели всѣ эти статскіе не могутъ имѣть голоса въ вопросѣ жизни и смерти ихъ сына, отца и т. д.? Очевидно, могутъ. Вотъ и я могу говорить о дуэляхъ между военными, во-первыхъ, какъ человѣкъ, постоянно имѣющій сношенія съ офицерами, во-вторыхъ, какъ интересующійся судьбой офицера-родственника. Да и генералу Кирѣеву будетъ невыгодно (да и самому дѣлу), если ему запретятъ говорить о богословіи, потому что на немъ нѣтъ рясы, и о философіи, потому что у него нѣтъ соотвѣтствующаго диплома.

II.

Авторъ сильно настаиваетъ на необходимости права защиты своей чести. Мнѣ уже приходилось замѣчать, что слово «честь» въ данномъ случаѣ употребляется имъ неправильно. Но о словахъ спорить не хочу, такъ какъ и онъ, и я понимаемъ, о чемъ идетъ рѣчь. Честь человѣка у него самого въ рукахъ: не обижать слабыхъ, не оскорблять женщинъ, не красть, не дѣлать зла ближнему, не подличать передъ сильнымъ,—вотъ что предписываетъ честь человѣческая. Сословная честь генерала Кирѣева трактуетъ о другомъ. Положимъ, онъ самъ дѣйствительно дуэлью хочетъ оградить личность отъ дурного или невоспитаннаго человѣка, но, къ сожалѣнію, результатъ его законопроекта будетъ обратный. Посмотримъ на Средніе вѣка, да и на теперешнѣе юнкерство въ Германіи. Къ чему повела ихъ теорія сословной чести? Къ тому ли субъективному достоинству, о которомъ я говорилъ выше, или къ обратнымъ явленіямъ. Думаю — къ обратнымъ. Вѣдь дошло до того, что когда офицеръ въ Берлинѣ идетъ по тротуару, встрѣчному статскому приходилось сойти съ него, во избѣжаніе скандала. Другъ друга они, можетъ быть, и не бьютъ, а статскаго можно и толкнуть и при случаѣ зарубить безнаказанно, чему мы видѣли много примѣровъ. Мы слышали, что дуэль научитъ офицеровъ уважать чужую личность (стр. 4). Не наоборотъ ли? Мы, слава Богу, теперь офицеровъ не боимся: и онъ личность, и я; а если ему дать особый кодексъ чести и дуэлей, то личности въ пиджакѣ для него не будетъ и результатъ будетъ обратный. Я уже не говорю про холопскую физіономію: правомъ экстерриторіальности point d'honneur не ограждалъ ее никогда. И это называется «огражденіемъ личности». Ос-

корбить даму или дѣвушку, хотя бы невольнымъ толчкомъ—можетъ повести къ дуэли или пощечинѣ по правиламъ узко-сословной чести, а обезчестить обѣщаніемъ брака работающую дѣвушку, бѣдную, неимѣющую другой защиты, кромѣ рукъ старухи-матери, и затѣмъ бросить ее съ ребенкомъ на улицу—это современный рыцарь можетъ себѣ позволить безъ страха дуэли, пощечины или изгнанія изъ полка.

Конечно, генералъ Кирѣевъ не одобряетъ всего этого; но его теорія, примѣненная на практикѣ, невольно повела бы къ вящшему развитію этого зла, ибо чѣмъ болѣе ограждалась бы сословная честь одного сословія, тѣмъ большее презрѣніе къ другимъ, а тѣмъ болѣе къ низкимъ, развивалось бы въ этомъ сословіи, помимо его воли. «Болѣзнь нашего общества—наша некультурность, наша грубость, а поединокъ только ея симптомъ. Уничтоживъ дуэль, мы залѣчимъ болячку, а не вылѣчимъ больного организма» (стр. 4). Вѣрно, скажемъ и мы, но такъ какъ и дуэль организма не вылѣчитъ, то лучше ужъ залѣчить болячку.

Авторъ признаетъ, что главная причина зла — некультурность, невоспитанность, и вѣрно говоритъ, что радикальное лѣченіе его, т. е. воспитаніе, средство слишкомъ медленное. Онъ предлагаетъ лѣченіе страхомъ дуэли. Другого выхода, говоритъ онъ, нѣтъ. А я утверждаю, что другой выходъ есть, есть и есть. И тоже лѣченіе страхомъ, но не дуэли—убійственной, безнравственной, глупой, а наказанія строгаго по суду, если угодно, сословному.

Если крестьянинъ укралъ рубль, то онъ отсидитъ недѣлю подъ арестомъ; а если дворянинъ укралъ рубль, то окружной судъ его присудитъ къ тюрьмѣ съ лишеніемъ правъ. Почему бы это не распространить на другіе проступки дурного воспитанія? Такъ кромѣ суда общаго, дворянинъ, ударившій дворянина ли, крестьянина ли, под-

лежалъ бы суду дворянскому, который лишилъ бы его, ну хоть, нѣкоторыхъ правъ. Дворянинъ, обезчестившій и бросившій дѣвушку, хотя бы крестьянку, если на ней не женится—лишался бы дворянства. Неужели такой законъ не поднялъ бы дворянства?

Для офицеровъ, если угодно ихъ честь считать еще дороже нашей, усильте еще эти наказанія, до изгнанія изъ полка и разжалованія въ рядовые съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ включительно—повѣрьте, что этотъ страхъ будетъ полезнѣе, чѣмъ страхъ дуэли, потому что поведетъ къ дѣйствительному улучшенію нравовъ, а не къ обратнымъ результатамъ, ибо чѣмъ больше ограждается личность офицера оружіемъ, тѣмъ болѣе подвергается поруганію личность статскаго, а тѣмъ болѣе холопа; другими словами, защита point d'honneur'a ведетъ къ упадку истинной чести. Неужели это не явствуетъ изъ исторіи всѣхъ вѣковъ рыцарства и изъ современнаго положенія тѣхъ странъ, которыя еще не отказались отъ этихъ пагубныхъ для самого сословія, дворянскаго ли или военнаго, предразсудковъ?

Этого суда, конечно, бояться нечего: вѣдь это тотъ же товарищескій судъ, что и въ кодексѣ г. Кирѣева. Но, конечно, есть случай, гдѣ ни на его судъ, ни на мой человѣкъ не пойдетъ. Это случай сравнительно рѣдкій, когда дѣло идетъ о чести близкой женщины. Съ этимъ въ судъ не пойдешь, какой бы то ни было. Тутъ, какъ въ дѣлѣ непоправимомъ, пускай дѣйствуетъ каждый, какъ знаетъ: иной будетъ драться на дуэли, иной убьетъ обольстителя, третій радъ бы драться, да обольститель откажется отъ дуэли, четвертый будетъ искать развода и т. д. Тутъ уже дѣло мести: можетъ судъ и отнестись снисходительно въ этихъ случаяхъ; но узаконить зла законъ не долженъ и не можетъ никогда. Но это случай рѣдкій, да

и кодексомъ г. Кирѣева не разрѣшенный, ибо что за разрѣшеніе, если донъ Жуанъ отниметъ у мирнаго гражданина жену или дочь, да ему же всадитъ въ тѣло конецъ своей шпаги?

Мы все слышимъ, что дуэль зло неизбѣжное. Зачѣмъ повторять заявленіе фактически невѣрное? Самъ же ген. Кирѣевъ говоритъ, что въ Англіи не дерутся. Значитъ, дуэль зло, котораго можно избѣжать? Положимъ, тамъ боксъ (ужъ такъ ли много?), но дуэли нѣтъ. Не есть ли третейскій судъ равныхъ по воспитанію другой выходъ, вполнѣ возможный? Почему бы не составиться антидуэльной лигѣ: записались бы всѣ мирные граждане, да и военныхъ большинство, думаю я. А женщины? Приходится имъ дрожать за жизнь офицера, сына или мужа въ военное время, а генералъ Кирѣевъ хочетъ отнять у нихъ покой и въ мирное время. Почему бы, правда, не составиться обществу борьбы съ дуэлями? Или это безнравственно?

III.

Есть книжка французская: «La science du point d'honneur». Генералъ Кирѣевъ пишетъ «Дуэльный кодексъ». Не производятъ ли эти слова впечатлѣнія въ родѣ: «Наука объ убійствѣ», «Руководство къ обманыванію женъ» и т. п. Но какъ же объяснить себѣ эту аномалію? Философъ христіанинъ, самый мирный гражданинъ, является апологетомъ науки о законномъ убійствѣ?

Да проститъ онъ мнѣ, что я позволяю себѣ касаться его личности; но зло, имъ дѣлаемое, настолько ужасно, что надо разобраться и въ этомъ вопросѣ. Мнѣ кажется, что дѣло, во-первыхъ, въ воспитаніи, традиціяхъ, извѣстныхъ предразсудкахъ, отъ которыхъ генералъ Кирѣевъ не можетъ

отрѣшиться. А во-вторыхъ, въ немъ мы видимъ весьма рѣдкое сочетаніе: убѣжденный, чистый, научно-образованный христіанинъ съ одной стороны, профессоръ шпаги—съ другой. Плюсъ на плюсъ, вопреки алгебрѣ, далъ минусъ. Почему? Да потому, что онъ слишкомъ субъективно отнесся къ дѣлу. Онъ, идеально воспитанный человѣкъ, можетъ поставить себя только на мѣсто жертвы плохого воспитанія, а никакъ не на мѣсто оскорбителя. Съ другой стороны, какъ человѣкъ, котораго никто безнаказанно не обидитъ, онъ въ дуэли видитъ строгое наказаніе порока, если бы безумецъ какой и рѣшился задѣть его честь. Невольно ставя себя на мѣсто дуэлиста, онъ видитъ въ дуэли самоогражденіе отъ зла. Защищающемуся онъ даетъ маленькія преимущества, въ родѣ выбора оружія и т. д., и думаетъ, что этимъ даетъ ему вѣроятность побѣды. Но онъ забываетъ—и это главное—что дурной человѣкъ нападетъ на слабаго и заставитъ его драться. Поэтому вѣроятность побѣды будетъ на сторонѣ негодяя-оскорбителя. Не увѣренность добраго въ огражденіи своей чести отъ злого и вслѣдствіе этого улучшеніе нравовъ будутъ результатами закона о дуэляхъ, а какъ разъ обратное—вѣчный страхъ добраго передъ нападеніемъ, оскорбленіемъ и насмѣшкой дурно воспитаннаго, который зазнается, чувствуя опору не въ правѣ, а въ шпагѣ или саблѣ. Вотъ гдѣ главная ошибка автора, происходящая отъ невозможности отрѣшиться отъ субъективнаго воззрѣнія на дѣло.

Перейдемъ къ двумъ стамъ начальникамъ отдѣльныхъ частей. Хотя г. Кирѣевъ и назвалъ замѣчаніе одного анонимнаго писателя изъ «Развѣдчика» плоскимъ, когда онъ говорилъ, что не генераламъ придется драться, а младшимъ офицерамъ, но мнѣ кажется, что это уже не такъ плоско. Припоминаю слова Екатерины Великой: «Удивляюсь, когда мнѣ говорятъ, что человѣкъ не можетъ себя

удержать; передо мною никто не забывается». То же можно сказать и про генераловъ. Обаяніе генерала таково, что трудно предположить, чтобы его оскорбили. Никто, конечно, не скажетъ, что генералы не будутъ подчиняться законамъ, написаннымъ для всѣхъ офицеровъ; но много ли примѣровъ генеральскихъ дуэлей перечислитъ генералъ Кирѣевъ? Если это такъ, то есть ли мнѣніе генераловъ мнѣніе арміи? Намъ со стороны виднѣе, что думаетъ большинство офицеровъ, и я ручаюсь, если бы спросить эти 38,000 человѣкъ, то не поздоровилось бы дуэльному кодексу. Вѣдь убитый генералъ не оставитъ семью нищихъ: и пенсія будетъ, и пособія. А офицеръ? Да, онъ умираетъ, онъ идетъ въ бой за отечество. Не посылайте же его на арену пѣтушинаго боя съ своимъ же товарищемъ. Пожалѣйте этого труженика, который въ 40 лѣтъ въ чинѣ капитана еле имѣетъ на что воспитать своихъ дѣтей. Дайте ему хоть въ мирное время спать спокойно. Пожалѣйте женъ ихъ несчастныхъ: вѣдь часто имъ кухарку нанять не на что. Генералъ Кирѣевъ приводитъ письмо какой-то анонимной дамы, требующей въ «Новомъ Времени» права дуэли для своего сына. Положимъ даже, что это дѣйствительно писала дама, хотя трудно этому вѣрить; но неужели вы, гг. защитники дуэлей, въ душѣ не сознаете, что вы вашими теоріями наводите уныніе на русскую женщину и что она проклянетъ васъ, когда изъ-за васъ останется съ своими сиротами?

Вы меня спрашиваете, кто уполномочилъ меня просить дѣйствительной Царской милости—запрещенія дуэлей? А кто васъ уполномочилъ посылать другихъ на бойню, не спросившись ихъ? Меня никто не уполномочилъ, но я чувствую за собой всю мыслящую, всю чувствующую Россію съ офицерами включительно. Скажите же, положа руку на сердце, увѣрены ли вы, что они васъ благодарятъ?

IV.

Нѣтъ строчки въ книгѣ г. Кирѣева, на которую не хотѣлось бы отвѣчать и на которую не нашлось бы возраженій. Ограничусь разборомъ его «положеній», отчасти уже проведенныхъ въ жизнь, отчасти имъ предполагаемыхъ.

1) Право, данное офицеру, защищать свою честь съ оружіемъ въ рукахъ.

Объ этомъ я уже говорилъ: это право чаще превратится въ право съ оружіемъ въ рукахъ нападать на слабѣйшаго, предварительно его оскорбивъ. Да наконецъ, тутъ опять неразработанный вопросъ отношеній офицеровъ къ статскимъ. Какъ будто выходитъ, что если бы офицеръ убилъ Нилуса, онъ бы гулялъ на свободѣ, а Нилусъ сидѣлъ. Если это право и разработано г. Кирѣевымъ въ его кодексѣ, то во всякомъ случаѣ слѣдовало бы успокоить и насъ грѣшныхъ путемъ печати.

2) Полное и точное, опредѣленное соотношеніе между родомъ (тяжестью) оскорбленія и родомъ поединка (тяжестью его условій).

Это задача физически неисполнимая, во-первыхъ, потому, что есть же оскорбленія (честь женщины), которыхъ не вынесутъ и на судъ товарищей (или нужно предварительно обмѣняться пощечинами, чтобы дуэль была серьезнѣе?); во-вторыхъ, потому, что самая легкая дуэль все-таки можетъ повлечь за собой смерть, другими словами — тяжесть дуэльныхъ условій не всегда пропорціональна тяжести послѣдствій.

3) Участіе товарищей какъ въ оцѣнкѣ происшедшаго столкновенія, такъ и въ дальнѣйшемъ направленіи возникшаго отсюда «дѣла чести» (это необходимо для репутаціи полка).

Это участіе товарищей въ полковыхъ дѣлахъ очень хорошо, но тогда, когда товарищи являются судьями, а не палачами, иногда невиннаго. Какъ долженъ себя чувствовать офицеръ, присудившій дуэль, на похоронахъ невинно погибшаго товарища? Какъ ни дорога репутація полка, но такую нравственную муку возлагать на офицера-судью грѣхъ. Впрочемъ, товарищескій судъ—вещь прекрасная.

4) Несомнѣннѣйшая и полнѣйшая надежда на широкое Царское милосердіе къ участникамъ дѣлъ чести.

По-нашему — это безнаказанность. Я уже достаточно говорилъ, къ какимъ результатамъ обратнымъ тому, чего желаютъ, поведетъ эта безнаказанность. Повторяться не стоитъ.

5) Отнятіе права носить мундиръ у тѣхъ, которые не захотѣли бы подчиниться симъ правиламъ.

На этомъ стоитъ остановиться. Генералъ Кирѣевъ сильно напираетъ на то, что драться не обязательно: не хочешь драться—снимай мундиръ. Да, это хорошо для людей обезпеченныхъ. А для нищаго капитана, которому 45 лѣтъ и у котораго жена и 5 человѣкъ дѣтей? Для него альтернатива слѣдующая: или вѣрный голодъ дѣтей при выходѣ изъ полка, или возможность остаться, рискнувъ жизнью. Онъ рискнетъ; но войдите въ его душу и поймите, какъ онъ будетъ стараться убить противника, у котораго въ рукахъ онъ видитъ нищету своей семьи. И этотъ капитанъ, можетъ быть, правъ, можетъ быть, страдаетъ изъ-за вины другого. Нѣтъ, лучше отвернуться отъ этой картины!...

6) Точная и полная номенклатура обидъ.

Это болѣе или менѣе возможно и при товарищескомъ судѣ было бы полезно.

7) Признаніе за оскорбленнымъ извѣстныхъ преимуществъ въ боѣ.

Идутъ два офицера; слово за слово и дошли до обоюд-

ныхъ оскорбленій. Кто оскорбленный? Но во всякомъ случаѣ эти права ничто въ сравненіи съ превосходствомъ въ умѣніи владѣть оружіемъ, которое чаще будетъ на сторонѣ обидчика, т. е. неправой стороны.

8) Предпочтеніе для боя холоднаго оружія огнестрѣльному.

Предлагается это потому, что при дуэляхъ холоднымъ оружіемъ смертность бываетъ меньше. Но зато тутъ полное преимущество того, кто хорошо владѣетъ оружіемъ. На это г. Кирѣевъ возражаетъ, что надо учиться фехтованью. А болѣзнь? А нервность? А неловкость? А слабость? Вѣдь не всѣ люди равны. При пистолетѣ же и неумѣющій стрѣлять можетъ имѣть надежду попасть. Не есть ли послѣднее предложеніе генерала Кирѣева вѣрное средство развести бреттеровъ?

Я кончилъ. Много еще хотѣлось бы сказать о храбрости, о пьянствѣ. Но вышла бы книга, а не статья.

Генералъ Кирѣевъ—послѣднее слово порядочности, le dernier cri du gentelman. Тѣмъ хуже, тѣмъ вреднѣе его писаніе. Онъ выступаетъ въ качествѣ публициста. Не отвѣчать ему—грѣхъ передъ обществомъ.

СТАТЬИ О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Замѣтка о русскомъ языкѣ.

Насъ учили и учатъ читать и писать по-русски; съ нами проходили и проходятъ литературу русскую, а говорить по-русски насъ никто не учитъ. Всякій произноситъ по-своему, точно нѣтъ русской фонетики. А между тѣмъ она есть: раскройте Греча, Востокова, Грота, и правила произношенія вы найдете у каждаго изъ нихъ. Между тѣмъ эти правила неизвѣстно для кого тамъ находятся. Вездѣ тамъ написано, что произносить надо «скушный», — а не «скучный», «што» — а не «что», «крѣпкый» — а не «крѣпкій», «друкъ» — а не «друхъ», «гусь» звукомъ латинскаго g — а не h.

Не важная ли была бы національная задача, чтобы отъ Архангельска до Одессы образованные русскіе люди говорили одинаково. Вѣдь заботятся же объ однообразномъ пѣніи положенныхъ на гласы церковныхъ напѣвовъ. Неужели и по-русски можно произносить, какъ мы произносимъ по-гречески, кто по Эразму, кто по Рейхлину, а кто по-своему съ татарскимъ *«л»* и русскимъ *«е»*?

Дѣло дошло до того, что нѣкоторые органы печати съ ироніей отнеслись къ циркуляру дирекціи Императорскихъ

театровъ, напомнившему Греча и Грота драматическимъ актерамъ. Всякій, дорожащій произношеніемъ нашихъ великихъ пуристовъ, не можетъ же сомнѣваться, что Гречъ произносилъ, какъ Пушкинъ; Гротъ, какъ Тургеневъ. Дирекція театровъ, напомнивъ это произношеніе, оказала дѣлу услугу. Тѣмъ болѣе можно бы ожидать содѣйствія тѣхъ вѣдомствъ, которыя вѣдаютъ русскими школами.

Когда я занялся школьнымъ дѣломъ въ Тамбовской губерніи, я пораженъ былъ дурнымъ произношеніемъ учителей. Оказалось, что они и не слыхали про правила фонетики: показалъ я имъ эти правила въ разныхъ грамматикахъ, старыхъ и новыхъ — они глазамъ своимъ вѣрить не хотѣли. Это имъ казалось дикимъ и переработать ихъ было невозможно. Такъ преподается русскій языкъ учителями.

Большая доля вины падаетъ на духовную школу, служащую разсадникомъ педагоговъ. Пишутъ въ духовныхъ школахъ лучше, чѣмъ въ гимназіяхъ, а ужъ произносятъ такъ, что слушать не хочется. Въ гимназіяхъ произношеніе дѣлается хуже и хуже до такой степени, что не мѣшало бы имъ прислушаться къ русской рѣчи въ кадетскихъ корпусахъ.

У насъ Академія Наукъ, у насъ писатели, у насъ подлежащія вѣдомства: неужели никто изъ нихъ не обратитъ вниманія на такое важное дѣло, предоставивъ заботы о немъ одному директору театровъ? А то мы рискуемъ, что лѣтъ черезъ сто наши потомки будутъ спорить о произношеніи *ч*, *г*, *к* и т. д., какъ теперь спорятъ о греческихъ «бета» или «вита».

Или русскому языку суждено обратиться въ смѣсь иностраннаго, славянскаго и чухонскаго?

А вѣдь было бы жаль!

Къ вопросу о чистотѣ русскаго языка.

Послѣднее время стали много заниматься порчей нашего родного языка. Рѣчь академика Кони произвела большое впечатлѣніе въ заинтересованныхъ этимъ вопросомъ кругахъ общества. Зло есть несомнѣнно, но мнѣ кажется, что оно не столько заключается въ употребленіи иностранныхъ словъ и даже въ неудачныхъ выраженіяхъ, чаще и чаще встрѣчающихся въ газетныхъ статьяхъ, сколько въ другомъ. Причину порчи языка тоже врядъ ли надо искать въ прессѣ.

Иностранными словами дѣйствительно пестрѣютъ газеты, но между ними есть большая разница и относиться ко всѣмъ иностраннымъ словамъ одинаково врядъ ли справедливо.

Больше всего поражаютъ изобиліемъ этихъ словъ нѣкоторые отдѣлы печати; таковы отдѣлъ научный, спортивный, биржевой и другіе. Явленіе это вполнѣ естественное. Люди науки болѣе и болѣе стремятся къ тому, чтобы научные термины были одни и тѣ же на всѣхъ языкахъ. Когда новое открытіе вызываетъ потребность въ новомъ словѣ, это слово, сочиненное ученымъ, сдѣлавшимъ открытіе, распространяется по всему свѣту. Для удобства именно распространенія ученые какъ бы сговорились производить эти слова отъ корней греческихъ и латинскихъ. Иначе и быть не могло: наука до сихъ поръ имѣетъ повсемѣстно классическую основу и языкъ свой производитъ отъ корней греческихъ и латинскихъ. Можно ли требовать или желать, чтобы научные термины переводились на всѣ языки? нужно ли переводить на русскій языкъ научные термины: эстетика, логика, періодъ, физика, барометръ и т. под.? Врядъ ли. Самая общность науки тре-

буетъ, чтобы и названія научныхъ понятій были одни и тѣ же на всѣхъ языкахъ. Если ихъ переводить на разные языки, то мало-по-малу и самое понятіе будетъ пріобрѣтать въ разныхъ странахъ различные оттѣнки, глядя по направленію науки въ той странѣ. Это, конечно, относится къ понятіямъ абстрактнымъ. Много словъ непереводимыхъ: горилла, фосфоръ, метръ, кристаллъ.

Мало-по-малу эти научные термины входятъ въ языкъ и иностранное ихъ происхожденіе перестаетъ чувствоваться. Возьмемъ языкъ церковный: церковь наша изъ Византіи заимствовала массу терминовъ: амвонъ, епитрахиль, клиросъ, просфора, канонъ, монахъ — кто въ этихъ словахъ помнитъ ихъ греческое происхожденіе и неужели они служатъ признакомъ порчи языка?

Не говорятъ же про порчу языка англійскаго, французскаго, нѣмецкаго оттого, что у нихъ научные термины имѣютъ греческіе и латинскіе корни. Термометръ, спиритизмъ, соціализмъ, эмпиризмъ — слова не англійскія, не нѣмецкія, не русскія, а всемірныя.

Въ языкѣ спорта появились всевозможныя новыя слова: стартъ, гандикапъ, финишъ и прочія; слова тоже иностраннаго, больше англійскаго, происхожденія, потому что спортъ — изобрѣтеніе англійское. Я не спортсменъ и слова эти написать пришлось мнѣ, кажется, въ первый разъ въ жизни, да и значенія ихъ я хорошо не понимаю. Для спортсмена это тоже всемірный языкъ его науки, для насъ это — жаргонъ этихъ господъ. Эти слова употребляются въ немногочисленномъ кружкѣ и если пестрятъ языкъ русской прессы, то только въ столбцѣ, который не каждый день появляется мелкимъ шрифтомъ на послѣдней страницѣ нашихъ газетъ. На первыхъ же страницахъ, которыя читаются всѣми, никакихъ стартовъ не вырываютъ, никихъ корпусовъ не выигрываютъ.

То же можно сказать и о биржевомъ и о бухгалтерскомъ языкѣ. Онколи, дебеты, реверсы—слова знакомыя тѣмъ, которые этимъ дѣломъ занимаются. Почему спеціалистамъ не имѣть своихъ спеціальныхъ терминовъ?

Какъ люди науки стремятся къ тому, чтобы имѣть свой всемірный научный языкъ, такъ ко всемірному языку стремятся разные спеціалисты. Это стремленіе къ обобщенію языка замѣчается и въ области техники. Всѣ новыя изобрѣтенія большею частью обозначаются на разныхъ языкахъ однимъ и тѣмъ же словомъ: велосипедъ, каучукъ, рельсы—все это слова всемірныя. Многія изъ нихъ, какъ напримѣръ калоши, жилетъ, фасонъ, такъ вошли въ русскій языкъ, что всякій ихъ понимаетъ и употребляетъ наравнѣ со всѣми другими русскими словами. Англійскій языкъ, языкъ Шекспира, весь испещренъ французскими и нѣмецкими корнями. Думаетъ ли кто, читая Шекспира, что слова «motive», «passion»—французскія, «free», «bad»—нѣмецкія? Конечно, нѣтъ.

Правда, мы злоупотребляемъ часто иностранными словами. Словъ «варьировать, интервьюировать» можно бы избѣжать. Но Петровскій официальный языкъ намъ показалъ, что часто привитыя къ русскому языку иноземныя слова сами собой съ теченіемъ времени выходятъ изъ употребленія. «Инфантерія» и «кавалерія» не говорится, а «артиллерія» взяла да и осталась. Врядъ ли это можно назвать порчей языка. Когда Пушкинъ воспѣваетъ «адмиралтейскую» иглу и береговой «гранитъ» Невы, то неужели это кому-нибудь рѣжетъ ухо?

Перейду ко второму признаку порчи русскаго языка,—безграмотности, часто допускаемой въ прессѣ. Это правда; часто встрѣчается такое выраженіе, что оно васъ такъ и ударитъ по уху. Но что это доказываетъ? Это доказываетъ, что въ газетахъ для отдѣловъ менѣе важныхъ есть

не хорошо грамотные сотрудники и что составъ редакціи слишкомъ занятъ, чтобы все просмотрѣть внимательно. Есть ли это признакъ порчи языка вообще? Не думаю. Чистоту языка призваны хранить беллетристы, а не газетные хроникеры и репортеры. Вотъ если бы эта безграмотность отражалась на писаніяхъ корифеевъ нашей литературы, тогда это было бы признакомъ общаго паденія чистоты языка. Но этого нѣтъ.

Затѣмъ нужно имѣть въ виду, что никакой языкъ не можетъ и не долженъ замерзнуть на мѣстѣ. Въ началѣ выраженіе кажется неудобнымъ, нѣкоторые скажутъ—безграмотнымъ, а затѣмъ мало-по-малу оно пріобрѣтаетъ права гражданства, становится неологизмомъ, къ которому слѣдующее поколѣніе уже не относится враждебно. Возьму для примѣра слово «красивый». Понятіе о красотѣ относилось только къ органу зрѣнія, а теперь стали говорить «красивая музыка, красивое рѣшеніе геометрической задачи, красота душевная». Эта метафора могла вначалѣ казаться можетъ быть и безграмотною, а теперь употребляется вездѣ и никого не возмущаетъ—чуть-чуть было не сказалъ: шокируетъ.

Тѣмъ менѣе можно считать прессу виновницей порчи языка. Въ прессѣ мы видимъ и по отношенію къ языку отраженіе того, что говорится въ обществѣ. Если, можетъ быть, увеличеніе безграмотности прессы указываетъ на увеличеніе ея въ обществѣ, то ни въ какомъ случаѣ нельзя винить прессу въ томъ, что она дѣлаетъ общество безграмотнымъ. Учатся языку, не читая газеты, а въ школѣ—съ малолѣтства.

О школѣ я и хочу поговорить.

Каждый изъ насъ видалъ затрудненія гимназиста, пишущаго сочиненіе. Надо надо написать «итти»: что поставить послѣ «и»—«д» или «т»? Справляется съ умной книж-

кой. Оказывается, можно поставить и то, и другое. А «ѣ» и «е» сколько сомнѣній возбуждаютъ? «Копѣйка» и «копейка», «лѣчить» и «лечить». Далѣе «Владиміръ и Владимиръ», да не перечтешь всѣхъ затрудненій. Хуже всего то, что мнѣ извѣстны случаи, когда учитель отмѣчалъ ошибкой то, что было правильно по Гроту. Правописаніе должно быть точно опредѣлено. У насъ же этого нѣтъ. Путаница, вслѣдствіе этого возникающая, очень затрудняетъ изученіе родного языка. На это неудобство часто указывали. Но и не въ немъ корень зла.

Если Тургенева, великаго ревнителя чистоты русскаго языка, теперь бы поднять изъ могилы, то онъ ужаснулся бы, какъ учителя сами говорятъ по-русски и какъ учатъ говорить дѣтей.

Въ одной компаніи учительской я сказалъ, что букву «г» произносятъ не такъ. У насъ «г» часто учителями произносится не иначе, какъ латинское «h», и никогда, какъ «g». Были тутъ учителя съ высшимъ и среднимъ образованіемъ и духовные. Многіе долго прислушивались къ тому, что я говорю: они не знали разницы между «г» твердымъ и «г» мягкимъ. Воспроизвести же звука «g» они никакъ не съумѣли. Въ народѣ тоже въ большинствѣ говорятъ «h», какъ хохлы. Только въ Москвѣ и окрестностяхъ эта разница соблюдается. Но дѣло не въ народѣ—дѣло въ педагогахъ, въ гимназіяхъ. Когда я въ той же компаніи сказалъ, что надо говорить «што», «друкъ», «помошникъ», а не «что, друхъ», «помощникъ»,—меня насмѣхъ чуть не подняли. Я показалъ всѣ грамматики отъ Греча и Востокова до Буслаева и Грота—вездѣ въ фонетикѣ предлагается говорить «што», «друкъ», «помошникъ». Это все были учителя, учившіеся сами и учащіе другихъ читать, писать сочиненія, сами готовящіе новое поколѣніе учителей.

Я сталъ прислушиваться къ говору нашихъ педаго-

говъ; сплошь да рядомъ слышишь «всёй», «моёй», вмѣсто «всей», «моей», точно не учителя говорятъ, а мастеровые, не русскіе, а малороссы.

Мало того, когда кн. Волконскій издалъ приказъ актерамъ соблюдать правила русской фонетики, нѣкоторые писатели стали высмѣивать этотъ приказъ. Очевидно, и они о фонетикѣ не имѣютъ понятія.

Извѣстно, что наши духовныя учебныя заведенія отличаются особымъ языкомъ. Этотъ же языкъ становится у насъ господствующимъ черезъ посредство учителей изъ духовныхъ академій и семинарій. Будущее поколѣніе сплошь будетъ говорить на этомъ діалектѣ. Не важнѣе ли эта порча нашего языка, чѣмъ та, о которой такъ много говорятъ?

Слышалъ я и такое мнѣніе: это неважно. Какъ неважно? По моему лучше пускай гдѣ «е» напишутъ вмѣсто «ѣ», но сохранятъ произношеніе русское. Нельзя же допустить, чтобы мы и по-русски говорили кто по Эразму, кто по Рейхлину. Изучая греческій языкъ, мы бьемся рѣшить споръ, какъ произносить: дзета, зета, дзита или зита. А по-русски,—какъ ни сказалъ, все равно. Да неужели же это допустимо?

У насъ теперь въ академіи не только узкіе спеціалисты, но и пуристы-практики. Обратить свое вниманіе слѣдуетъ прежде всего не на прессу,—она свое дѣло дѣлаетъ, а на школу, и для этого немедленно приступить къ изданію русской грамматики и русскаго словаря.

Да словарь нуженъ не такой, который къ 21 столѣтію приступитъ къ буквѣ «б», а коротенькій, маленькій, какой нуженъ гимназисту и всякому читающему и пишущему по-русски. Грамматика тоже нужна незыблемая. Приступая къ лѣченію (леченію?) русскаго языка, нужно рѣшить, какъ это сдѣлать: съ «ѣ» или съ «е». Не надо

о словѣ «лѣчить» писать трехтомнаго сочиненія, доходя до санскритскихъ (а можетъ быть и скандинавскихъ) корней. Нѣтъ, дайте намъ рѣшеніе, хоть невѣрное (вѣдь всегда будутъ нѣкоторые люди возражать), но такое, которое бы сомнѣній не допускало.

А главное: дайте намъ фонетику и сдѣлайте ее обязательною для господъ педагоговъ, чтобы они русскихъ дѣтей не учили по-хохлацки. А если скажетъ академія, что надо говорить: «hортань», «что», «твоёй»,—пусть такъ. Но врядъ ли она это скажетъ.

Эти словарь и грамматика разрѣшили бы и другія сомнѣнія; какія иностранныя слова принять, какія нѣтъ, что безграмотность, а что неологизмъ.

Академія привыкла ставить рѣшенія академическія, т. е. такія, которыя въ жизнь не переходятъ, а теперь—да будетъ мнѣ прощено, что я поднимаю такіе вопросы—обновленной академіи нужно бы рѣшить жизненный вопросъ, какъ будетъ говорить въ Россіи образованное общество: по Эразму или по Рейхлину?

СТАТЬИ ПО РАЗНЫМЪ ВОПРОСАМЪ.

Нѣсколько фактовъ изъ практики коронныхъ судей.

(Въ защиту суда присяжныхъ).

Нѣкоторые, къ счастью немногочисленные, органы нашей прессы поставили себѣ задачей всѣми средствами дискредитировать судъ присяжныхъ, прозванный ими судомъ улицы. Весь юридическій міръ въ Россіи уже высказался. По пальцамъ можно перечесть юристовъ, позволяющихъ себѣ говорить противъ суда присяжныхъ. Поэтому не стоило бы вламываться въ открытую дверь. Но есть нѣкоторыя соображенія, которыя заставляютъ меня снова заговорить объ этомъ вопросѣ.

Враги присяжныхъ пользуются средствомъ неубѣдительнымъ въ дѣйствительности, но увлекающимъ за ними многихъ. Вдругъ появляется статья подъ заглавіемъ «Оправданный отцеубійца» или «Оправданіе отравительницы» и тому подобными. Пишутся эти статьи такъ: какой-нибудь репортеръ (другой газеты) въ десяти строкахъ излагаетъ дѣло, что, молъ, обвинялся такой-то отцеубійца. Онъ признался въ преступленіи и тѣмъ не менѣе былъ оправданъ. Прессѣ, о которой я говорю, дѣла нѣтъ, что отцеубійца

былъ невмѣняемъ, что отравительница на себя налгала и т. п. На что имъ знать подробности? Они рады придраться къ этой судебной хроникѣ и выпускаютъ громовую статью противъ самого института присяжныхъ засѣдателей. Впослѣдствіи другія газеты опровергаютъ эти факты, показываютъ, какъ дважды два — четыре, что, будь присяжнымъ самъ авторъ статьи, то и онъ подписалъ бы оправдательный приговоръ. Но что за дѣло имъ до фактовъ? Впечатлѣніе сдѣлано, они довольны и о подробностяхъ дѣла молчатъ. Возражаютъ имъ серьезными статьями, статистикой оправданныхъ и осужденныхъ; но эти серьезныя опроверженія меньше бьютъ публику по нервамъ, чѣмъ первоначальное ни на чемъ не основанное обвиненіе.

Мнѣ пришло въ голову отвѣтить имъ, пользуясь ихъ же оружіемъ, то-есть приводя факты обратные: именно явно несправедливые обвинительные приговоры коронныхъ судей. Я не жду такого возраженія, какое ими дѣлается, потому что ихъ разбить легко, изложивъ подробно дѣло, котораго они хотятъ знать только заглавіе. Я пишу, зная дѣло, и надѣюсь, что для безпристрастнаго читателя мои примѣры будутъ убѣдительны.

1) Дѣло объ убійствѣ въ просонкахъ.

Въ селѣ Они Рачинскаго уѣзда Кутаисской губерніи разбиралось окружнымъ судомъ (на Кавказѣ присяжныхъ засѣдателей нѣтъ) слѣдующее дѣло:

Жилъ-былъ нѣкто Метонидзе. Жена у него была Селмандія. Человѣкъ онъ былъ у себя уважаемый, такъ какъ попалъ въ помощники старшины. Въ числѣ его обязанностей были и мытарскія, т.-е. собираніе податей. Метонидзе въ день преступленія занимался этимъ дѣломъ удач-

но: онъ собралъ довольно много денегъ и, довольный успѣхомъ, вернулся домой. Усталый, онъ, не раздѣваясь, въ черкескѣ и съ обычнымъ оружіемъ на поясѣ, ложится спать на тахтѣ и засыпаетъ. Тѣмъ временемъ жена его Селмандія приготовила обѣдъ и пошла его будить. Вдругъ послѣдній какъ сумасшедшій вскакиваетъ съ тахты, выхватываетъ кинжалъ и наноситъ женѣ рану въ животъ. Опомнившись, онъ бросается на трупъ, рыдаетъ, но, увы!— дѣла поправить было нельзя: Селмандія умираетъ.

— Что,—спрашиваютъ его,—побудило тебя совершить такое страшное преступленіе?

— Я самъ не знаю. Легъ я усталый съ собранными деньгами въ карманѣ, и вдругъ мнѣ приснился страшный сонъ: разбойники захотѣли меня ограбить, зная, что у меня много денегъ: я хотѣлъ защищаться и убить одного изъ нихъ... но это оказалась моя жена, милая моя Селмандія. Больше мнѣ сказать нечего.

Свидѣтели всѣ въ одинъ голосъ показываютъ одно: жили Метонидзе съ женой образцово; никакихъ не было поводовъ къ ревности съ той или съ другой стороны; ни по этой, ни по какой-либо другой причинѣ миръ никогда не нарушался. Пара была образцовая и причины катастрофы никто себѣ не могъ уяснить. Вызываютъ эксперта-врача.

— Существуетъ, говоритъ онъ, такъ называемое состояніе просонокъ. Человѣкъ спящій видитъ сонъ и при пробужденіи дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы сонъ продолжался. Такъ было съ Метонидзе. Онъ собиралъ деньги, имѣлъ ихъ при себѣ: естественно, что онъ наяву боялся, чтобы его не ограбили. Но часто сонъ имѣетъ связь съ тѣмъ, что занимаетъ человѣка въ состояніи бодрствованія. Что же удивительнаго, что подсудимый видѣлъ во снѣ нападеніе разбойниковъ? Далѣе, извѣстно въ наукѣ, что сонъ,

для развитія котораго, если бы это была дѣйствительность, нужно много времени, въ нѣсколько мгновеній проносить передъ вами массу образовъ; поэтому возможно, что когда жена начала будить его, она успѣлъ создать себѣ всю картину борьбы съ разбойниками, на него напавшими. Наконецъ, наука установила фактъ сохраненія впечатлѣнія сна и послѣ пробужденія. Человѣкъ проснулся, открылъ глаза, дѣйствуетъ, а передъ нимъ все тотъ же образъ, который запечатлѣлся во снѣ. Такъ и Метонидзе, нанося ударъ несчастной Селмандіи, думалъ поразить разбойника. Метонидзе былъ невмѣняемъ.

Коронные судьи сослали Метонидзе въ Сибирь.

«Что чувствуютъ родственники убитаго, когда присяжные оправдываютъ убійцу, ихъ кормильца?» говорятъ намъ.—«Что подумаетъ общество, и какъ этотъ приговоръ на него подѣйствуетъ?»

А я спрошу: Что чувствуетъ Метонидзе въ Сибири, когда вины за собою не знаетъ? Что сказала бы жена его судьямъ своего мужа, если бы могла говорить? Наконецъ, какой тяжести камень лежитъ на совѣсти судей, вынесшихъ приговоръ Метонидзе, если они сознаютъ, что сдѣлали, и если сердце ихъ не совсѣмъ очерствѣло? Боже сохрани быть въ положеніи кутаисскихъ судей, сославшихъ Метонидзе.

Будь на Кавказѣ судъ присяжныхъ, невинный Метонидзе не страдалъ бы въ Сибири, вдали отъ родины и отъ семьи, и имѣлъ бы возможность отслужить панихиду на могилѣ любившей его и любимой жертвы своей.

Объ этомъ дѣлѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ представителей судебнаго вѣдомства. На вопросъ, какъ объяснить себѣ такое удивительное отношеніе судей къ дѣлу, онъ отвѣтилъ:

— Не буду говорить о переутомленіи судей на Кав-

казѣ вслѣдствіе непомѣрнаго обремененія ихъ дѣлами. Скажу только, что они слишкомъ долго остаются судьями. Человѣкъ, тридцать лѣтъ ведущій уголовныя дѣла, привыкаетъ видѣть въ подсудимомъ не человѣка, а нумеръ. Главнымъ вопросомъ для нихъ является не то, виновенъ ли онъ или нѣтъ, отвѣтственъ онъ или нѣтъ въ своемъ преступленіи, а то, чтобы не было кассаціонныхъ поводовъ.

О невмѣняемости подсудимаго у нихъ является весьма рѣдко сомнѣніе, потому что имъ кажется невѣроятнымъ, что сумасшедшій признавался нормальнымъ до совершенія имъ преступленія. Поэтому тамъ, гдѣ вопросъ о вмѣняемости рѣшается коронными судьями, вопросъ этотъ рѣдко разрѣшается въ пользу подсудимаго. Присяжные, прежде всего судящіе человѣка, а не дѣяніе, имъ только совершенное, больше вникаютъ въ психологію обвиняемаго, болѣе склонны признать его ненормальнымъ при несоотвѣтствіи преступленія съ характеромъ и жизнью подсудимаго. Во всякомъ случаѣ при присяжныхъ дѣло, какъ только-что мною разсказанное, было бы невозможно.

Болѣе чуткими къ участи обвиняемаго оказываются у насъ суды съ шефенами, каковыми у насъ являются военные суды. Говорили въ обществѣ про одно дѣло, гдѣ на скамьѣ подсудимыхъ долженъ былъ предстать сумасшедшій солдатъ, обвинявшійся въ убійствѣ. И вотъ 4-го февраля 1900 года отправился я въ тифлисскій военно-окружный судъ. Никогда не считалъ я возможнымъ то, чего пришлось быть свидѣтелемъ въ этотъ день. Нельзя придумать болѣе разительнаго примѣра контраста судей коронныхъ и суда общества, представленнаго въ данномъ случаѣ четырьмя офицерами-шефенами.

2) Дѣло о сумасшедшемъ убійцѣ.

Казакъ Безбородовъ поссорился въ духанѣ съ осетиномъ, однимъ изъ обычныхъ посѣтителей этого заведенія. Оба были пьяны и скоро отъ словъ перешли къ дракѣ. Его противникъ, человѣкъ горячій, схватываетъ бывшій при немъ кинжалъ и наноситъ Безбородову двѣ раны, одну въ шею, другую въ голову повыше лба. Безбородовъ быстро выбѣгаетъ наружу, схватываетъ ружье и бѣжитъ къ духану. Хозяинъ духана, видя, что дѣло плохо, запираетъ дверь духана извнутри, предварительно уговоривъ осетина удалиться, во избѣжаніе дальнѣйшаго кровопролитія.

Безбородовъ прибѣгаетъ съ оружіемъ, видитъ—дверь заперта, начинаетъ бросать въ нее камни. Крѣпкая дверь не поддается. Тогда обезумѣвшій казакъ, съ окровавленной головой стрѣляетъ въ дверь разъ, стрѣляетъ второй разъ, стрѣляетъ третій разъ. Третій выстрѣлъ нечаянно ранитъ двухъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Обоимъ раны наносятся незначительныя, въ мягкія части ноги. Но судьба раненыхъ была различна. Одинъ лѣчился у доктора и черезъ нѣсколько дней былъ здоровъ; другой тоже лѣчился, но у своего брата, хозяина того духана, гдѣ разыгралась драма. Этотъ лѣкарь затыкаетъ рану грязной тряпкой и заливаетъ ее грязнымъ воскомъ. Происходитъ зараженіе крови и человѣкъ на четвертый день умираетъ. Казалось бы, что его убилъ его братъ, духанщикъ, но не въ этомъ дѣло. Привлекается къ военному суду Безбородовъ по обвиненію въ умышленномъ убійствѣ брата духанщика.

Военный судъ, принимая во вниманіе, что человѣкъ совершилъ преступленіе, имѣя серьезную рану на головѣ, постановляетъ вызвать эксперта для освидѣтельствованія

его. Экспертъ даетъ заключеніе въ пользу его невмѣняемости. Тогда дѣло, согласно закону, передается въ гражданскій судъ для рѣшенія вопроса психической нормальности. Самъ военный судъ признать подсудимаго невмѣняемымъ не можетъ. Такой же порядокъ теперь введенъ и въ гражданскомъ судѣ. Судитъ судъ обыкновенный; онъ же ссылаетъ на каторгу, если сомнѣнія о невмѣняемости у него не возникаетъ; но признать человѣка невмѣняемымъ не можетъ. Законъ, очевидно, охраняетъ справедливость отъ мягкосердечія судей. Вопросъ переносится въ этихъ случаяхъ въ особое смѣшанное присутствіе при гражданскомъ судѣ,—присутствіе, состоящее изъ трехъ судей, трехъ врачей и начальника подсудимаго или лица изъ администраціи, если подсудимый не служитъ.

Такое присутствіе и призвано было рѣшить вопросъ о Безбородовѣ. Оно постановляетъ передать его на испытаніе не менѣе чѣмъ на два мѣсяца въ военный госпиталь. Испытаніе кончено. Безбородовъ передъ присутствіемъ. Читается докладъ госпиталя.

1) Подсудимый,— говорятъ спеціалисты,— совершилъ преступленіе подъ вліяніемъ патологическаго аффекта (замѣтьте: не психологическаго), будучи не въ силахъ противостоять таковому по недостаточности развитія аффективной стороны его душевной жизни.

2) Патологическіе аффекты вызваны у него на почвѣ алкогольнаго опьянѣнія, которое могло повлечь за собой полную утрату волевой дѣятельности.

3) На совершеніе подсудимымъ преступленія на него повліяло нанесеніе ему раны въ голову, которая могла повліять на лобныя доли и кортикальные центры движенія мозга, прилегающіе къ лобной кости.

Присутствіе допрашиваетъ подсудимаго: подсудимый на всѣ вопросы отвѣчаетъ здраво. Только объ одномъ не

говоритъ: о преступленіи. Запамятовалъ. Резолюція такова: «Такъ какъ Безбородовъ на допросѣ ненормальности не проявилъ, то признать, что онъ не страдалъ и не страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей». Судите Безбородова, по силѣ законовъ онъ здоровъ,—таково рѣшеніе присутствія. Военному суду остается покориться и сослать его на каторгу.

Пусть такъ: пусть могло не понравиться судьямъ, что говорится про опьянѣніе, влекущее за собой утрату волевой способности; пусть могли они приписать экспертизу излишней сердобольности врачей; пусть ихъ рѣшеніе было обдумано и, по ихъ мнѣнію, справедливо. Но посмотримъ дальше.

Собирается снова военный судъ. Въ началѣ засѣданія читается бумага военнаго госпиталя, что Безбородова нашли нужнымъ вовсе уволить отъ службы, какъ душевно больного.

— Да гдѣ же подсудимый?—спрашиваетъ судья.

— Его не привели изъ госпиталя,—докладываетъ секретарь.—Да вотъ бумага.

Въ бумагѣ говорилось, что Безбородова доставить не оказалось возможнымъ, такъ какъ онъ страдаетъ циркуляціоннымъ умопомѣшательствомъ и можетъ быть высланъ въ судъ по наступленіи свѣтлаго промежутка.

Что было дѣлать? Новое обстоятельство должно вызвать новое разслѣдованіе. Безбородовъ опять направляется въ смѣшанное присутствіе, опять назначается испытаніе въ госпиталѣ.

Испытаніе окончено. Безбородовъ снова предсталъ передъ представителями суда, медицины и администраціи. Теперь дѣло обставлено лучше. Произведено дознаніе черезъ слѣдователя на мѣстѣ рожденія Безбородова. Госпи-

таль далъ заключеніе. Экспертъ его демонстрируетъ. Картина полная.

Восьми лѣтъ Безбородовъ попадаетъ въ котелъ съ кипяткомъ и обваривается. Съ нимъ дѣлается падучая болѣзнь, которая продолжается до четырнадцати лѣтъ; потомъ припадки прекратились, но на него повременамъ «находило», по выраженію крестьянъ. Таковъ результатъ дознанія на мѣстѣ его происхожденія.

— Передъ вами, господа судьи,—говоритъ экспертъ,—типическій образецъ вырожденія: нёбо узкое, высокое, сѣдлообразное; полная асиметрія лица: носъ на-бокъ, язычокъ тоже на-бокъ, одна скула болѣе выдвинута чѣмъ другая, щеки скошены, чувствительность повышена, болевые рефлексы тоже, нѣкоторые отсутствуютъ.

Посмотримъ рану на головѣ.

Рана жестокая; черепъ раздробленъ, осколки черепа попали въ мозгъ и вынуты оттуда операціоннымъ путемъ. Онъ долго не могъ вылѣчиться, и при болѣзни у него была рвота—признакъ патологическаго измѣненія мозга.

Заключеніе военнаго госпиталя опять вполнѣ въ пользу подсудимаго. Снова говорится про патологическій афектъ, подробнѣе излагается, какъ могла рана повліять на эту дегенеративную почву. «Такія,—говоритъ заключеніе,—поврежденія въ огромномъ большинствѣ случаевъ сопровождаются цѣлой серіей разрушительныхъ дѣйствій, переходящихъ во всевозможные виды преступленій».

Кажется, ясно?

Послушаемъ резолюцію смѣшаннаго суда. «Хотя, говорится въ ней, съ несомнѣнностью установлено, что Безбородовъ носитъ на себѣ слѣды вырожденія и что онъ непосредственно передъ совершеніемъ преступленія получилъ тяжкое пораненіе головы, соединенное съ поврежденіемъ черепныхъ костей, что въ то же время онъ былъ

пьянъ, но нельзя признать, чтобы преступленіе было совершено въ состояніи разстройства умственныхъ способностей, такъ какъ судъ не находитъ къ этому никакихъ основаній».

Къ этой резолюціи я вернусь, а теперь докончу свой разсказъ.

Хотѣли бы вы, читатель, быть на мѣстѣ военнаго судьи, или одного изъ офицеровъ, составляющихъ присутствіе военнаго суда, и имѣть передъ собой подсудимаго эпилептика, со всѣми явными признаками дегенераціи, съ мозгомъ, изъ котораго вынимали косточки черепа, сумасшедшаго съ свѣтлыми промежутками, котораго вы должны бы были судить, какъ здороваго человѣка, совершившаго преступленіе, за которое полагается каторжная работа?

Я бы не хотѣлъ. Вотъ положеніе, въ которомъ очутился военный судъ, судившій Безбородова. Не налегла рука этихъ людей на невмѣняемаго. Фактъ стрѣлянія былъ налицо, фактъ ранъ, Безбородовымъ нанесенныхъ,—тоже, какъ и фактъ смерти человѣка. Виновенъ Безбородовъ въ стрѣляніи и въ убійствѣ человѣка?—Да.—Въ умышленномъ убійствѣ?—Нѣтъ. Итакъ, передъ судомъ былъ человѣкъ буянившій, стрѣлявшій въ дверь,—вѣдь онъ былъ здоровый человѣкъ, а здоровый человѣкъ въ дверь стрѣлять будетъ развѣ, чтобы побуянить,—и при этомъ нечаянно ранившій близъ стоявшаго человѣка. Четырнадцать дней ареста на хлѣбѣ и на водѣ—вотъ приговоръ военнаго суда.

Не попалъ сумасшедшій Безбородовъ на каторгу, но не гражданскимъ судьямъ мы этимъ обязаны. Я говорю: «гражданскимъ судьямъ», ибо не вѣрю, чтобы изъ трехъ врачей, участвовавшихъ въ смѣшанномъ присутствіи, хоть одинъ могъ подать голосъ за вмѣняемость Безбородова

послѣ всего того, что было раскрыто испытаніемъ его въ госпиталѣ и экспертизой.

Многое можно бы сказать по этому поводу. Трудно судить одному составу суда, когда вопросъ о вмѣняемости рѣшается другимъ. Зачѣмъ поэтому нужно это смѣшанное присутствіе, затягивающее дѣло безцѣльно (дѣло Безбородова длилось болѣе четырехъ лѣтъ)? Зачѣмъ этотъ порядокъ распространенъ на гражданскій судъ? Пускай объ этомъ говорятъ юристы. Меня же интересуетъ дѣло это съ точки зрѣнія огражденія у насъ при судѣ безъ присяжныхъ засѣдателей невиннаго отъ каторги и съ точки зрѣнія психологіи не Безбородова — нѣтъ, а коронныхъ судей, признавшихъ его вмѣняемость.

Тульскій отцеубійца оправданъ, Коновалова оправдана, и поднимается шумъ противъ суда улицы,—людьми, не бывшими въ залѣ ни того, ни другого суда. Не дай Богъ, если виновный будетъ оправданъ. А если безумный эпилептикъ попадетъ на каторгу — это что? Ничего? Но что имъ до Гекубы-правды?

Подъ какимъ вліяніемъ должны были быть судьи, ставившіе свой приговоръ о вмѣняемости. Вѣдь нельзя безпристрастно ставить такой приговоръ: а такъ какъ онъ сумасшедшій, да притомъ съ раздробленнымъ черепомъ, то признать его дѣйствовавшимъ въ здравомъ умѣ.

Итакъ, приговоръ былъ поставленъ очевидно несознательно. Возьмемъ лучшій случай: дѣлъ столько, что надо торопиться; дѣло слушалось такъ поздно, что судьи устали: они не могли сосредоточить мысли, думали въ это время о другомъ и постановили неправильное рѣшеніе. Я говорю, что это лучшій случай въ томъ смыслѣ, что остальныя дѣла рѣшаются болѣе внимательно. Но и это ужасно. Неужели эти утомленные судьи забыли, что рѣшали о человѣкѣ вопросъ, можетъ быть, болѣе важный, чѣмъ во-

просъ жизни и смерти? Неужели судья, если чувствуетъ себя утомленнымъ настолько, что не можетъ сознательно рѣшить дѣло,—а онъ не можетъ этого не чувствовать,—долженъ продолжать его слушать и ставить явно несправедливый приговоръ?

Въ томъ-то и дѣло, что иной судья это сдѣлаетъ, а улица не сдѣлаетъ, улица чутка и грѣха не захочетъ взять на душу. А судья, всю жизнь судившій, иногда и не сочтетъ этого за грѣхъ: «Что же дѣлать? Мы должны были двадцать дѣлъ разобрать: вѣдь мы не каменные». Нѣтъ, вы не каменные, но не окаменѣло ли сердце у нѣкоторыхъ изъ васъ?

Поэтому будемъ желать долгой жизни и дальнѣйшаго развитія суду улицы. Противъ него могутъ быть только тѣ, которые и въ Великую Екатерину готовы бросить камень за ея слово о десяти виновныхъ и одномъ невинномъ.

Перехожу къ третьему дѣлу.

3) Дѣло объ убійствѣ во время танцевъ.

Въ залѣ суда я не былъ, не пишу со словъ печати, а по разсказу человѣка, безусловно авторитетнаго и прикосновеннаго къ дѣлу. Поэтому предпочитаю не называть именъ подсудимаго и мѣста преступленія и суда.

Былъ въ одинъ прекрасный день хороводъ. Особенно плясалъ одинъ человѣкъ съ гармоникой въ рукахъ. Въ самый разгаръ пляски мимо проходитъ начальникъ танцора. Онъ бросаетъ гармонику, схватываетъ ружье и кладетъ начальника на мѣстѣ. Тутъ же снова бросаетъ ружье, поднимаетъ свою гармонику и продолжаетъ плясать. По этому одному уже видно, что человѣкъ ненормальный.

Вѣдь нельзя же его вторичные танцы объяснить закоренѣлостью преступника: это было его первое преступленіе.

Попадаетъ дѣло суду съ сословными представителями. Въ распорядительномъ засѣданіи судъ постановляетъ ко дню разбора вызвать психіатра. Засѣданіе открыто. Свидѣтели всѣ отвергаютъ какую бы то ни было мысль о враждѣ подсудимаго къ покойнику, равно какъ и наличность какого бы то ни было повода къ убійству. Нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ странный. На вопросъ: почему, отвѣчаютъ, что страннымъ онъ имъ казался по своей чрезмѣрной веселости.

Подсудимый о своемъ преступленіи молчитъ. Допрашиваютъ эксперта, извѣстнаго психіатра-профессора. Экспертъ говоритъ, что субъектъ представляетъ собою полную картину вырожденія, указываетъ на выраженіе лица и отсутствіе рефлексовъ и предполагаетъ пораженіе нѣкоторыхъ долей мозга, тѣмъ болѣе, что у подсудимаго оказалась старинная рана въ черепной области. Онъ демонстрируетъ больного и при этомъ вкалываетъ иглу въ черепную рану. Игла вся уходитъ въ мозгъ, не вызывая болевого ощущенія у испытуемаго. Діагнозъ—полная невмѣняемость подсудимаго.

— Ваше заключеніе, господинъ прокуроръ?—говоритъ предсѣдатель.

Прокуроръ даетъ заключеніе, что подсудимый невмѣняемъ и что слѣдуетъ его направить въ смѣшанное присутствіе для изслѣдованія. О томъ же ходатайствуетъ и защита. Судъ, послѣ минутнаго совѣщанія, постановляетъ дѣло слушаньемъ продолжать, такъ какъ не находитъ мотивовъ для его освидѣтельствованія. Подсудимый, если онъ живъ, и теперь на каторгѣ.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сословными представителями. Нельзя же ихъ упрекнуть въ небрежности или черствости:

вѣдь это тоже представители общества. Поэтому надо искать другую причину этого удивительнаго рѣшенія. Шефены, офицеры въ военномъ судѣ, сословные представители — не юристы, и когда имъ приходится совѣщаться съ судьями, то, естественно, попадаютъ подъ ихъ вліяніе: невозможность отстоять свое мнѣніе по незнанію законовъ, неувѣренность въ томъ, что законно, что нѣтъ — въ большинствѣ случаевъ заставляетъ ихъ подчиниться желанію предсѣдателя, профессіональнаго судьи.

Еще человѣкъ, который при судѣ присяжныхъ былъ бы не на каторгѣ, а въ больницѣ душевно-больныхъ! И сколько, небось, такихъ, каждый стонъ которыхъ говоритъ въ пользу суда присяжныхъ и на Кавказѣ, и въ Сибири, и вездѣ.

Три новыхъ магистрали.

Постройка трехъ новыхъ магистралей: Московско-Кыштымской, Челябинско-Царицынской и Петербургско-Вятской, частью рѣшена принципіально, частью уже начинается. Между тѣмъ то противъ одной, то противъ другой изъ нихъ слышатся въ печати голоса, надняхъ же [1]) появилась статья г. К. Головина противъ первыхъ двухъ. Дѣло это громадно и будетъ стоить около 150 милліоновъ рублей. Поэтому, конечно, было бы непростительною ошибкой, если бы къ постройкѣ такихъ линій было приступлено недостаточно осмотрительно, а тѣмъ болѣе, если бы линіи эти оказались вредными. Резюмирую доводы противъ постройки, приведенные г. Головинымъ.

1) Соединять уральскую руду съ донецкимъ углемъ не стоитъ, потому что разстояніе въ 2,000 верстъ мѣшаетъ

[1]) Въ концѣ мая 1899 года.

какъ Уралу пользоваться донецкимъ углемъ, такъ и Дону пріобрѣтать руду на Уралѣ.

2) Постройка новыхъ дорогъ послужитъ ко вреду центра, такъ какъ съ одной стороны облегченіе дешевому сибирскому хлѣбу доступа къ морю создастъ для черноземнаго хлѣба нежелательную конкурренцію, съ другой — Челябинско-Царицынская дорога вызоветъ распашку новыхъ земель, которая тоже повлечетъ за собою обезцѣненіе хлѣба.

3) Московско-Кыштымская дорога не нужна для прорѣзаемой ею мѣстности по близости малодоходной Казанской дороги и не необходима какъ выходъ сибирскому грузу, которому удовлетворяетъ Сызрано-Вяземская дорога. Вообще строить для Сибирской дороги три выходныхъ магистрали при имѣющихся уже двухъ, Пермь-Котласской и Сызрано-Челябинской, будетъ излишнею роскошью.

Начну съ послѣдняго возраженія: пять выходовъ для сибирскихъ грузовъ — излишняя роскошь. Такъ ли это? Сибирская дорога строилась облегченнаго типа; черезъ три года начался разговоръ о перестройкѣ ея; образовались уже залежи по всѣмъ станціямъ; въ Челябинскѣ пробка; затруднено движеніе грузовъ по центральной Россіи. Неужели можно очень разсчитывать на выходъ черезъ Котласъ? А вѣдь Сибирская дорога дошла только до Иркутска. Конечно, всѣ разсчеты, которые могутъ быть сдѣланы даже гадательно, не предскажутъ сумму грузовъ, которыхъ можно ожидать по окончаніи всего тракта и необходимыхъ къ нему перпендикулярныхъ линій. Проснувшаяся Сибирь неудержимо потребуетъ не пяти, а десяти выходовъ. Это такъ же очевидно, какъ очевидно то, что каждая дорога, которая теперь строится, черезъ 10 — 20 лѣтъ потребуетъ второй колеи. Неужели искусственно задерживать развитіе сибирской жизни за недостаткомъ выходовъ? Всѣ вѣсти изъ Сибири единогласно указываютъ на это пробужденіе и

нельзя не отдать должной дани уваженія тѣмъ государственнымъ умамъ, которые не колеблясь, въ предвидѣніи этого, сразу приступаютъ къ заблаговременному заготовленію нужныхъ путей. Если что можно добавить, такъ это только сожалѣніе, что Кыштымская дорога будетъ строиться такъ медленно: чѣмъ раньше мы будемъ готовы, тѣмъ лучше. Лучше будетъ для самаго центра, такъ какъ ослабится вредъ залежей, такъ тормозящихъ намъ вывозъ и такъ обезцѣнивающихъ нашъ хлѣбъ. Г. Головинъ удивляется, какъ Московско-Казанское общество хочетъ вести вторую дорогу на Казань при убыточности первой. Именно предвидѣніе переворота, имѣющаго произойти съ постройкой Сибирской дороги, очевидно, его и побуждаетъ. Оно видитъ, что обѣимъ дорогамъ работы будетъ, видитъ и то, что сто верстъ разницы съиграютъ большую роль, когда дѣло идетъ о транзитѣ черезъ Сибирь. Теперь мы считаемъ Тамбовъ, Орелъ, Саратовъ за центръ, а скоро, быть можетъ, центромъ будетъ считаться Иркутскъ. Только этимъ возрожденіемъ Сибири и можно себѣ объяснить затраты десятковъ милліоновъ на Портъ-Артуръ, на тихо-океанскій флотъ и т. д.

Радоваться надо, что строятся линіи длиною въ 1,500 верстъ каждая, и надѣяться, что онѣ будутъ строиться по возможности прямо и фундаментально.

Вся наша сѣть строилась клочками, а не магистралями; это и удлиняетъ путь, и современемъ является зломъ, къ сожалѣнію, уже неисправимымъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать предпріятій крупныхъ, какъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь. Нельзя не одобрить и направленіе линій, ведущихъ прямо къ морю. Грузы вывозные грузятся на внутреннихъ станціяхъ разныхъ магистралей и подъѣздныхъ путей и идутъ къ периферіи; очевидно, поэтому, провозоспособность у портовъ и границъ должна быть больше,

чѣмъ въ центрѣ. Въ центрѣ листья, питающіе дерево, у порта—стволъ дерева. Если графически изобразить провозоспособность, то вершины конусовъ должны быть въ центрѣ, основанія у морей. У насъ часто обратно; внутри мы грузимъ, а къ границамъ подвезти груза не можемъ: образуются зловредныя пробки. Поэтому двѣ новыхъ магистрали, доходящихъ до моря, а если считать Московско-Виндавскую дорогу, то и три, нельзя не считать полезными во всѣхъ отношеніяхъ.

Перейдемъ ко второму доводу г. Головина. Дешевый хлѣбъ Сибири и земель, имѣющихъ быть вновь распаханными, понизятъ цѣны у насъ и еще болѣе разорятъ центръ. Можетъ быть это и вѣрно, когда дѣло идетъ о помѣщикахъ, но совсѣмъ невѣрно по отношенію крестьянъ. Мы видимъ, что вопросъ уже не въ разореніи, а въ голодной смерти.

Очевидно, нужно что-либо предпринять посерьезнѣе. Мужикъ продолжаетъ быть безграмотнымъ. Очевидно, если выходъ образованія ему не дается, надо искать другого: этотъ другой выходъ — переселеніе, разселеніе, новыя мѣста, новыя работы. Для насъ, помѣщиковъ, было бы выгоднѣе, если бы положеніе мужика улучшилось на мѣстѣ, но этого, повторяю, намъ, повидимому, не дождаться,—такъ какъ же намъ ратовать противъ другого выхода? Не вымирать же русскому крестьянству!

Дѣйствительно, ни дорогой, ни дешевый хлѣбъ не спасаетъ; скорѣе мужику лучше живется (я говорю про сытость,—не больше) при дешевомъ хлѣбѣ. Такъ надо попробовать дать ему земли. Вѣдь тѣ земли сибирскія и заволжскія, которымъ новыя дороги помогли бы распахаться, вѣдь онѣ будутъ распахиваться нашимъ же мужикомъ, который туда пойдетъ и тамъ найдетъ недостающіе хлѣбъ и работу; да и оставшимся попросторнѣе будетъ.

У насъ, когда говорятъ о переселеніи, принято указывать на Бельгію и повторять, что не намъ думать о переселеніи, когда и теперь населеніе во столько-то разъ рѣже, чѣмъ въ Бельгіи. Конечно, это такъ; но при этомъ умалчивается о степени образованія. Но такъ какъ густота населенія прямо пропорціональна образованію, то очевидно — намъ надо идти за Волгу, а можетъ быть и за Обь съ Иртышомъ. Вотъ если мы посмотримъ на новыя дороги глазами голодающаго мужика, то по-неволѣ придется сказать, что и для центра новыя дороги полезны.

Перейду къ третьему доводу г. Головина: не идти донецкому углю на Уралъ, ни уральской рудѣ на Донъ. Можетъ быть. Съ этимъ я спорить не буду, такъ какъ въ рудномъ дѣлѣ несвѣдущъ; думается мнѣ только, что если суждено Уралу превратиться современемъ въ Англію (а по его богатствамъ этого надо добиваться) и если Дону предстоитъ преобразоваться въ Бельгію, что́ тоже было бы недурно, то врядъ ли имъ соединеніе прямой желѣзной дорогой было бы лишнее. Впрочемъ опять повторяю: можетъ, рудное дѣло и не требуетъ Челябинско-Царицынской дороги, но во всякомъ случаѣ довольно и первыхъ мотивовъ, чтобы сдѣлать постройку ея и другихъ неотложною для Россіи необходимостью.

Кстати не могу не упомянуть о явленіи, по-моему, нежелательномъ: это отстаиваніе нѣкоторыми органами нашей прессы обѣихъ столицъ чисто мѣстныхъ городскихъ интересовъ. Когда рѣчь шла о Петербурго-Вятской дорогѣ, то естественно было хлопотать о ней петербургской думѣ, естественно и московской думѣ было говорить о компенсаціи, но врядъ ли серьезной прессѣ слѣдуетъ становиться на эту точку зрѣнія. Мѣстные городскіе интересы, какъ и сословные, и личные интересы, должны быть на заднемъ планѣ, когда рѣчь идетъ о государственныхъ нуждахъ.

Цензура редакцій.

Въ настоящее время [1]) постоянно услышите въ писательскихъ кругахъ, что всякую дѣльную мысль можно высказать въ печати, но что все дѣло въ томъ, какъ высказть. Не знаю, какъ другіе изъ этого выпутываются, но я твердо убѣжденъ, что далеко не все можно писать. Да не подумаетъ читатель, что я говорю о правительственной цензурѣ,—нѣтъ, я не редакторъ, не издатель и съ цензурой дѣла не имѣю. Наша, случайныхъ писателей, цензура въ редакторскомъ кабинетѣ. Но и страшны же для насъ эти редакторы! Попробую описать, какъ намъ приходится написать статью; коснусь и того вопроса, какъ эту статью надо читать.

Вотъ сидитъ человѣкъ, ну, хоть въ деревнѣ и видитъ дѣла деревенскія и захотѣлъ подѣлиться съ читателемъ накопившимися мыслями. Мысли самыя обыкновенныя, жизненныя, иногда горькія, иногда сладкія,—больше, конечно, какъ и вездѣ на свѣтѣ, горькія. Сердце наболѣло въ головѣ мысль набродила, такъ и просится наружу. Невольно садится онъ за столъ и пишетъ: все ему ясно, все имъ обдумано. Статья въ одинъ присѣстъ готова. Перечитываетъ—сказано то, что хотѣлъ сказать. Вдругъ вспомнитъ: а можно ли это напечатать? Конечно, не о цензурѣ онъ думаетъ: какое цензурѣ до него дѣло? Онъ человѣкъ благонамѣренный, безо всякихъ тенденцій; что видитъ, то и хочетъ разсказать—вѣдь хочется же въ предѣлахъ возможности принести и свой кирпичъ въ великое зданіе текущей исторіи.

Первый вопросъ, который у него въ головѣ возникаетъ:

---

[1]) Статья напечатана въ сентябрѣ 1899 г.

а въ какую редакцію я это отнесу? Вѣдь вопросъ крайней важности. Списокъ нашихъ повременныхъ изданій очень великъ, но подходящихъ газетъ очень мало. То изданія спеціальныя: имъ до деревни дѣла нѣтъ; то изданія мѣстныя: ихъ не интересуютъ вопросы, касающіеся мѣстности внѣ ихъ города или губерніи; то просто ничего не значащіе листки. Газетъ же, въ которыхъ можно писать объ общихъ вопросахъ, въ обѣихъ столицахъ нѣтъ и десяти. Да и изъ этихъ—въ нѣкоторыхъ писатель самъ не захочетъ участвовать, въ другихъ его отсутствіе направленія не понравится, съ третьими онъ не сходится по данному вопросу, четвертая — мало читается. Наконецъ, выбрано изданіе. Приходится приноровить статью къ этому органу. Тутъ опять много соображеній, во-первыхъ, чисто формальныхъ, во-вторыхъ, касающихся внутренняго содержанія. Формальное соображеніе, напримѣръ, таково: сколько строчекъ въ статьѣ? Одна редакція принимаетъ длинныя статьи, другая ихъ не любитъ. Въ послѣднемъ случаѣ надо сокращать написанное, часто въ ущербъ полнотѣ разсужденія — работа скучная, а главное — досадная. Еще непріятнѣе сглаживаніе написаннаго и подготовленіе къ редакторской цензурѣ. Часто нельзя сказать про черное, что это черно, а приходится перефразировать, напримѣръ такъ: такимъ образомъ выходитъ какъ будто черно, но можетъ быть я и ошибаюсь и это въ дѣйствительности бѣло, какъ снѣгъ.

Наконецъ статья написана. Остается, повидимому, положить ее въ пакетъ и отправить. Нѣтъ, можетъ возникнуть переписка длинная и мало полезная. Лучше самому ѣхать въ извѣстный день и часъ (часъ бываетъ иногда очень неудобный) и переговорить съ редакторомъ лично.

Начинается торговля: нельзя ли выпустить это словечко или это предложеніе? Чѣмъ его замѣнить? и т. д., и т. д.

До конца договориться невозможно, потому что времени у редактора всегда мало; приходится согласиться на то, чтобы онъ на свободѣ перечиталъ и сдѣлалъ необходимыя, по его мнѣнію, измѣненія. Не согласиться нельзя—вовсе статьи не возьмутъ, а сказать хочется, нужно для дѣла, которому служитъ человѣкъ. Скрѣпя сердце, соглашаешься на обѣщаніе выкинуть какъ можно меньше. Полагаешься на слово редактора.

Утромъ выходитъ газета. Статья помѣщена. Перечитывая ее, авторъ замѣчаетъ, что здѣсь выкинуто словечко, тамъ слово замѣнено другимъ, въ третьемъ мѣстѣ пропущена цѣлая фраза. Статья та самая, которую написалъ, а смыслъ другой. Выходитъ такъ, какъ если бы художественное жюри на выставкѣ картинъ принимало картины не иначе, какъ исправивъ картину по-своему: въ одномъ мѣстѣ прибавивъ штрихъ, въ другомъ—сгладивъ морщину, въ третьемъ — ослабивъ тѣнь. Очевидно, получилось бы не то выраженіе, которое хотѣлъ придать лицу художникъ. Если бы художнику пришлось справляться у жюри, что они любятъ: лицо болѣе молодое, розовое или болѣе морщинистое, старое, то, очевидно, онъ бы и писать не сталъ. То же почти приходится испытывать и писателю, когда онъ видитъ, какъ смыслъ его статьѣ приданъ другой. Но, къ сожалѣнію, бываетъ и хуже. Нѣкоторыя редакціи позволяютъ себѣ вставлять цѣлыя предложенія, приписывая автору, подписавшему свою статью полнымъ именемъ, то, чего онъ и въ мысляхъ не имѣлъ. И все приходится терпѣть, такъ какъ ссориться съ редакціей нельзя: всего-то ихъ двѣ-три, въ которыхъ онъ можетъ помѣщать свои статьи. Какъ больно бываетъ человѣку, служащему идеѣ, это непомѣрное и ничѣмъ, повидимому, не вызванное усердствованіе редакторовъ. Кто пишетъ—поймётъ меня: лучше писателю, кажется, чтобы у него вырѣзали кусокъ

мяса, чѣмъ чтобы исковеркали статью, въ которой онъ вылилъ свою наболѣвшую душу.

Отъ писанія статьи перехожу къ чтенію ея. Читатель, прочитавъ статью, долженъ подумать, что авторъ хотѣлъ этимъ сказать. Возникаетъ цѣлое искусство читать между строкъ; оно не было бы опасно, если бы это искусство не вело иногда къ великому злу—пониманію того, чего не написано ни въ строкахъ, ни между строкъ. Между тѣмъ даже это часто встрѣчается: вдругъ нежданно-негаданно тебѣ приписываютъ ужасы, которыхъ ты и въ мысляхъ не имѣлъ (на это есть даже своего рода спеціалисты). Поэтому писателю и это надо имѣть въ виду: какъ бы не прочли того, чего онъ и не писалъ.

Думаю, что изъ всего этого ясно, какъ тяжелъ публицистическій удѣлъ, въ особенности, когда онъ не перешелъ въ ремесло и когда человѣкъ пишетъ, желая принести пользу дѣлу, которому служитъ.

Геній и шовинизмъ.

Прошли Пушкинскіе дни и, къ сожалѣнію, принесли съ собой болѣе шума, чѣмъ дѣла. Шумъ былъ страшный: готовились задолго до срока, всѣ газеты были полны однимъ предметомъ передъ праздниками, во время праздниковъ, послѣ праздниковъ. Но въ результатѣ у всѣхъ чувство разочарованія. Праздникъ Пушкина долженъ былъ быть праздникомъ мысли. Если нѣтъ Достоевскаго, Аксакова и Тургенева, то вѣдь не угасла же мысль на Руси. Видно не время ей имѣть свой праздникъ. Съ этимъ надо помириться; это можно было и предвидѣть.

Но что празднества вышли блѣдны въ отношеніи мысли, это понятно; дѣло исторіи сказать—почему. Къ сожа-

лѣнію, было худшее зло, — ложь. Первая ложь заключалась въ томъ, что праздникъ хотѣли сдѣлать всенароднымъ, точно можетъ нашъ народъ праздновать мысль, когда онъ и читать не умѣетъ. Народъ тоже праздновалъ, но праздновалъ самъ не зная что: не то святого, не то генерала. Ложь эта чувствовалась страшно, потому что еще ярче выдвинула народную слѣпоту. Не дай Богъ, чтобы на будущемъ памятникѣ Пушкину было написано: «Пушкину — русскій народъ». Русскій народъ Пушкинымъ памятниковъ еще не воздвигаетъ. Впрочемъ, ложь эта извинительна: хотѣлось бы, конечно, пріобщить къ радости русской и весь народъ русскій. Не хотѣлось отъ Европы отстать, гдѣ народы празднуютъ своихъ геніевъ. Къ сожалѣнію, была худшая ложь.

Геній между прочимъ тѣмъ отличается отъ другихъ великихъ людей, что поле его дѣятельности — не только его отечество, а весь міръ. Геніальный царь, конечно, принося пользу преимущественно своему отечеству, вмѣстѣ съ тѣмъ полезенъ и міру, открывая ему, по какому пути надо идти. Петръ Великій служилъ Россіи, но геній его, прорубившій окно въ Европу, долженъ служить образцомъ всѣмъ тѣмъ народамъ, которые тоже должны прорубать это окно. Онъ не только сдѣлалъ Россію великой европейской державой, но и другимъ народамъ указалъ этотъ путь. Его открытіе есть открытіе всемірное — потому онъ и геній.

Геніальный ученый, геніальный изобрѣтатель еще болѣе служитъ міру: Платонъ, Ньютонъ, Галилей, Гуттенбергъ, Колумбъ и Стефенсонъ, конечно, одинаково были полезны какъ своему отечеству, такъ и всему міру. Рафаэль, Бетховенъ, Шекспиръ, Гете, Пушкинъ такимъ же образомъ доступны одинаково русскому, нѣмцу, французу. Въ томъ-то и заключался ихъ геній, что они умѣли го-

ворить языкомъ человѣчества, писать картины, сочинять музыку, понятную человѣчеству, а не своему только народу. Слушая «Лира», «Фауста», «Скупого Рыцаря», забываешь ихъ національность, какъ и національность автора. Такъ и Пушкинъ, помимо того, что создалъ русскую литературу, говорилъ по-русски языкомъ человѣчества: служа отечеству, онъ служилъ міру.

Естественно Пушкинымъ гордиться его дѣтямъ и внукамъ больше другихъ, естественно—гордиться имъ и Россіи, способной рождать такихъ людей. Но писалъ онъ для человѣчества, ни одного чувства у него не можетъ быть противнаго человѣчеству, ни одной мысли, непонятной всему міру. Иначе онъ не былъ бы геніемъ. Съузить его всемірную роль—значитъ умалить его геній. Много у насъ великихъ писателей; но Грибоѣдова, Гоголя, Гончарова понять можетъ только русскій и притомъ близкій къ ихъ эпохѣ: черезъ двѣсти лѣтъ они и не всѣмъ русскимъ будутъ понятны. Ихъ талантъ не могъ поставить ихъ выше мѣста и времени. Для Пушкина нѣтъ мѣста, нѣтъ времени,—поэтому Пушкинъ одинъ (о живыхъ я говорить не буду). Тутъ вторая ложь: всемірнаго генія хотѣли свести на степень узко-національнаго писателя. Точно у насъ мало великихъ національныхъ писателей! Тѣмъ-то Пушкинъ и выше другихъ, что онъ принадлежитъ міру. Въ томъ-то и патріотизмъ нашъ долженъ быть польщенъ, что Россія произвела всемірнаго учителя. А мы сами себя бичуемъ, оспаривая его у міра. Вотъ вторая ложь. Увы! была ложь еще худшая.

Неужели же Пушкинъ былъ бы Пушкинымъ, если бы онъ принадлежалъ къ какой бы то ни было политической партіи? Между тѣмъ мы видимъ, что изъ него чуть ли не сдѣлали знамени партіи. Пушкинъ великъ потому, что онъ вездѣ всегда умѣлъ выбрать прекрасное, вѣчное, прав-

дивое и отличить отъ сквернаго и ложнаго. Прекрасное онъ разыскивалъ въ прошломъ, чтобы передать его будущимъ поколѣніямъ, прекрасному онъ поклонялся и служилъ въ настоящемъ, прекрасное предвидѣлъ въ будущемъ. Могъ ли это быть человѣкъ партіи? Какъ поэтъ, онъ былъ мечтатель, какъ таковой—увлекался; но сбиться съ пути истины не допустило бы его чутье прекраснаго.

Что же? Одинъ изъ ораторовъ въ 26-ти-лѣтнемъ поэтѣ заподозрилъ возможность увлеченія. За это, не безъ искаженія словъ оратора, его представили чуть не врагомъ отечества, произнесши «слово и дѣло». Хорошо празднованіе великаго Пушкина. Если бы не сомкнулись его вѣщія уста, какую оду далъ бы онъ потомству, новымъ клеветникамъ Россіи «всероссійскимъ шовинистамъ»!

Если бы и въ нашемъ поклоненіи Пушкину мы хотѣли искать правды, то мы бы учились у него искать ея. Неужели онъ находилъ ее въ партіи? Какъ геній, онъ шелъ впереди человѣчества, онъ жаждалъ для него прогресса; патріотъ—онъ желалъ свободы и свѣта Россіи. Если бы были партіи въ Россіи, Пушкинъ могъ бы основать партію свѣта и добра. Но Пушкинъ не могъ идти за шаблонной партіей. Поэтому и теперь грѣхъ тѣмъ, которые личныя, часто нечистыя побужденія хотятъ связать съ его именемъ. Они не прославляютъ, а оскорбляютъ его. Шовинисты, любящіе ложь, а не правду, свою сокровищницу, а не нищихъ, свою выгоду, а не Россію—и Пушкинъ! Что между ними общаго?

Эта ложь, худшая изо всѣхъ, сопровождавшихъ Пушкинскія торжества, не въ такихъ рѣзкихъ формахъ слышалась неоднократно и портила впечатлѣніе. Кабы правды мы искали, кабы правду любили—конечно, и мысли бы нашлись.

Но что за дѣло шовинистамъ до правды? Что за дѣло

до Пушкина? Для достиженія личныхъ и партійныхъ выгодъ не то что Пушкина, и Евангеліе-то сплошь да рядомъ передѣлываютъ на свой ладъ, чтобы и Христа причислить къ своей партіи.

Маленькіе люди.

Часто въ газетахъ, особенно печатаемыхъ спеціально для столичныхъ жителей, встрѣчаются жалобы на прислугу, на извозчиковъ и прочихъ маленькихъ людей. Вотъ и читаешь, и слышишь, что городской народъ страшно избалованъ, дерзокъ, что житья отъ него нѣтъ. Привыкши къ деревенской покорности, я охотно вѣрилъ этимъ разсказамъ и готовился встрѣтить въ этихъ людяхъ бездну всякой испорченности. Два мѣсяца прожилъ я въ Петербургѣ и тутъ убѣдился еще разъ, что никакому, даже самому распространенному, слуху вѣрить нельзя.

Приведу фактъ. Ѣду разъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ. На пароходѣ сошелъ внизъ позавтракать. Вскорѣ сошли двѣ дамы, одѣтыя по послѣдней модѣ, и захотѣли войти въ кабинетъ, отдѣленный отъ залы драпировкой. Стоявшій тутъ человѣкъ изъ моряковъ очень вѣжливо замѣтилъ имъ, что кабинетъ уже занятъ пассажирами, положившими тамъ свои вещи. Начался споръ, очень громкій со стороны дамъ, очень тихій и вѣжливый со стороны повторившаго только раза два: «Да, помилуйте, сударыни, да вѣдь вещи лежатъ, занято»; дамы разсердились и, объявивъ, что будутъ жаловаться шкиперу, пошли наверхъ. Не знаю, жаловались онѣ или нѣтъ, только сошли опять и опять набросились на лакея. Главный доводъ былъ слѣдующій: «Ты грубіянъ, смѣешь быть дерзкимъ, ты забываешь, кто ты и кто мы». Бѣдному человѣку,

вѣроятно, очень хотѣлось сказать: «Не знаю, кто вы, знаю только, что хуже меня воспитаны». Но онъ удержался, все время молчалъ. Дамы взяли таки кабинетъ приступомъ, морякъ покорился.

А вотъ другой фактъ, на этотъ разъ изъ жизни извозчичьей. 30-мая, въ воскресенье, пріѣзжаю на Николаевскій вокзалъ. Толпа громадная гуляющихъ передъ вокзаломъ. Подъѣзжаетъ старый священникъ на плохомъ, плохомъ ванькѣ. Подъѣзжаетъ, конечно, почти шагомъ и слѣзаетъ. Вдругъ молодой человѣкъ, прилично одѣтый, набрасывается на извозчика и начинаетъ его громко ругать. Слова были въ печати встрѣчающіяся, тѣмъ не менѣе повторять ихъ не хочу. Ругался господинъ за то, что тотъ не крикнулъ «берегись!» Такъ какъ извозчикъ ни его, ни кого другого не зацѣпилъ,—и такъ лошадь еле плелась,—то, очевидно, кричать было незачѣмъ. Бывшая съ господиномъ компанія уговаривала его бросить это дѣло; но ему и ругани было мало: онъ сѣлъ на этого самаго ваньку и поѣхалъ въ участокъ жаловаться. Нечего и говорить, что извозчикъ умолялъ простить его невѣдомый никому грѣхъ. Носильщики и даже городовой начали говорить, что извозчикъ непремѣнно пострадаетъ либо штрафомъ, либо запрещеніемъ ѣздить. Публика, молъ, всегда права. Дѣлать нечего: паспортъ былъ при мнѣ, поѣхалъ я въ участокъ незваным свидѣтелемъ. Записали жалобу того господина, записали и мое заявленіе. Меня успокоили, и я успокоилъ ваньку. Публика вся была на моей сторонѣ. Извозчикъ, возившій меня въ участокъ, отказывался отъ денегъ. Господинъ не только приличной, но и изящной наружности, благодарилъ меня.

Заниматься общественными, а тѣмъ болѣе уличными картинками не мое дѣло: и читать-то ихъ не люблю. Тѣмъ

не менѣе общимъ разсужденіямъ хотѣлъ предпослать эти двѣ сценки для большей убѣдительности.

Моя собственная практика такова: въ эти два мѣсяца я ѣздилъ много, извозчиковъ бралъ не менѣе двухъ сотъ разъ и ни разу не натолкнулся на грубость. Садился и сговорившись въ цѣнѣ, садился и безъ ладу. Разъ только извозчикъ попросилъ записать у него часъ отъѣзда. Можетъ быть, передъ тѣмъ сѣдокъ, сѣвши въ девять часовъ, при разсчетѣ объявилъ, что сѣлъ въ одиннадцать. Это, оказывается, бываетъ часто. Я замѣтилъ часъ отъѣзда, а при разсчетѣ извозчикъ самъ извинился, что мнѣ не довѣрился. Грубости не встрѣчалъ ни отъ какой прислуги.

Антагонизмъ между публикой и маленькими людьми очень интересенъ. Что такое публика? Публика въ большомъ городѣ—все то, что хорошо одѣто, публика—самое демократическое учрежденіе, потому что аристократъ и сановникъ принадлежатъ къ ней такъ же, какъ принадлежитъ къ ней по праздничному одѣтый лакей.

Лакей во фракѣ, извозчикъ, носильщикъ—это все не публика: это все низшій классъ; тотъ же лакей въ пиджакѣ—публика. Лакей въ пиджакѣ лакею во фракѣ говоритъ въ ресторанѣ: «Ты», «эй, ты, поворачивайся живѣй»; лакей во фракѣ говоритъ ему: «Вы», «сударь», или «баринъ» и торопится поворачиваться.

Я говорю и утверждаю, что маленькіе люди въ громадномъ большинствѣ случаевъ съ публикой вѣжливы, такъ же какъ вѣжливы мужики въ деревнѣ съ бариномъ или лавочникомъ.

Публика съ прислугой и извозчиками тоже большей частью вѣжливо обходится, но случаи столкновеній, въ родѣ мною вышеприведенныхъ, гораздо чаще происходятъ по винѣ публики, чѣмъ по винѣ маленькихъ людей.

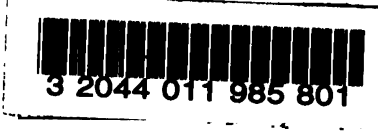
Какая часть публики груба? Къ сожалѣнію, болѣе

всего мы, именующіе себя господами и мнящіе себя благовоспитанными. Лакей въ пиджакѣ часто не будетъ грубить лакею во фракѣ, потому что чувствуетъ, что завтра ему тоже придется быть во фракѣ; а если онъ и грубитъ, то для того, чтобы его приняли за *настоящаго* барина. Это грустно, но это такъ. Печально, когда грубость одно изъ отличительныхъ свойствъ настоящаго барина; отъ этого происходитъ необходимость дуэлей, отъ этого низшіе слои населенія видятъ въ грубости не зло, а доблесть, отъ этого они и въ городѣ, и въ деревнѣ между собою ругаются. И какъ имъ быть вѣжливыми между собою, когда мы имъ даемъ примѣръ грубости? Но не къ вопросу о воспитаніи клонится моя рѣчь. Я хотѣлъ вывести изъ моихъ оцѣнокъ практическій выводъ. Если бы дамы пожаловались шкиперу, лакея-моряка немедленно бы прогнали; если бы не заступились за извозчика, его бы, по меньшей мѣрѣ, оштрафовали. Правильно ли это? Въ Петербургѣ, такъ же какъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, извозчикъ всегда виноватъ, сѣдокъ всегда правъ. Положимъ, что если извозчика нельзя будетъ оштрафовать иначе какъ по суду, то это поведетъ къ разнузданности нашихъ возницъ — очевидно, право штрафовать ихъ должно быть дано полиціи. Но ужъ не слишкомъ ли широко примѣняется это право? Если извозчикъ пьянъ, грубъ, не соблюдаетъ правилъ ѣзды, то, конечно, его надо оштрафовать и даже, въ случаяхъ повторныхъ, лишать права ѣздить; но все-таки должно это быть доказано либо признаніемъ извозчика, либо свидѣтелями, либо, наконецъ, свидѣтельствомъ самой полицейской власти, хотя бы городового. Между тѣмъ часто люди страдаютъ понапрасну при простой жалобѣ сѣдока, не подкрѣпленной ничьими удостовѣреніями. При разнообразіи же нашихъ сѣдоковъ, мы видѣли, какіе бываютъ случаи и за что люди иногда лишаются куска

хлѣба. Когда человѣкъ зависитъ отъ частнаго лица, какъ ресторанная прислуга, хозяинъ заставляетъ его молчать при неправильныхъ притязаніяхъ публики, иначе эта публика будетъ избѣгать его ресторана. Это грустно и сознается часто самими хозяевами, но неизбѣжно. Удобно ли, чтобы полиція, т. е. правительственная власть, поступала такъ же? Было бы желательно поменьше довѣрія къ публикѣ, но больше жалости къ извозчику. Отъ кого не попадаетъ маленькому человѣку?

Хоть разъ хотѣлось за него заступиться.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
300 Summer Street
Boston, Mass. 02210



3 2044 011 985 801

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

CANCELLED
NOV 7 1983
OCT 27 1983
7880207

WIDENER
CANCELLED
JUN 18 1985
1449522

WIDENER
CANCELLED
APR 20 1987
MAR 26 1987
2257260